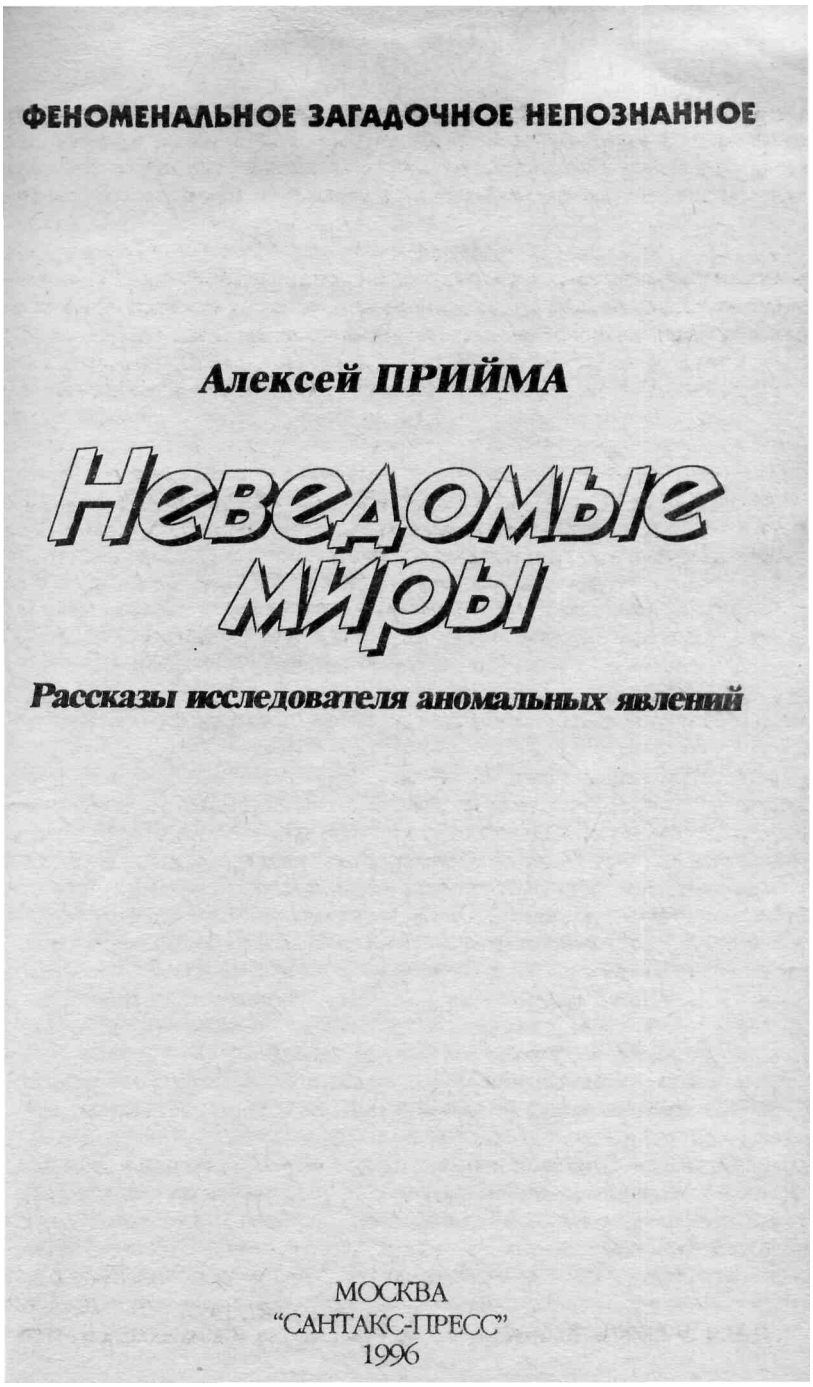
АЛЕКСЕЙПРИЙМА

НЕВЕДОМЫЕ МИРЫ



OCR & Spell-Check by Chung 03.2010

А. К. Прийма — профессиональный писатель и известный исследователь аномальных явлений, автор четырех книг о них. Его книги о «контактах с *чуждым» всегда полны увлекательных приключений, местами они напоминают добротную детективную прозу.*

«Неведомые миры» написаны в свойственной автору захватывающей манере. На страницах книги описываются встречи людей с демонами, домовыми, привидениями, экипажами НЛО. Все «контактные истории» расследовались автором лично и публикуются впервые.

Книга иллюстрирована многочисленными уникальными фотографиями. Все фотоснимки печатаются впервые.

Для широкого круга читателей.

Пролог

АВТОПОРТРЕТ

Я прочитал две ваши книги про аномальные явления и задумался над вопросом, ответ на который в них не нашел. Кто вы такой? Почему вы — именно вы! — занимаетесь всей этой «чертовщиной»?

Из письма читателя С.Анохина из Киева, июль 1994 года

Штрих 1-й. Дела семейные

Хляби небесные разверзлись в начале августа. За одну ночь небосклон, еще вчера по-летнему празднично синий, заволокло пеленой туч. Едва проснувшись поутру, я услышал характерное шелестение за окном, ненавистное до одури, знакомое до тошноты. Я прислушался. Шелестело с подвываниями.

На дворе куролесила непогода.

Шепотом выругавшись, я встал одним рывком с постели и вышел на лоджию.

И уткнулся, как и ожидал, лицом в дождь.

Мириады тяжелых и крупных капель, сливаясь в косые струи, неслись сверху вниз сплошной шуршащей стеной. По той стене пробегали то и дело волны. Стена шевелилась. Она местами как бы вспенивалась, когда резкий ветер, шквалистый, почти ураганный, прокатывался по ней сердитыми порывами.

Я бросил хмурый взгляд вверх.

От горизонта до горизонта над городом клубились тучи — мглисто-непроницаемые, как окна в вагоне для перевозки заключенных. Во всю свою ширь небеса были наполнены водой. И ничего, кроме воды, в них не было — ни самолета, ни птицы, ни стрекозы, ни «летающей тарелки». Все, что умело летать, пряталось сейчас по своим дуплам и норкам, жалось на аэродромах к земле, цепенело недвижимо в Иных Мирах, хоронясь от ненастья.

— Вот невезуха! — с чувством пробормотал я, всовывая в дождь ладони, сложенные ковшиком.

— О чем ты, милый?

Ковшик из ладоней наполнился. Я поднес его к лицу, ополоснул небесной влагой веки и щеки и лишь после этого обернулся к распахнутой настежь двери лоджии.

За дверью виднелась в комнате тахта. Из-под тонкой простынки, очерчивающей контуры человеческого тела, таращились на меня глаза, подернутые сонной поволокой.

— Льет дождь,— молвил я сквозь зубы.

— Ну и что? — удивилась Людмила, моя супруга.

Она стянула простыню с головы и чуть привстала на постели. Потом изрекла:

— Дожди в Москве идут часто. Такой уж здесь климат.

— Но этот климат не устраивает меня,— отчеканил в ответ я.— Он постоянно вмешивается в мои планы.

Людмила зашевелилась на тахте, умащиваясь там поудобнее. Сонная поволока исчезла из ее зеленых, широко распахнутых глаз, смытая удивлением.

— Климат — явление природы,— проговорила она рассудительным тоном окончательно проснувшегося человека.— Давно пора бы тебе приспособиться к нему.

— К этому безобразию? — хмыкнул я и большим пальцем левой руки ткнул себе за спину через плечо, за которым шуршал ливень.

— Да, милый.

— Двадцать лет я уже живу в Москве...

— Двадцать один год.

— Ну, хорошо, пусть двадцать один. Не перебивай. И двадцать лет пытаюсь приноровиться к тому, что здесь называется климатом. Называется по чистому недоразумению, по-моему. Потому что это не климат, а сплошной небесный бардак, прости за выражение. Я родился и вырос на юге России — в донских степях.

— Да, милый.

— Там всегда светит солнце.

— Да.

— Там почти не бывает дождей. Во всяком случае, летом.

— Да.

— Там так хорошо! А здесь...

— Да.

— Что —да?

— Э-э... Я просто сказала «да». Для поддержания разговора.

Дождь за моей спиной продолжал монотонно шуметь. Я шагнул из лоджии в комнату и с треском захлопнул дверь.

— Перестань кипятиться, милый,— послышалось с тахты; голос был тихим и безмятежно-спокойным.— Нервные клетки не восстанавливаются. Пойди прими душ.

— Да.

— Сам знаешь, тебе вредно волноваться.

— Да.

— Постарайся расслабиться.

— Да, милая. Да!

Возникла долгая тягостная пауза. Затем Людмила голосом, по-прежнему отрешенно-спокойным, произнесла:

— Зачем ты передразниваешь меня?

Продрогший, пока стоял в трусах и майке на лоджии, я зябко обхватил мокрыми ладонями плечи.

— Извини, пожалуйста. Это нервы. Ненавижу дожди.

Спустя минуту, нежась в ванной комнате под горячим душем, я лениво размышлял над тем, как удивительно повезло мне с женой.

Судьба одарила меня супругой, обладающей уникальным характером, идиллически безмятежным. Людмила шествовала по жизни с олимпийским спокойствием в душе и со слегка недоуменной улыбкой, временами озарявшей ее круглое как луна лицо, неизменно добродушное. Это была улыбка человека, решительно не понимающего, почему все вокруг нервничают, кипятятся с утра до ночи и выходят из себя.

Моя жена никогда не выходила из себя. Она никогда не повышала голос. Но ее главным достоинством, с моей точки зрения — важнейшим, было то, что она всегда и во всем соглашалась со мною.

Существовала, впрочем, одна специфическая тема, вокруг которой Людмила позволяла себе устраивать в наших с ней домашних беседах осторожные дискуссии.

— Заниматься такими делами, какими занимаешься ты, очень опасно, милый. Неужели ты не понимаешь этого?

— Понимать-то понимаю,— ответствовал я.— Но что же мне поделать с собой, если они и только они интересуют меня по-настоящему?

— Да.

— Расследование подобных дел — мое ремесло.

— Да.

— Наконец, должен же кто-то заниматься такими штуками!

— Да, милый. Но лучше бы это был не ты, а кто-нибудь другой.

— Может быть. Однако занимаюсь ими именно я.

— Вот в том-то и беда. Пожалуйста, веди себя поосторожнее в следующий раз, когда будешь ставить новые эксперименты.

— Постараюсь.

Штрих 2-й. Дела исследовательские

И я действительно старался. Наверное, это неплохо получалось у меня, судя хотя бы по тому, что вы, читатель, просматриваете в настоящий момент эту книжицу. Она пишется твердым почерком и уверенной рукой уверенного в себе человека, который не жалуется на здоровье, прежде всего психическое. Из года в год занимаясь исследованиями весьма необычных материалов, ставя иной раз достаточно необычные эксперименты, порою в самом деле опасные, я не сыграл в ящик, не стал инвалидом и не свихнулся...

Переминаясь с ноги на ногу под горячим душем, я напомнил себе, что на сегодня был запланирован мною один любопытнейший контактный опыт с далеко идущими, верилось заранее, вдохновляющими последствиями. Кроме того, через пару дней намечалось поставить другой опыт — не менее занятный, но с последствиями, на сей раз неясными, возможно, небезопасными для здоровья. Изюминка ситуации была в том, что по целому ряду причин, которые я находил вескими, оба эксперимента следовало проводить в полевых условиях. То есть за городской чертой, где-то на лесных полянах и непременно при ясном солнечном свете.

Ливень, обрушившийся на Москву, крест-накрест перечеркнул все мои планы.

У московского климата есть одна хорошо известная москвичам примечательная черточка, которая всегда вгоняла меня в меланхолию и тоску. Если уж в здешних краях зарядит дождь, то льет он дни и ночи напролет, а то даже и неделями. Плотные, обильно потеющие тучи, обложившие минувшей ночью небосклон, были верным знаком того, что непогода решила и на сей раз поселиться в столице надолго... Значит, следовало спешно перестраиваться, приспосабливаясь к внезапному ненастью, в корне менять планы.

Чем я и занялся, едва выйдя, освеженный душем, из ванной комнаты.

Людмила завтракала в молчаливом одиночестве на кухне. Потом тихо, как мышка, дабы не мешать мне, перекладывала вещи с места на место, переодевалась, собираясь отправиться на работу. А я тем временем сидел за письменным столом перед телефонным аппаратом и мерно накручивал номер за номером. Я отменял загодя назначенные встречи. Я переносил их на неопределенные сроки. Я беспрерывно сетовал на непогоду, и мои собеседники и собеседницы, тяжко вздыхая, тоже поминали в ответ недобрым словом дождь.

Никто из них не ругнул меня за то, что звоню я в рань кромешную. Никто из них в это утро уже не спал; мы заранее договорились встать на рассвете, дабы как можно

раньше выехать всей нашей компанией на электричке за город... Кое-кому из тех, с кем я толковал сейчас по телефону, пришлось ради такого дела отпрашиваться с работы, брать отгул.

Кадр из полнометражного документального фильма «Новые сведения о Конце Света» (Свердловская киностудия, 1991)

А. Прийма (в центре) ставит один из своих экспериментов в г. Сальске Ростовской области. Люди, сидящие вокруг него, погружены в гипноз. Именно над этим местом появился ранее некий «небесный код» в саль-ском небе, расшифрованный как внеземная информация о грядущем катаклизме на Земле. Обзор и анализ «сообщений из будущего» об этом стихийном бедствии будет дан в третьей части книги.

А другим не пришлось — они были безработными или домохозяйками.

Все они без исключения сотрудничали со мною по доброй воле, самоотверженно и бескорыстно — без малейшей надежды на денежное вознаграждение. Мы были группой энтузиастов, крохотным, крепко сплоченным отрядом самодеятельных исследователей. Лидером группы был я.

С точки зрения официальной российской науки, мы опрометчиво, глупо тратили собственные жизни на то, чего, по мнению той науки, вообще не существовало в природе. Несмотря на все демократические преобразования, вывернувшие в последние годы Россию почти наизнанку, официальная наука продолжала, как и ранее, игнорировать нас.

Телефонный разговор с последним из моих сотрудников уже подходил к концу, когда из прихожей послышалось:

— До свидания, милый. Я ухожу на работу.

— Желаю удачи.

— Да.

— До встречи вечером.

— Да.

Дверь, ведущая на лестничную площадку, негромко скрипнула, закрываясь. Я поболтал еще с полминуты по телефону. Потом, опуская трубку на рычаг, поставил мысленный крестик напротив последней фамилии в списке моих сотрудников-энтузиастов. Все они были предупреждены мною об отмене эксперимента на лесной поляне. Все могли заниматься сегодня делами, какими им заблагорассудится. Переведя дух, я откинулся на спинку стула и рассеянным взором уставился в окно.

Лишь в это мгновение до меня вдруг дошло, что впереди ждал меня абсолютно пустой день, лишенный привычных исследовательских дел и забот, которые были главным содержанием моей жизни... Чем бы сейчас заняться? Что делать?

Пальцы моей правой руки выстукивали по крышке письменного стола машинальную дробь — беспрерывную, монотонную, как дождь, нарушающий мои планы. Я смежил веки и, баюкаемый его гипнотическим шелестом, задумался, невольно расслабляясь. Перед внутренним взором поплыли ровной чередой воспоминания... Отчетливо вдруг вспомнилось, с каким напряженным вниманием следил я в свое время за реформаторской деятельностью Михаила Горбачева.

Коммунистическая империя рушилась на глазах. Реформы следовали за реформами. Внезапно была отменена цензура.

Лично для меня отмена цензуры оказалась важнейшим шагом горбачевской перестройки. Она переворачивала вверх тормашками всю мою жизнь, отчасти смахивавшую до отмены цензуры на жизнь профессионального подпольщика. То, чем на свой страх и риск занимался я, никогда официально не признавалось советской властью. И, стало быть, запрещалось цензурой для публичных обсуждений прежде всего в печати. А ежели изредка и допускалось ею на страницы журналов и газет, то только в особом контексте — погромно-ругательном. Читателям разъяснялось, что упорно циркулирующие по городам и весям Советского Союза слухи о встречах со «внеземной чертовщиной», самостийно, без разрешения властей шляющейся якобы по стране, — это именно слухи, вздорные и нелепые. Пустопорожние сплетни, не более того. Все это — чепуха, писали газеты. Бред умалишенных или пустозвонный треп людей, ищущих дешевой славы.

Чепухой авторы таких статеек называли сообщения о наблюдениях НЛО, рассказы о встречах с привидениями, домовыми, лешими и так далее, и так далее. В общем, все то, что и было главным предметом моих исследовательских интересов.

Моя точка зрения на этот самый предмет была радикально иной, но никого из хозяев советской прессы она не интересовала. Помнится, раз пять или шесть я пытался высунуться — осторожно, с массою оговорок, поспорить с авторами тех статеек. Посылал в редакции газет и журналов свои статьи, составленные из хорошо продуманных, дипломатично-обтекаемых выражений. Статьи, одна за другой, со свистом улетали в редакционные корзины для ненужных бумаг.

Год за годом я жил в немоте. Жил с кляпом во рту.

Но не делал из этого факта трагедии.

А не делал .потому, что к кляпу во рту мне было не привыкать. Он не был для меня в диковинку.

Штрих 3-й. Дела минувших дней

Дождь продолжал убаюкивающе шуршать за окном, а я продолжал вспоминать, весь расслабившись в полудреме. Воспоминания походили на сны — на туманные сновидения о давно ушедших днях, которые не вернешь и которые последовательно разворачивались сейчас перед внутренним взором, как старая выцветшая кинолента.

Однажды, напомнил я себе, кляп уже втыкали в мою глотку — совсем, впрочем, по другому поводу, не имеющему касательства к исследованиям аномальных явлений. Было это давно, даже очень давно — в конце семидесятых годов.

Кляп тогда вогнали крепко. И не просто вогнали, а попутно перешибли мне хребет, сломали мою судьбу.

Должен вам тут сказать, что в ту пору мой интерес к аномальным явлениям был равен нулю. Тогда, в семидесятые годы, я тешил свою душу другими вещами. Был я тогда начинающим литератором, молодым писателем из числа тех, кого называли перспективными. Я неплохо печатался — в том числе в престижных «толстых» литературных ежемесячниках: в «Знамени», «Новом мире», «Октябре»... Вокруг моих публикаций, к величайшей радости их автора, шли бурные — я нисколько не преувеличиваю — литературно-критические дебаты. Один критик тогда тонко подметил: «...об А. Прийме уже написано едва ли не больше «критических строк», чем им самим опубликовано строк авторских».

Медленно, но верно я входил в моду. О моем литературном творчестве говорили все больше и больше.

Мне было настойчиво порекомендовано поскорее вступить в Союз писателей СССР, и я подал туда заявление о приеме... В двух московских издательствах уже стояли в планах выпуска две мои книги... Литературная критика продолжала вести споры вокруг моих журнальных публикаций. В тех спорах меня именовали «крутым авангардистом», «заметной новой фигурой на литературном небосклоне», «молодым литератором, не желающим шагать в ногу со всеми»...

Все в моей жизни, в профессиональной карьере складывалось вроде бы более чем хорошо. И не было, казалось бы, никаких поводов для беспокойства.

А между тем над головой «заметной новой фигуры» сгущались тучи. Молодой и вечно взъерошенный «авангардист», «не желающий шагать в ногу со всеми», был — как я теперь, задним умом, понимаю — неуместной, «лишней» фигурой в советской литературе той поры. Он был вечным вызовом тем, кто, напротив, дружно шагал в ногу, следуя руководящим указаниям Коммунистической партии. А таких в литературе было тогда большинство. Хуже того, «авангардист» служил дурным примером для других начинающих литераторов, «оказывал плохое влияние на них». Наглеца следовало приструнить.

И вот разразилась катастрофа. На Всесоюзном совещании молодых писателей выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов. Тронная речь комсомольского вождя называлась так — «Созидательная деятельность Коммунистической партии и советского народа — источник творческого вдохновения молодых писателей». Уже в названии речи, похожем на фельдфебельский окрик, давалась нам, молодым литераторам, внятная установка, на что конкретно мы должны, взяв под козырек, ориентироваться и о чем дозволяется нам чирикать.

В тронных речах, как известно, не принято застревать вниманием на недостатках. Тронные речи для того только пишутся и произносятся, чтобы рассказать в них и показать, как все вокруг отлично и просто замечательно. Такой по содержанию была и речь гражданина Пастухова. Бравурные аккорды гремели в ней один за другим. Лишь в самом конце мажорного монолога прозвучала одна-единственная нотка резкого диссонанса ко всему, о чем монотонно бормотал комсомольский вождь ранее. Молодые писатели, к тому моменту уже почти уснувшие от скуки, отреагировали на взрывную нотку очень шумным оживлением в зале.

Завершая доклад, гражданин Пастухов вылил обильный ушат помоев на голову гражданина Алексея Приймы, начинающего литератора. Партийный ушат дерьма был одновременно недвусмысленным партийным приказом; все в зале мгновенно сообразили это. С высокой партийной трибуны строгим коммунистическим

пальчиком указывался «мальчик для битья», назывался по имени объект, на который официально объявлялась охота.

Желающих выслужиться перед высоким начальством сыскалось немало, особенно среди молодых литераторов, и — началась потеха!

Мои книги немедленно вылетели из издательских планов. О приеме меня в Союз писателей СССР никто больше даже не заикался. В редакциях журналов, где я раньше печатался, смотрели отныне на меня как на пустое место.

В мгновение ока я стал изгоем.

А в литературной печати творилось тем временем нечто, смахивающее на дурной сон. Из все новых и новых статей, появлявшихся там, я узнавал о себе удивительные вещи. Меня величали не иначе как «нашим доморощенным модернистом». Оказывается, я был «человеком прозападной ориентации, лишенным национальных корней». Сообщалось, что мое творчество зиждется на «эстетическом эгоцентризме». Указывалось, что «литературная линия А. Приймы проходит по координатам дурного вкуса и творческой несостоятельности».

«Антиобщественный характер публикаций А, Приймы уже обращал на себя внимание»,— витийствовала в очередной погромной статье, не помню уж — какой по счету, одна окололитературная дамочка. Она усматривала в моих творческих исканиях «откровенно хулиганские действия», «бездуховность, безнравственность», выпячивающие себя «в самодовольном, попирающем нравственные законы разгуле».

Другой распоясавшийся критик, готовый в запале перейти на площадную брань, вещал — мол, «трудно удержаться от эпитетов, запрещенных литературной нормой», когда читаешь сочинения Приймы. Его соратник сравнивал эти сочинения, сладостно пританцовывая на них, с «мыльными пузырями». Но пузыри, ораторствовал он, «разлетаются в клочки, не успев вырасти, потому что ветру времени нет дела до наду-вателей».

Откуда дул «ветер времени», всем вокруг было очень хорошо ясно. Сквозило, приванивая, из-под двери, ведущей в кабинет главного надзирателя за молодежью России гражданина Пастухова. Шла санкционированная свыше расправа с неудобной творческой личностью — планомерная, жесткая, даже жестокая.

«Ветер времени» сделал свое черное дело. Он разнес в клочья мыльные пузыри моих надежд войти в русскую литературу характерной, присущей только мне поступью. «Доморощенный модернист» и «надуватель», ориентирующийся «по координатам дурного вкуса», способный лишь на «откровенно хулиганские действия», я был вычеркнут жирной линией из литературного процесса. В самом буквальном смысле этих слов меня выгнали из русской литературы на улицу. И покрыли напоследок матом: «Трудно удержаться от эпитетов, запрещенных литературной нормой...»

Эта фраза, особенно больно задевшая меня, была нехитрым прозрачным эвфемизмом к известной фиоритуре устного исполнения:

— Пошел на х...!

И я молча пошел туда, куда послали. А что, скажите на милость, оставалось мне делать?

Спустя несколько лет, когда все эти разухабистые литературно-критические свистопляски вокруг моего имени основательно уже подзабылись, а вслед за ними был прочно забыт и я, два известных критика попытались вновь «вписать» меня в литературу. Назову их поименно. Это все, что я могу сделать для них в знак

благодарности за соучастие в моей судьбе, за сочувствие и поддержку в трудную минуту. В 1983 году попытку «вернуть А. Прийму» в литературный процесс предпринял в своей огромной статье Сергей Чупри-нин. А в 1984-м — в статье, не менее обширной, Святослав Педенко.

С. Чупринин, в частности, писал: «Счет к А. Прийме — это счет к открытой социальной и прямой тенденциозности, к «сюжетной», графической и мелодической изобретательности, то есть к тем качествам, которые ныне представляются... безнадежно скомпрометированными». С. Педенко же охарактеризовал меня — уже пять лет подряд не печатавшегося! — как, «пожалуй, самого яркого из сегодняшних молодых писапоискать какую-то новую цель, соответствующую моему новому положению... И я таки нашел ее вскоре — в деле исследования аномальных явлений. А произошло это как бы даже помимо моей.воли — этак, знаете ли, словно бы само собой.

Одна случайная знакомая рассказала мне о привидении, поселившемся в ее квартире, и я записал ее рассказ. Другая знакомая уверяла, что собственными глазами видела, как за околицей села приземлялась «летающая тарелка». Я записал, дивясь, и ее рассказ тоже. Сосед моих родственников общался, по его словам, с духом своей покойной матушки. Я снова записал... И так далее, и так далее.

Жутковатые истории про встречи с непонятной всей этой чертовщиной стали заполнять страницы моего рабочего блокнота. А потом страницы следующего блокнота. И следующего. Появилось удивительное, трудно описываемое словами чувство, что истории сами текли ко мне, сами меня искали.

Не успел я оглянуться, как уже сидел в аномальных явлениях по уши.

Штрих 4-й. Дела текущие

Возникло ощущение цели, сладостное и в то же время дисциплинирующее — спортивно подтягивающее живот и распрямляющее плечи. Я тщательно проанализировал его, это сложное ощущение, чувство. И не стал противиться ему. Не стал потому, что оно целиком и полностью отвечало моему новому социальному положению — я был, напоминаю, изгоем, «запрещенной фигурой». С другой стороны, тема аномальных явлений пребывала в те годы в Советском Союзе тоже под запретом.

Подобное притягивается подобным.

«Запрещенная фигура» и «запрещенная тема»... Провидение как бы само свело их вместе, само поставило лицом к лицу двух этих клошаров, двух отверженных, пребывающих за чертой официально разрешенной жизни.

Достаточно быстро я сориентировался в возникшей ситуации и по достоинству оценил ее специфический аромат и колорит.

— Если я бесповоротно запрещен,— рассуждал я,— то и заниматься должен соответствующими, то бишь исключительно запрещенными делами. Отныне это мне, что называется, на судьбе написано. Всегда стремился я шагать не в ногу со всеми. И менять свою походку не желаю! Тема всякой там «аномалыцины» запрещена? Очень хорошо... Займемся запрещенной темой!

В тот момент, когда я принял такое решение, у меня и в мыслях не было, что во вполне обозримом будущем коммунистический режим в России рухнет, и в ходе его длительной агонии будет, в частности, отменена цензура. В результате «запрещенная фигура» и «запрещенная тема» внезапно вылезут на свет Божий рука об руку из глухого интеллектуального подполья... В^от момент я не питал никаких иллюзий

насчет выхода из подполья. Более того, я был тогда несокрушимо, бесповоротно уверен в том, что выхода из него нет и не будет — вплоть до окончания моей жизни.

К счастью, судьба распорядилась иначе.

Годы, прожитые в условиях нелегальной партизанской охоты за разнообразной «чертовщиной», и, само собой, последующие годы не прошли впустую. Был накоплен и систематизирован громадный материал.

На какие средства я жил? Не спрашивайте. Сам удивляюсь.

Ну, кормился случайными заработками... Бедствовал... Продолжаю потихоньку бедствовать, жить не на что, я — безработный. Но все это — сущие пустяки в сравнении с грандиозными масштабами умонепостижимых явлений, которыми я занимаюсь и которые пытаюсь хотя бы чуть-чуть понять.

«Не хлебом единым жив человек». Помимо хлеба есть другие ценностные ориентиры...

Вместе с отменой цензуры испарилась сама собой и партийная удавка, туго затянутая на моем горле. И я, как выразилась однажды моя супруга, точно с цепи сорвался.

Я отчетливо осознавал, что я — профессионал литературного пера, что у меня — устоявшийся литературный почерк. Стало быть, я смогу не просто рассказать российским читателям что-то там занятное об «аномальщике», а рассказать интересно. И я принялся рассказывать.

Я опубликовал около сотни статей и написал, затем издал несколько книг про аномальные явления. В конце почти каждой статьи, книги я указывал свой почтовый адрес: «До востребования». Читатели статей и книг завалили меня письмами, в которых повествовали о своих личных встречах со всяческой «чертовщиной».

Мой персональный «банк контактных данных» увеличился в результате, как минимум, в сто раз. Письма продолжают поступать, «банк» растет как на дрожжах.

Именно рапорты, отчеты, воспоминания — называйте, как хотите! — вполне реальных людей легли в основы всех моих изданных сочинений. Со многими из людей я встречался лично, подвергал их дотошным опросам... Хочу подчеркнуть эту особую примету моих книг жирной линией: все они были строго документальными в том смысле, что опирались на показания свидетелей, очевидцев Необычного, сплошь и рядом готовых, по их словам, подтвердить показания под присягой. Содержание книжек не высасывалось из плутовского пальца, не было плодом безудержных авторских фантазий...

Пока я вспоминал в полудреме, навалившись грудью на письменный стол, обо всем этом, дождь все шуршал и шуршал беспрерывно за окном — монотонный, усыпляющий. Освобождаясь от наваждения воспоминаний, уже почти перешедших в мглистую кисею сновидений, я решительно встряхнулся. Потер пальцами виски и несколько раз сморгнул, сжимая и разжимая пальцы. Проснись, приказал я самому себе. У тебя нет времени спать. Жизнь коротка, и надо успеть сделать в ней еще очень и очень многое.

Займись делом.

Займись, покуда льет треклятый этот дождь, анализом контактных сообщений, поступивших к тебе за последние две недели.

Подчиняясь мысленному приказу, левая рука нырнула в ящик письменного стола и извлекла из него тонкую картонную папку. В папке были сложены письма читателей моих книг, до которых за недостатком времени у меня не дошли руки.

Остро отточенный карандаш лег в правую ладонь и завис над первым из писем. А взгляд побежал по строчкам, выискивая среди них те, которые следовало подчеркнуть красной линией.

Карандаш плавал в воздухе над листом бумаги, исписанным мелким почерком. Крохотные корявые буковки тесно жались друг к другу. Чуть дрогнув в пальцах, карандаш при-взлетел, на мгновение замер, прицеливаясь, а потом клюнул лист и пошел подчеркивать строку за строкой.

Почти в ту же секунду зазвонил телефон.

— Здравствуйте, товарищ Прийма. С вами говорят из отделения милиции. Из какого?.. Да из того самого, которому вы помогли в прошлом году разобраться с историей в «доме с привидениями». Помните?

— Да. Припоминаю.

— У нас есть к вам просьба, аналогичная прошлогодней.

Если располагаете временем, помогите разобраться с новым странным происшествием.

— Что? Опять объявилась в ваших краях «квартира с привидениями»?

— Хуже.

— Хуже?

— По словам трех очевидцев, вчера поздним вечером произошла посадка «летающей тарелки» напротив одного девятиэтажного здания. Дом стоит в новом жилом массиве слегка на отшибе — рядом с лесом. Все очевидцы — женщины, живущие в том доме. И все трое, если верить двум из них, имели прямой контакт с экипажем НЛО.

— Почему вы сказали «если верить двум из них»?

— Да беда в том, что третья пребывает в полувменяемом состоянии. Она находится сию минуту у нас, в отделении. Гм... Ну, в общем, частично тронулась умом гражданка. То, что она истерически бормочет... Знаете ли, это страшно. По-настоящему страшно.

— Что же она говорит?

— Твердит без остановки о Конце Света. «Небесные черти», как она выражается, якобы описали ей в деталях Конец Света, который вскоре случится на Земле. По ее словам, когда начнется Конец Света, в Москве произойдут...

— Достаточно,— резко перебил я моего собеседника.— Нас с вами могут подслушивать фискалы из ФСК, бывшего КГБ. В течение последнего полугодия вся моя почтовая корреспонденция нагло вскрывается, а примерно каждое четвертое письмо вообще не доходит до меня. Авторы не дошедших писем начинают нервничать, не дождавшись моего ответа. Шлют новые письма и даже телеграммы... Впрочем, это я так... к слову... Немедленно выезжаю к вам.

— Мы пришлем за вами машину.

— Хорошо. Присылайте. До встречи.

Лист, исписанный корявым микроскопическим почерком, лег назад в картонную папку. Папка полетела в ящик письменного стола.

Я бросил косой взгляд на свои наручные часы. До прибытия милицейской автомашины, высланной за мной, оставалось, по моим прикидкам, минут десять — пятнадцать. Надо было собираться в дорогу. Впереди ждала встреча с людьми, которых минувшим вечером ненадолго накрыло «контактным колпаком», выброшенным из тьмы Неведомых Миров. На сей раз «колпак» имел вид

«летающей тарелки» и облик инопланетян, вылезших из нее и запугавших одну из участниц контакта до дрожи, до психического стресса.

Таких встреч с людьми, прошедшими сквозь кошмары «контактов с чуждым», было в моей жизни немало. Я давно уже сбился со счета — так много было их. И впереди, во мгле грядущего маячили все новые и новые встречи с теми, кого загадочные Неведомые Миры избирали для краткосрочных свиданий с их, тех Миров, агентурой,

Внеземная агентура, из года в год тихой сапой шастающая по Земле, занималась на ней малопонятными тайными делами. В том числе, судя по рассказам людей-контактеров с нею,— сбором сведений о нас с вами, о нашей повседневной жизни.

А я, в сзою очередь, собирал сведения о ее деятельности.

На языке профессиональных розыскников это именуется контрразведкой. Я называл это несколько иначе: попыткой понять происходящее на стыке двух миров — нашего и не нашего, попыткой уловить в творящемся на том стыке какие-то закономерности, какую-то систему.

Поиски этих закономерностей и были смыслом моей жизни, ее судьбоносным стержнем...

Часть 1

СТРАННЫЕ СУЩЕСТВА

...Они стараются вступать в контакт с земными существами, разговаривать с ними. Эти же существа являются на спиритические сеансы, принимают участие в черной магии, они же используют слабых медиумов.

В. Чалая-Куликова. «Друидизм». Асуньон, Парагвай, 1972

Атака из ада?

— Вы видели когда-нибудь, как бесы вселяются в человека? — спросил у меня Владимир Чащиков из города Ха-ровска Вологодской области.

— Нет. А вы?

— А я видел.

— Сколько вы перед этим выпили? Чащиков досадливо поморщился.

— Да я вообще не пью,— возвестил он и с достоинством расправил плечи.— К вашему сведению, я - очень здоровый во всех смыслах человек. Галлюцинациями не страдаю. О психозах знаю понаслышке. Если вы думаете, что я морочу вам голову...

— Ничего такого я не думаю. Пожалуйста, кг обижайтесь. Однако согласитесь, немножко странно в век компьютеров и цветных телевизоров слышать заявление о вселении бесов в человека. Сразу же приходят на ум костры европейской инквизиции, толпы якобы одержимых демонами, сжигаемых на них. А также зверские самосуды над русскими ведьмами, знавшимися — тоже якобы! — с самим сатаной.,, Все это дела давно минувших дней. Средневековая, как говорится, мгла суеверий, предрассудков и бескультурья. В те времена ваше сообщение о вселении бесов было бы встречено с пониманием. Но сегодня, сейчас...

И я широко развел руками в недоверчивом жесте.

— Короче говоря,— очень сухо молвил Чащиков,— вы заранее отказываетесь верить мне.

— Ну, отчего же! Я-то, допустим, готов поверить. Да вот вопрос — поверят ли читатели моей будущей книги, в которой, может быть, я опишу ваш рассказ? Кстати, не будете возражать, если я включу его в одну из своих будущих книг?

— Поступайте, как знаете,— проронил Чащиков, продолжая досадливо морщиться.— Вы не первый человек, которому я пытаюсь рассказать о том жутком происшествии. И все, кому я о нем толковал, начинали иронично ухмыляться. С понимающими улыбочками интересовались моим самочувствием. Никто из них не верил мне!.. Но ведь было это все на самом деле. Было!

По утверждению Владимира Чащикова, та его встреча с неведомым произошла ранней осенью 1990 года.

После окончания работы Владимир вышел из дверей конторы, в которой служил, одновременно с одним своим сослуживцем. Идти им было в одну сторону. Ну, они и пошли неторопливо, беседуя о разных житейских пустяках.

— И вот тут-то,— уверяет Владимир,— она и случилась, эта стремительная и кошмарная атака из ада на человека!

Чащиков увидел — черты лица его сослуживца в мгновение ока чудовищным манером преобразились. Лицо удлинилось, нос стал тоньше и длиннее. Он вытягивался вперед прямо на глазах. Подбородок вдруг оказался похожим на узкий вертикальный клин. Уши вжались в череп, отрастая вверх треугольными, как у рыси, кончиками. А глаза запылали, осветились изнутри кровавым светом, будто некие неведомые силы зажгли в них красные электрические лампочки.

Владимир вспоминает:

— Передо мною был не мой коллега по работе, милый и интеллигентный человек, а некий лютый демон со зверской нечеловеческой рожей. Неузнаваемо изменился и его голос, ставший гулким и утробным, угрожающе басовитым.

Голос пророкотал негромко, но внятно, с долгими паузами между словами:

— Всех вас уничтожим. Всех! Даже не надейтесь, что кому-то удастся избежать нашей кары. Сотрем в порошок всех!

А потом он произнес фразу, не очень, на слух Чащикова, вязавшуюся с обещаниями «уничтожить всех». Голос изрек:

— Оставим в живых тех, кто порядочен.

И страшная маска стала исчезать с лица человека. Она исчезала, передергивая лицо гримасами и судорогами. А человек тем временем стоял навытяжку, руки по швам, вздернув подбородок вверх, и слегка покачивался из стороны в сторону, словно колеблемый ветром.

Когда его лицо приобрело нормальные очертания и привычное выражение, мужчина перестал раскачиваться. Голова резко опустилась вниз, подбородок стукнулся о грудь, и мужчина весь как-то сразу расслабился.

Клацая зубами от страха, Владимир спросил:

— Кто это сейчас вселился в тебя? И часто ли с тобой бывает такое?

Сослуживец глянул на него с откровенным недоумением. Он не понял вопроса.

Как оказалось, в его сознании не осталось даже намека на воспоминания о том, что сию минуту с ним произошло. Он сильно перепугался, выслушав рассказ о случившемся. Потом сказал, что чувствует себя выжатым, опустошенным. В голове — какой-то гул, а в животе и в ногах — слабость...

Прошло несколько лет. Мужчина, которого в тот злополучный день взяли на несколько секунд в оборот демонические силы, по-прежнему работает в одном

учреждении с Владимиром Чащиковым. И ничего странного, необычного в его повседневном поведении не наблюдается.

— Сами понимаете,— подытожил, завершая свой рассказ, Владимир,— я не спускаю с него глаз! Человек как человек. Тихий, спокойный, обходительный. Да к тому же еще и прекрасный работник из числа тех, кого зовут квалифицированными специалистами.

Дух утопленника

Летом 1986 года москвичка Татьяна Шатова, которой было тогда 42 года, проснулась однажды утром в скверном настроении. Приснился ей очень яркий цветной сон, ужасный по содержанию. Привиделось Татьяне — в реке утонул ее муж. Сон не походил на туманные бессвязные сновидения, что бывали у нее раньше. Он отличался пугающей достоверностью житейских реалий, а события в нем разворачивались строго в логической последовательности. «Как в документальном кинофильме», по выражению Шатовой.

Вот этот сон.

Муж Татьяны и один его приятель опускают на воду лодку, влезают в нее и отъезжают от берега. Они снаряжают удочки и начинают ловить рыбу. Приятель, вытаскивая рыболовную снасть из воды, слишком сильно перевешивается через борт... Лодка тут же переворачивается, и муж Шатовой, не умеющий плавать, вскоре тонет.

Обдумывая тревожное сновидение, Татьяна вдруг вспомнила — то ли вчера, то ли позавчера ее супруг мельком упоминал в разговоре с нею о том, что в ближайший выходной день собирается отправиться на рыбалку. Причем не один, а

с тем самым своим приятелем, который, неловко наклонившись, перевернул лодку в ее сне! И женщина поспешила пересказать мужу страшное сновидение во всех деталях. А потом стала умолять его не ездить на рыбную ловлю — ну, хотя бы в ближайший выходной.

Мольбы не были услышаны. Муж, посмеиваясь, заявил в ответ, что, мол-де, не верит в вещие сны и что такие сны — нелепые и вздорные суеверия, не более того.

Вместе с тем приятелем он отправился на рыбалку.

И утонул.

Большую часть дохода семьи Шатовых составляла до того дня зарплата утонувшего. Без кормильца остались Татьяна и двое детей — сын Валерий и дочь Светлана. Сыну было тогда 19 лет, дочери — 15. Все они оказались вскоре свидетелями целого каскада устрашающих событий, которые происходили в их квартире на протяжении ровно сорока дней после трагической гибели главы семьи. И все они уверены в том, что это дух утопленника чудил, куролесил по дому более месяца, подавая вести о себе.

Я побывал в их квартире и подробно записал показания очевидцев непосредственно на месте «контактного происшествия».

Рассказывает Валерий:

— После смерти папы поставила мама на сервант его фотографию. На следующий день после похорон мы вдруг обнаружили, что на фотографии... ожили глаза! Зрачки в них двигались, сопровождая взглядом, к примеру, меня, стоило мне пройти по комнате. Помню, у Светланы началась форменная истерика, когда она впервые заметила, что зрачки на фотоснимке стронулись с места и медленно поплыли слева направо, а потом в обратном направлении. В тот момент моя сестра встала с дивана,

подошла к телевизору, включила его и затем вновь направилась к дивану... Мы терпели этот ужас в течение то ли двух, то ли трех дней. Мама не хотела убирать фотографию. Это был лучший портретный снимок отца, имевшийся в доме. Но, в конце концов, и она не выдержала «живого взгляда с того света». Сняла фотографию с серванта и сунула ее поглубже в платяной шкаф, под старые отцовские вещи.

Светлана:

— А на другой день утром мы увидели, что минувшей, по всей видимости, ночью кто-то повредил гипсовую статуэтку — женскую фигурку, стоявшую на все том же серванте. У статуэтки отвалилась рука... И в то же самое утро началась натуральная жуть в нашей квартире!

Татьяна Шатова:

— По утрам и по вечерам на кухне сама собой распахивалась и тут же закрывалась дверца настенного шкафчика. Я засекла время. Дверца хлопала через каждые десять минут. Но самое главное, начал сильно давить на психику эффект чужого присутствия в доме. Все мы трое ясно ощущали, что рядом с нами кто-то есть.

— А вы видели его, этого таинственного «кого-то»? — спросил я у Светланы.

— Да,— без малейшего промедления отозвалась она. Отвечая на вопрос, девушка нервно сцепила пальцы рук

и передернула плечами. На ее лице появилась на мгновение гримаса отвращения и ужаса.

— Ночью просыпаюсь как от толчка. Открываю глаза, смотрю, по комнате медленно-медленно движется человеческая фигура, черная, дымчатая. Она хорошо видна в лунном свете, падающем из окна... Я как заору! Из соседней комнаты вбегает брат, разбуженный криком: «В чем дело? Чего голосишь?» А потом... Впрочем, о дальнейшем пусть расскажет он сам.

— А потом,— сказал Валерий,— я тоже увидел привидение. Плывет, представьте себе, по комнате высокий черный силуэт. Словно бы заметив меня, он меняет направление движения и начинает плыть неторопливо ко мне.

— Вы испугались?

— Нет. Я просто изумился. Мне захотелось получше рассмотреть его, и я протянул руку к настенному выключателю. Под потолком вспыхнула люстра. В ту же секунду призрак исчез.

— Он исчез навсегда? Или заявлялся к вам в последующие ночи снова?

Валерий молча усмехнулся. Усмешка у него вышла кривоватой. А Светлана шумно вздохнула, и я заметил, что у нее задрожали губы.

— Призрак приходил снова,— молвила, с трудом справившись с волнением, она. — А потом снова и снова.

— И часто случалось такое?

— Да в том-то и дело, что каждую ночь!

— Это был призрак погибшего отца? Или, по вашим наблюдениям и ощущениям, так сказать, постороннее привидение?

— Трудно ответить определенно. С одной стороны, мы уверены, это приходит он, покойный. Однако с другой, призрак внешне не был на него отчетливо похож. В нем просматривалось сходство с человеком, я бы сказала, вообще. Зыбкий дымчатый силуэт — вот все, что мы видели.

Перебивая свою дочь, в разговор встряла Татьяна Шатова.

— В любом случае это был мужчина! — категоричным тоном заявила она.

Я недоуменно поднял брови и переспросил:

— Мужчина? Откуда у вас такая уверенность? Ведь, по, словам вашей дочери, призрак походил на зыбкий туманный силуэт.

— Верно. Туманный силуэт,— не стала спорить со мной Татьяна.— Я сама несколько раз видела его. Однако после того, как мы включали среди ночи свет в комнате, где бродило привидение, мы обнаруживали там на полу мокрые еле-! ды. Это были следы ног.

Услышав такое, я удивился. Более того, я очень сильно удивился. Бесплотный дух, невесомое дымчатое привидение, оставляющее на полу вовсе не бесплотные следы... Это было нечто достаточно неожиданное для меня, наслушавшегося за последние годы своей жизни десятки рассказов о самых разных проделках призраков. Дивясь сказанному, я уточнил:

— Это были следы босых ног?

— Нет. На полу виднелись отпечатки подошв мужских ботинок. Понимаете, мужских! — повторила Татьяна Шатова, повышая голос.— Цепочка следов тянулась от стены к стене. Ну, словно бы тот, кто оставил их, из одной стены вы-| шел, прогулялся по комнате, а потом в другую стену ушел... Жуть, правда?

— Правда.

— Я промерила отпечатки. Длина каждого мокрого следа совпадала, между прочим, с размером обуви, которую носил мой муж... На сороковой день после его трагической гибели весь этот кошмар как ножом обрезало. Дверца шкафчика на кухне перестала периодически хлопать сама собой. Черный силуэт больше не тревожил нас по ночам. Перестали возникать и мокрые следы на полу. А эффект чужого присутствия исчез.

— Таким образом...

— Таким образом, именно на сороковой день мы однозначно уверились в том, что беспокоил нас дух моего утонувшего мужа. Ведь согласно народным поверьям сорок дней — тот максимальный срок, который отводится душе умершего на окончательный и бесповоротный переход из мира живых людей в мир мертвых... Особенно тяжело реагировала на все эти причуды духа Светлана. Она вся буквально извелась, резко похудела, чувствовала себя все хуже и хуже. В один из тех страшных дней, когда дух покойного неугомонно шатался по квартире, Валерий сделал фотографию своей сестры. Меня взяла оторопь, едва я взглянула на снимок. В ответ на мои настойчивые расспросы сын сказал, что в момент съемки он не видел того, что запечатлела фотокамера.

Снимок воспроизводится на страницах этой книжки. Всмотритесь в него. На нем хорошо видна струя некой энергии, которая то ли бьет сверху вниз в голову Светланы, то ли, напротив, истекает снизу вверх из девушки.

Фото. 1. Луч энергии неизвестного вида упирается своим нижним концом в голову Светланы Шатовой

Фото 2. Сравните с фото 1. Снимок сделан в одной московской квартире, где завелась «нечистая сила». На снимке — дочь хозяйки квартиры. «Полоса энергии», проходящая справа наискось вниз, накладывается на руку девушки и на ее бедро.

Демонстрируя фотографию мне, Татьяна Шатова проговорила с тяжелым вздохом:

— Итак, у Светланы резко ухудшилось самочувствие. А случилось это в результате — я уверена в этом! — каких-то загадочных взаимодействий с призраком. Может быть, фотокамера подсмотрела. как раз-таки эти взаимодействия? Луч энергии на снимке... Не служит ли он прямым доказательством того, что дух утопленника стал, так сказать, «на подсос» к Светлане? И вплоть до сорокового дня после трагедии на реке жил, существовал в мире живых людей за счет ее жизненной энергии, ее биоэнергетических «соков»?

Черт в банке

— Отдаю себе отчет в том, что мой рассказ может показаться вам бредовой выдумкой,— говорит Владимир Чериков из Перми.— Дабы не выглядеть в ваших глазах идиотом, я

Фото 3. Сравните с фото 1 и 2. На снимке — экстрасенс Жанна Куценко, одна из участниц контактных экспериментов, проводившихся автором книги. Луч неизвестной энергии, запечатленный здесь, неоднократно спускался в ходе эксперимента к Жанне. О сути экспериментов будет рассказано в третьей части книги.

собрал свидетельские показания людей, которые были очевидцами невероятного происшествия. Вот они. Я вручаю их вам. А случилось происшествие в самом начале восьмидесятых годов в одной крохотной деревушке, что в Пермской области...

Жила в той деревне древняя старуха, знахарка, лечившая жителей окружающих деревень травами и заговорами. Однажды позвали престарелую целительницу к захворавшему мужику. Тот был так слаб, что даже не смог привстать с кровати, когда старушка вошла в избу.

Она поводила над мужиком руками, растопырив пальцы,— «продиагностировала» его, а потом сухо поинтересовалась, есть ли в доме флакон с одеколоном. Жена больного немедленно выставила на стол пузырек «Шипра». Знахарка склонилась над флаконом и, приставив рупором ладони ко рту, что-то долго, очень долго шептала... Затем заявила:

— Отныне это заговоренный одеколон. Пусть больной осте рожно, крохотными глотками, выпьет на ночь все, что есть в пузырьке. К утру он выздоровеет,— и, не произнеся больше ни единого слова, старуха покинула дом занедужившего крестьянина.

Больной выпил.

Спустя несколько минут у него началась рвота. Его жена едва успевала подставлять тазик. Рвотные позывы продолжались в течение почти всей ночи. Вот почему тазик простоял до рассвета на полу возле изголовья постели, на которой маялся без сна человек, то и дело сотрясаемый желудочными судорогами.

Наступило утро. А вместе с ним наступило и резкое улучшение самочувствия больного. На щеках появился слабый румянец. Его супруга, обрадованная всем этим, поболтала о том о сем с мужем, потом наклонилась с рассеянной улыбкой на устах над тазиком, стоявшим на полу. Она протянула к нему руки, дабы подхватить тазик, вынести из избы вон и выплеснуть из него рвоту в помойную яму.

И дико закричала от ужаса.

Она увидела — в дурно пахнущей жидкости шевелится в тазике какое-то крохотное существо длиною с сигарету.

Вот его описание:

— Тельце, как у человека, голова мышья, а лапки собачьи, толстенькие, мохнатые и с когтями. Но наибольшее удивление вызывало все-таки безволосое тельце, а не лапки. Оно походило во всех своих анатомических нюансах на человеческое, за исключением половых органов, которые не просматривались вообще.

Мужчина, всполошенный истошным женским криком, свесился с кровати и вперился удивленным взглядом в тварь, слабо барахтающуюся в тазике. В отличие от своей жены он не перепугался, а, напротив, очень сильно обрадовался:

— Ну и ну! Аи, да знахарка, аи, да бабка, аи, да молодчина! Выгнала-таки из меня черта.— И, обернувшись к супруге, приказал: — Принеси литровую стеклянную банку.

— Зачем?

— Пересадим черта в банку.

— Ты с ума сошел. Надо немедленно избавиться от этой погани.

— Неси банку, дура,— отчеканил в ответ мужик, повышая голос.— Это мой чертик. Что хочу, то и делаю с ним.

«Чертик» был пересажен в банку — он нырнул в нее вместе со рвотной жидкостью, частично перелитой туда из т зика. Пересаживал «чертика» лично его хозяин. Переезд! же, накрыл банку марлей и обвязал поверх марли бечевке по горловине.

Весть о неслыханном происшествии разнеслась вскоре по деревне.

Информаторы В. Черикова сообщают:

— Все мы бегали смотреть на чудо-юдо. Думали, «чертик» скоро подохнет. Но он все жил да жил, бултыхаясь рвоте. Так продолжалось несколько дней. Потом кто-то предложил отвезти банку с чертом в райцентр, в поликлинику -«для исследований». Ну, вскоре отвезли ее туда и отдали врачам... Что дальше было с той банкой и чертом, живущим ней, нам неизвестно.

Шхуна «Элизабет»

Автор этого рассказа — офицер КГБ, теперь уже бывшего. Он дал согласие на публикацию своих воспоминаний моей книге при одном условии — имя и фамилия автора не будут упомянуты, а название города, фигурирующего в рас сказе, будет изменено.

Престранное событие, описанное офицером, произошло по его утверждению, в ноябре 1984 года... ну, допустим, черноморском городе Новороссийске, хотя на самом дел приключилось оно в другом приморском городе.

Наш бравый офицер, непосредственный участник приключения отпечатал свой рапорт на машинке в единственно! экземпляре. К сожалению, рапорт был написан канцелярски дурным слогом. Я подверг его литературной обработке. Во он, этот монолог кагэбиста в моей литературной записи:

— Машину я припарковал за пакгаузом. Там обнаружился удобный тупичок — уютный кармашек между торцово] кирпичной стеной пакгауза и забором. Забор отгораживал служебные причалы морского порта, пресекая доступ на него любым посторонним лицам. В том месте, где он Г-образно изгибался, упираясь в торец пакгауза, и образовался тот самый тупичок.

Изношенный мотор моего старенького, с помятым крылом, «Москвича» перестал тарахтеть. Вогнанная в тупичок задним ходом, машина нашла в нем надежное укрытие от чужих глаз. Говоря по совести, затрудняюсь объяснить, почему я решил упрятать ее здесь, за пакгаузом. Наверное, сказалась многолетняя выучка, профессиональная привычка при любых обстоятельствах оставлять после себя как можно меньше следов.

Уронив голову на рулевое колесо, я несколько секунд посидел, прижимаясь щекой к баранке, приятно холодившей ее, и сознательно расслабляясь.

Мои спутники, расположившиеся в машине на заднем сиденье, чувствовали, казалось, что не следует мешать мне в такую минуту.

Они затаились, как мыши.

—- Оставайтесь здесь,— приказал я им, встряхиваясь.— Из машины не выходить! Если вы понадобитесь мне, я пришлю за вами кого-нибудь. Ясно?

— Ясно,— ответил мне один из них.

Я надвинул на лоб кожаную кепку, запахнул потуже полу плаща, поднял воротник и выбрался из автомобиля. И поежился.

Погода была — хуже не придумаешь. По Новороссийску куролесила поздняя осень с ее обычными для этих мест и этого времени года атмосферными причудами. Сквозь мглистое месиво дождя ледяной осенний ветер, налетавший резкими порывами, гнал по тротуару вдоль стены мокрые обрывки газет, куски плотной оберточной бумаги вперемежку с желтыми листьями.

Я сунул руки в карманы плаща и кивнул на прощание моим спутникам, молча таращившимся на меня из машины. И, втянув голову в плечи — дабы дождь поменьше сек лицо,— пошел неторопливым шагом прочь.

До причала, возле которого покачивалась на волнах интересовавшая меня шхуна, было рукой подать — три-четыре минуты хода. Впрочем, я допускал, что на самом деле никакой шхуны там и в помине не было. Парни, оставшиеся сидеть в моем «Москвиче», запросто могли ввести меня в заблуждение. Шхуна могла оказаться плодом их больного воображения, задымленного спиртными парами.

Меряя шагами землю, я напомнил себе, о чем они рассказали мне получасом ранее, когда с хозяйственной сумкой в руках я вышел из подъезда своего дома. Только что пробило восемь часов утра, а день был воскресный. Я направлялся на

рынок за покупками. И едва вышагнул из подъезда во двор,| как столкнулся с этими ребятами почти нос к носу.

Один из них жил в нашем подъезде — двумя этажами ни-1 же меня. Звали его Виталий. Он знал о том, что я служу в[КГБ; об этом все в подъезде знали. Второй был его прияте-1 лем. Несколько'раз я мельком видел их раньше вместе. Omi на пару околачивались возле дверей ближайшего винного! магазина.

Оба были алкоголиками.

Заметив меня, Виталий призывно замахал рукой и почти бегом бросился навстречу. Его собутыльник засеменил сле-дом за ним.

Я пожал одну протянутую мне руку, потом другую, недоумевая, зачем я вдруг понадобился этим забулдыгам. До cero дня Виталий не перехватывал у меня денег в долг на выпив- ку. Он держал себя при редких встречах со мной, офицером КГБ, с подчеркнутой почтительностью. Лишь вежливо рас-кланивался — тем дело и ограничивалось... Едва поздоровавшись, Виталий принялся говорить — быстро, взволнованной путанно. А его приятель время от времени вставлял в монолог своего кореша подтверждающие междометия, одобрительно хмыкая и гукая, согласно подергивал головой. Мол-де, все то, о чем толкует Виталий, есть истинная правда, и он — живой свидетель тому.

Мы стояли под широким козырьком, нависавшим над дверью подъезда. Козырек неплохо защищал от дождя, но для обоих моих собеседников он был что мертвому припарка, Одежонка на них оказалась промокшей насквозь. Видать, долго они под проливным дождем болтались, прежде чем я повстречался с ними.

Рассказ Виталия поначалу сильно разозлил меня. Из него я вдруг с удивлением узнал, что эта парочка алкашей имела свой собственный тайный лаз на территорию одного из служебных причалов торгового порта, строго охраняемого. И не-однократно пользовалась тем лазом, шаря по ночам на причале в поисках, по словам Виталия, исключительно и только ящиков с выпивкой! Виталий, впрочем, утверждал, что чаще всего ночные вылазки оканчивались ничем. Однако изредка ему и его собутыльнику удавалось обнаружить «пьяный груз» — это его термин — переправленный с борта грузового корабля на берег и оставленный на ночь прямо на причале. Почему такой специфический груз не убирался тотчас же после разгрузки на склад, под замок, Виталий не знал. Может быть, предположил он, не было на складе в тот момент свободного места?

Я зло усмехнулся, представив себе выражение лица начальника охраны порта, когда перед ним положат на стол мой рапорт обо всем этом, пересланный по инстанциям из КГБ. Слушая вполуха бормотание Виталия, я уже начал мысленно составлять рапорт.

А Виталий между тем вещал:

— Елки-палки, да не обеднеют они, ежели мы у них иной раз пять-шесть бутылок притырим! Сами-то небось гребут под себя бутылки десятками. Положено ведь

списывать какую-то часть посуды на бой. Мол, побилась часть стеклотары в пути... Сегодня перед самым рассветом отправились мы опять к причалу, к нашей заветной доске в заборе, что висит на одном гвозде и имеет характерную примету — косую царапину. Сдвинули ее в сторону. Глядим, какие-то новые ящики лежат штабелями на причале. Штабеля плотно укрыты брезентом. Что под тем брезентом — не разглядишь. Может, «пьяный груз». А может, нет. Надо проверить... Потопали мы к штабелям... Пойми меня правильно, сосед. Пойми, почему я все это тебе рассказываю. А потому рассказываю, что ты — не мильтон, а кагэбэшник. И нет тебе резона сдавать меня мильтонам, а лучше промолчать, откуда ты узнал про нашу дырку в заборе. Лучше доложить своим начальникам, что ты сам, лично, нашел ту дырку, да и дальнейшее сам все разнюхал. Уж каким-таким образом разнюхал, это твои заботы... Главное — другое. Я отдаю сейчас в твои ка-гэбэшные руки дело, на котором ты сможешь небось заработать новую звездочку на погоны. Отдаю тебе дело о шпионаже! Пользуйся моментом, бери. Мы с моим дружком — люди, конечно, крепко выпивающие. Но еще не настолько, понимаешь ли, упились, чтобы забыть о том, что мы — русские. А значит, патриоты России, пусть и пьющие... Верно я говорю?

Приятель Виталия задергался, закивал головой, замычал что-то нечленораздельное, одобрительное.

— Ну, так вот,— молвил Виталий.— Когда мы, считай, почти только что из порта сюда, в наш двор, во весь дух примчались, то крепко обмозговали, обсудили то, что с нами в порту приключилось. У дружка я спрашиваю, ты — патриот? Он говорит, да, я — патриот, а ты? Я говорю, я — тоже патриот. Давай, говорю, пойдем сейчас же к одному умному мужику, который живет в нашем подъезде. Он работает в КГБ. Это дельце как раз по его части. Пойдем, говорю, и честно расскажем ему обо всем, что в порту увидели. Только я, значит, сказал это, как вдруг, гляжу, ты сам выплываешь во двор! Вот и не верь после этого в судьбу!.. Ладно, слушай, сосед, меня внимательно. Докладываю как на духу. Итак, пролезли мы сквозь дырку в заборе и вышли на причал. Едва обогнули ближайший штабель ящиков, смотрим, стоит возле причала какой-то дурацкий кораблик. Маленький, пузатый и весь деревянный. Ну, похожий на старинную шхуну из книжки с картинками. В жизни я не видывал в нашем Новороссийске таких кораблей!

Виталий отер ладонью со лба выступивший пот и продолжил свой рассказ:

— Фонарные столбы замерли вдоль причала в ряд, фонари на них ясно освещают шхуну. Я пригляделся — мать честная! На мачте над ней болтается на ветру, представь себе, какой-то иностранный флаг.

— Иностранный? — переспросил я, приподнимая брови,

— Ага! На всякий случай, если не знаешь, сообщаю: в ту часть порта иностранные корабли никогда не допускались и не допускаются. Мы с дружком так и застыли, обалдев, на месте. Верно я говорю?

— Верно, верно,— опять задергал головой приятель Виталия.

— Во, видал, он подтверждает. Вдруг видим, палуба у старинной шхуны осветилась вся, подсвеченная как бы снизу. Откуда взялся свет, мы не поняли. Потом один из бортовых иллюминаторов на шхуне откинулся. И из него вылетела длиннейшая тонкая трубка, похожая на клистирную. Она извивалась, как змея! Трубка просвистела над причалом и, что самое поразительное, зависла во всю длину над ним в воздухе, будто была невесомой, елки-палки!.. Один ее конец уходил в

иллюминатор на борту шхуны. А другой замер в полу-тора метрах над землей как раз напротив нас. Близко замер. Так близко, что можно было дотронуться до него рукой.

— А тебе не померещилось все это?

— Забодай меня комар, если вру! Гляжу, на конце трубки блестит выпуклое стеклышко. Потом гляжу, эта зараза, то есть трубка, слегка поворачивает, как живая, свой кончик со стеклышком и нацеливает стекляшку на меня. Рассматривает меня, значит. Я это сразу сообразил, что рассматривает. Вернее, не сообразил, а скорее почувствовал. Чужой взгляд я почувствовал, понял? Неприятный такой взгляд. Тяжелый. Давящий. Трубка в следующий момент, как бы налюбовавшись мною, разворачивает в темпе свою стекляшку на моего дружка. И начинает рассматривать его. А ее кончик со стеклышком покачивается при этом из стороны в сторону. Совсем как голова змеи, собирающейся ужалить... Ну, тут нервы у нас не выдержали. Рванули мы с дружком с причала к нашему лазу в заборе так, что только пятки сверкали! Теперь ты понял, почему я хотел с тобой потолковать?

Виталий перевел дух. Затем выставил вперед ладонь и принялся загибать на ней пальцы.

— Иностранная шхуна. Это раз. Понял? В зоне порта, куда иностранцев не пускают. Это два. Плюс хитроумная самодвижущаяся трубка с окуляром на ней. Это три... Типичная шпионская трубка, понял? Я книги про шпионов читал, я фильмы смотрел.

И, резко рубанув воздух ладонью, Виталий подвел под своим рассказом финальную черту:

— В общем так, сосед. Какой-то шпионский корабль тайно проник среди ночи в наш порт. И шарит своим шпионским окуляром по сторонам, собирает, сволочь, информацию... А ты в КГБ служишь. Больше сказать мне нечего. Следующее слово за тобой.

Чем он был, рассказ Виталия? Бредом алкоголика, упившегося до белой горячки? Но, с одной стороны, приятель Виталия то и дело кивал головой и одобрительно мычал, подтверждая тем самым рассказываемое его собутыльником. А с другой, оба эти выпивохи выглядели сейчас вполне трезвыми. День только начинался, и они, судя по всему, не успели еще сегодня «заложить за воротник».

Но если это не бред алкоголика, то тогда... Что — тогда? Неужели некая шхуна под иностранным флагом на самом деле стоит у того причала? Кто ее пропустил туда? Ведь там, по словам Виталия, никогда не разгружались иностранные суда. И неужели взаправду есть на ее борту некое диковинное средство наблюдения, описанное моим соседом-пропойцей? И оно активно используется командой шхуны в акватории советского морского порта. Законно используется? Незаконно?

Я почувствовал, что меня охватывает охотничий азарт.

— Хорошо,— молвил я решительным тоном.— Вот моя машина,— и указал рукой на «Москвич», стоявший в некотором отдалении в глубине двора.— Сейчас мы сядем в нее и поедем в порт. Но если вы, ребята, соврали...

— Забодай меня комар, если вру! — вскричал Виталий с жаром.

Вот так и случилось, что ранним воскресным утром шагал я неспешно вдоль забора, высокого и длинного, уходящего прямой зеленой полосой по берегу бухты вдаль.

Нужная мне досточка в заборе с ее характерной приметой сыскалась вскоре без труда. На досточке виднелась глубокая косая царапина, упомянутая Виталием. Я повел рукой, подцепил край доски ногтем, и она неожиданно легко отошла сторону.

Доска едва держалась на единственном гвозде, вбитом в нее у верхнего конца. Другая досточка, висевшая рядом, тоже болталась на одном гвозде. Когда я отодвинул эту доску вслед за первой, то оказалось, что ширина лазейку в заборе была как раз такой, чтобы едва-едва можно был протиснуться в нее боком, плечом вперед.

Миновав лазейку, я направился к высоким и длинным штабелям укрытых брезентом ящиков, полностью скрывавших от меня вид на причал. Обогнул ближайший штабель зашел за его торец. И осторожно высунулся из-за него, окидывая открывшуюся взору панораму быстрым внимательным взглядом.

На причале не было ни души.

Оно и понятно. День-то ведь был воскресный. Да и не та погода стояла на дворе, чтобы кто-либо из экипажей кораблей, замерших у причала, надумал прохлаждаться сейчас под открытым небом, прогуливаясь по пирсу. Дождь продолжал лить как из ведра, а шквалистый ветер подвывал, обдувая со свистом мачты, покачивая корабли.

Наискось вправо от того места, где я из-за штабеля настороженно высовывался, стоял высоченный красавец сухогруз: Я прочитал название, написанное синей краской на его белоснежном борту, и вспомнил, что мне было известно о сухогрузе из служебной ориентировки отдела КГБ Новороссийского порта. Сухогруз был приписан к другому порту -к порту города Жданов на Азовском море. Сюда он регулярно заходил за цементом, производимым на местных заводах.

Далее, еще правее, виднелся белый и тоже внушительный корпус другого советского сухогруза, название которого я не разглядел — далековато было.

А вот зато прямо напротив штабеля, за которым я хоронился, покачивалась на волнах посудина, несколько странно, мягко говоря, выглядевшая на фоне гигантов-сухогрузов.

Это была маленькая, низко сидящая в воде шхуна с широким, раздавшимся в стороны корпусом. По грязному, в бурых потеках, деревянному борту тянулась цепочка круглых иллюминаторов. Почти у самой кормы возвышалось на палубе небольшое, чуть выше человеческого роста, сооружение, то же деревянное и тоже с несколькими круглыми иллюминаторами в его дощатой стене, обращенной ко мне. А над ним торчала, как голубятня, рулевая рубка — опять-таки деревянная.

На палубе шхуны было пусто. Над палубой уходила вверх мачта, вынесенная далеко вперед к носу посудины. На мачте полоскался флаг. Под мачтой бежала по борту надпись «Элизабет».

Надпись была сделана латинскими буквами, а флаг, трепыхавшийся на ветру, был иностранным. Он походил на эмблему какого-то заграничного спортивного клуба.

На таком крохотном суденышке хорошо плавать в прибрежных водах. Настоящую морскую волну, если вдруг разгуляется шторм, оно вряд ли выдержит — перевернется и затонет. Однако если этой, по всем признакам иностранной, посудине было написано на роду таскаться по прибрежным водам от бухты к бухте, то каким образом, спрашивается, она забрела в Новороссийск?! В город, от которого до ближайшего иностранного порта — несколько сотен километров по прямой через все Черное море... Как очутилась шхуна возле служебного причала, предназначенного исключительно для наших отечественных сухогрузов?! Я не знал ответы на эти вопросы. Я должен был узнать их. Этого требовал мой служебный долг. Быстрым энергичным шагом я вышел из-за штабеля ящиков, укутанных брезентовыми полотнищами, и направился к шхуне. Деревянный трап косо спускался с ее невысокого борта, упираясь Б причал. Он манил меня к себе.

В крайнем случае, извинюсь перед капитаном суденышка, подумал я. Если, само собой, документы у капитана окажутся в порядке...

Как минимум пять минут я занимался тем, что в бодром темпе искал на борту «Элизабет» людей. Все двери в надстройке на ее корме оказались, как выяснилось, незапертыми. Я сначала вежливо стучал в них, затем, не достучавшись, распахивал, заходил внутрь помещений. Я побывал в каюте капитана, в рулевой рубке, на камбузе, в крохотном кубрике с четырьмя койками. Всюду было пусто. Рядом с кубриком обнаружилась дверка, а за ней — лестничка, ведущая в тесное машинное отделение. Я заглянул и в него. Там тоже царили тишина и безмолвие.

Куда подевался, черт побери, экипаж? В полном недоумении я выбрался из машинного отделения на палубу и огляделся, хмыкнув, по сторонам. Дождь вроде бы слегка поутих. Его барабанная дробь о деревянную палубу была единственным звуком, который я сейчас слышал. «Элизабет» безгласно покачивалась на волнах, храня в себе тайну исчезновения ее хозяев. Сквозь струи дождя я приметил в самом центре палубы, между кормовой надстройкой и вынесенной вперед мачтой, круглую крышку люка. Люк, наверное, вел в грузовой трюм.

Трюм был последним местом на борту, которое мне оставалось проверить для очистки совести.

Я щелкнул запорами на крышке люка, откинул ее в сторону и полез по вертикально висящей металлической лесенке вниз. В трюме стояла полумгла. Свет едва проникал сюда сквозь крохотные и очень грязные иллюминаторы, растянувшиеся двумя редкими рядами напротив друг друга по трюмным стенам.

— Ну, наконец-то! — раздался вдруг за моей спиной из глубины пустого трюма сочный мужской баритон.— Наконец-то кто-то пришел. Надоело, знаете ли, ждать. Сижу и жду, жду... Надоело!

Голос был со слабым иностранным акцентом.

Он прозвучал столь неожиданно, что я едва не свалился с лесенки. Нога, дрогнув, промахнулась мимо ее последней ступеньки. Я резко и неловко осел вниз, но, к счастью, тут же уперся подошвой башмака в настил пола.

И немедленно обернулся к говорившему.

И мысленно в следующую секунду ахнул.

В трюмном полумраке прямо напротив моего лица висела в воздухе тонкая трубка, нечто вроде резиновой кишки. Дальний конец кишки терялся где-то во тьме в носовой части трюма. А тот, что был нацелен мне в лицо как ружейный ствол, имел на конце круглое поблескивающее стеклышко, слегка выпуклое.

— Да вы проходите. Не стесняйтесь,— раздалось откуда-то из носовой части, из тьмы.— Сейчас мы с вами живо составим договор. Вы подпишете его, и мы отправимся в плавание.

Трубка со стеклышком изогнулась, слегка привзлетела и хлестнула сверху вниз перед самым моим носом, рассекая воздух, как плетка. А потом стремительно втянулась в чернильную мглу, скрывавшую от меня носовую часть трюма, сгинула, будто ее в мгновение ока намотали на барабан, находившийся где-то там.

В общем-то, я не считаю себя особенно нервным человеком. Неврастеники не работают в КГБ. Но тут, когда эта кишка с окуляром на ней, сплясав в воздухе джигу, нырнула бесшумно в темноту, я почувствовал, как мою спину прохватил жар, а ладони взмокли. В горле запершило.

Прокашлявшись, я сунул руку за обшлаг плаща, извлек из кармана пиджака служебное удостоверение и выставил его перед собой как щит.

— Позвольте представиться. Я — сотрудник Комитета государственной безопасности.

— А мне наплевать! — послышалось с легким иностранным акцентом в ответ из тьмы.— Главное не то, что вы — сотрудник какого-то там комитета, а то, что вы — человек. Живой, хе-хе, и тепленький.

Затем произошло вот что. Не успел я рта раскрыть, дабы выдать соответствующую моменту отповедь этому нахалу с иностранным акцентом, как в носовой части трюма вспыхнул неяркий зеленоватый свет. Казалось, он шел со всех сторон, а не из какого-то определенного источника. Я увидел — в мглисто-зеленоватом сиянии стоит крепко сбитый, мускулистый мужчина среднего роста и средних лет. Его грудь и руки облегает тонкий свитер-водолазка, а на ногах болтаются широкие мятые штаны. И водолазка, и штаны были черного цвета.

— Рад познакомиться с вами. Да, очень рад... Здравствуйте! — мужчина издали помахал левой рукой в приветственном жесте. Потом упругим спортивным шагом двинулся ко мне.

Он подошел почти вплотную и вдруг опять вскинул левую руку вверх, к собственному лбу. Запустил ладонь в свою густую рыжеватую шевелюру, несильно дернул ее. Шевелюра легко отделилась от головы. Она оказалась париком.

Под париком обнаружилась гладкая, как бильярдный шар, без единого волоска лысина.

То, что я узрел на лысине... Я сперва не поверил своим глазам.

В хаотическом беспорядке по желтому гладкому полушарию были разбросаны металлические рожки высотою примерно пять сантиметров каждый. Их было на голове не меньше десятка. Круглые, толстенькие, они смахивали на гильзы от патронов для крупнокалиберного пистолета.

— Что это у вас такое? — полюбопытствовал я, во все глаза разглядывая рожки.

— Биостабилизаторы,— сообщил мужчина и легонько постучал согнутым пальцем по гильзе от патрона, торчавшей на голове слегка наискось над правым виском.

— Био... что?

Мужчина лучезарно улыбнулся и принялся обмахивать свое лицо париком, точно веером.

— Важнейший элемент устройства колпака высшей защиты,— пояснил он.

— Эти рожки?

— Да.

— Элемент колпака?

— Да.

— Высшей защиты?

— Ну разумеется.

— Нет. Не понимаю... О каком колпаке толкуете вы?

— Да вот об этом,— небрежно бросил мужчина в ответ и похлопал себя ладонью правой руки по ляжкам, по животу и в заключение по груди.

Он продолжал усиленно обмахиваться париком.

— Сегодня — очень жаркий день, не правда ли?.. Впро- чем, это не относится к делу. Давайте приступим к работе. Время не терпит.

— Подождите. Прекратите трепать языком. Я — сотруд- ник Комитета...

— Ну и что? — перебил меня мужчина.— Это тоже не относится к делу. Сейчас вы подпишете контракт. Я намерен немедленно купить у вас ваше тело.

— Повторяю, я — сотрудник...

— Оно мне куда нужнее, чем вам. Смею вас заверить, я не постою за ценой! Цена покажется вам весьма и весьма заманчивой, когда вы узнаете, что конкретно будет предложено вам в обмен на тело.

Слушая весь этот бред, я взял себя в руки немалым усилием воли. Ситуация стала понемногу проясняться. Передо мною стоял явно психически не совсем здоровый человек.

— Прекратите нести ерунду,— строгим голосом скомандовал я, спрятал удостоверение в карман и требовательным жестом выбросил вперед ладонь.— Предъявите ваши документы, гражданин.

Сумасшедший с рожками проигнорировал мои слова. Сделал вид, что не расслышал их.

— Подчеркиваю, меня интересует только ваше тело,— проговорил он, прищурившись и ощупывая оценивающим взглядом мои плечи и грудь, живот и ноги.— Ваша душа не интересует меня в принципе. После подписания акта о купле-продаже тела я переселю вашу душу, то есть вашу личность... ну, в некое прелюбопытнейшее местечко. Уверен, оно понравится вашей душе, то есть вам. А отправитесь вы туда отнюдь не с пустыми, как говорится, руками. Отправитесь с ценнейшим трансцендентальным багажом, который получите в качестве платы за свое тело.

С этими словами мужчина совершил нечто абсолютно невозможное, дикое. Он отшвырнул парик в сторону, потом ткнул кулаком левой руки себя в грудь, и рука мягко вошла в нее прямо сквозь черную водолазку, сквозь кости грудной

клетки. Вошла словно в тесто! А затем снова выскользнула наружу, и водолазка на том месте, где она, казалось бы, была продырявлена только что насквозь кулаком, опять натянулась на груди, как кожа на барабане. Я не приметил н£ ней ни единой дырочки.

А в кулаке, вынырнувшем из груди, трепыхалась какая-то бумажка величиною со стандартный машинописный лист. Мне бросилось в глаза слово, написанное на ней крупными красными буквами — «ДОГОВОР».

— Позвольте...— начал было я, уставясь на бумажку.

— Нет-нет, не позволю. Даже и не спорьте со мной,— оборвал меня мужчина, помахивая бумажкой и продолжая лучезарно улыбаться.— Вы в любом случае подпишете договор о продаже вашего тела, даже если не захотите сделать этого. Но я уверен, что вы захотите. Когда вы узнаете о той неслыханной цене, которую я готов предложить вам за такой пустяк, как ваше тело...

И тут мы с ним услышали музыку.

Мужчина с многочисленными рожками на голове, поперхнувшись, замер на полуслове, едва донеслись до нас ее первые громкие аккорды. Кто-то на корабле-сухогрузе, что высился возле причала рядом с крохотной деревянной шхуной «Элизабет», врубил, по всей видимости, на полную мощность динамик. Над причалом, набирая силу, поплыли звуки церковного песнопения. Я догадался, что исторгал их из себя рупор громкоговорителя, который, надо так полагать, висел на сухогрузе где-то над радиорубкой или, может быть, где-то на мачте.

Уж кто там, на корабле, крутил сейчас магнитофонную запись песнопения и где он эту религиозную, почти антисоветскую музыкальную пропаганду раздобыл, было мне неизвестно. Да и не волновало в данный момент меня. Я стоял в трюме «Элизабет», касаясь спиной металлической лесенки, ведущей наверх к распахнутому

люку. Отрешенно, почти бездумно пялился я на мужика с рожками и с мягкой, как резиновая подушка, грудью.

Какое-то вялое оцепенение медленно, но верно стало охватывать меня несколькими секундами ранее — когда этот рогатый деятель принялся рассуждать об акте купли-продажи моего тела и о некоем местечке, в которое он якобы намеревался отправить мою душу, не нужную ему. Руки и ноги сделались ватными, непослушными. Мысли в голове шевелились с трудом, затуманенные... Чем? Не знаю. Я чувствовал себя как человек, надышавшийся отравляющими газами.

— Какого дьявола?! Кто посмел?! — зычно вскричал мой странный собеседник, вслушиваясь в песнопение.— И главное — в такой ответственный для меня момент!.. Гримаса ужаса исказила его лицо.

— Немедленно прекратите эти мерзкие завывания. Эй, слышите? Пре-кра-ти-те!

Его истошный вопль из трюма крохотной «Элизабет» остался не услышанным на борту гигантского сухогруза. Церковное песнопение продолжало громко и торжественно плыл над бухтой, над причалами, перекрывая шум дождя и подвывания ветра. Женский хор пел что-то об Иисусе Христе Смутно помню, речитативом в песнопении звучали слова «Прииде, Иисусе... Прииде, Иисусе...» Они то и дело повторялись.

Всякий раз, когда они повторялись, мужчина с многочис ленными рожками на голом желтом черепе сильно вздраги вал и приседал. Причем при каждом следующем повторе фразы «Прииде, Иисусе...» он, охая, приседал все ниже и ниже и затем распрямлялся со все большим трудом и кряхтением.

— Прекратите,— сдавленным голосом снова промычал он, упав на пол трюма на четвереньки, словно бы оконча-тельно сломленный тем песнопением.— Не могу больше слы-шать это отвратительное имя.

А хор продолжал тянуть:

— Прииде, Иисусе... Прииде, Иисусе...

— Нет. Не могу больше,— простонал мужчина с рожками.— Не могу!

Его облик в ту же секунду странным образом изменился.

Перед моим затуманенным взором появилось буквально на мгновение существо, которое я просто не сумею внятно описать. Видел я его, по сути, мельком — да к тому же, повторяю, сквозь туман, застилавший взор, затмивший мое сознание, отравленное неведомо чем и как. Передо мной в зеленом сиянии, по-прежнему освещавшем трюм, возник монстр с горящими глазами, острым клинообразным подбородком и длинными когтями на концах скрюченных пальцев рук. Длинные когти я запомнил почему-то с особенной отчетливостью. И еще запомнилось, что был он голым. Все его тело, включая, кажется, даже лицо, покрывала густая темная шерсть.

Едва я увидел перед собой кошмарного этого монстра-оборотня, как некая непонятная сила подбросила меня вверх, Она вышвырнула меня из трюма «Элизабет» сквозь распахнутый люк.

Головой вперед я вылетел из люка, как камень, выпущенный из пращи. И приземлился не более чем в метре от длинного штабеля ящиков, высившегося на причале напротив шхуны. Приземлился, пребольно шмякнувшись об асфальт подошвами обеих ног, но, как ни странно, не врезался в следующую секунду в тот штабель по инерции всем телом и лицом. Все та же непонятная сила удержала меня на ногах, не дав упасть.

Одуряющая тошнотворная муть, затмевавшая мой мозг, тотчас же испарилась куда-то из головы. Сознание прояснилось, а взгляд обрел былую остроту.

Я стремительно оглянулся через плечо.

Шхуна отваливала от причала. За ее кормой вспенивался мощный буран, вздуваемый винтом.

Я слегка прищурился, всматриваясь сквозь мутную пелену дождя в рулевую рубку шхуны, в ее лобовое стекло. Кто находился сейчас там, в рубке? Кто управлял шхуной? Другими словами, кто еще, помимо того монстра-оборотня, обретался сию минуту на борту «Элизабет»? Не знаю — почему и зачем, но я очень хотел разглядеть лицо человека, который, по логике вещей, должен был стоять сейчас в рубке у штурвала,— разглядеть и запомнить его.

Я не разглядел и не запомнил. Ибо в рубке никого не было!

«Элизабет» отошла от берега метров на десять и стала разворачиваться. А потом случилось чудо. Она окуталась белесоватым туманом, полностью скрывшим ее. Из туманного облака раздался негромкий звук, похожий на треск электрического разряда. И облако исчезло.

А вместе с ним исчезла и шхуна...

К моему старенькому «Москвичу», приткнувшемуся в тупичке за пакгаузом, я подошел ровным неторопливым шагом. В душе у меня бушевала буря, но голос был спокоен и деловит, когда, усаживаясь на водительское место в машине, я произнес:

— Слушайте внимательно, ребята. Сейчас я разговариваю с вами не как частное лицо, а как офицер госбезопасности. Понятно?

Повернувшись, я в упор посмотрел сначала на Виталия, затем на его приятеля. Оба они оторопело уставились на меня с заднего сиденья «Москвича» в ответ на мои слова. А я, продолжая буравить их тяжелым пристальным взглядом, заговорил подчеркнуто строгим тоном:

— Шхуна в самом деле стоит у причала. Я побывал на ее борту и разобрался в ситуации. Это не иностранный корабль, к вашему сведению. Это наш корабль, принадлежащий КГБ.

Это секретная плавучая научная лаборатория отдела внешней разведки нашего Комитета.

Виталий тихо ахнул, услышав такое.

А я продолжал вдохновенно врать:

— Облик корабля — не более чем камуфляж. Шхуна будет использоваться в дальнейшем в нашей зарубежной разведывательной деятельности. Трубка с окуляром, которую вы видели,— один из новейших разведывательных приборов, строго засекреченных... Короче говоря,— и тут я резко повысил голос,— вы, мерзавцы, вляпались своими пьяными мордами в важную государственную тайну!

Не буду подробно пересказывать здесь, о чем я, сурово сдвинув брови, вещал далее. Скажу лишь одно: речи мои были полны угроз и обещаний немедленно упечь и Виталия, и его дружка в тюрягу, ежели эти алкаши проболтаются по пьяной лавочке об увиденном ими минувшей ночью в порту. КГБ не дремлет, вещал я, мерно чеканя слова. На нас работают в городе сотни тайных добровольных помощников, то есть секретных агентов. И если хотя бы один из них донесет нам о том, что вы, мерзавцы, распускаете языки и разглашаете важнейшую государственную тайну, то тогда... Выставив вперед по два пальца на каждой руке, я сложил их крестообразно наподобие тюремной решетки.

В общем, я запугал ребят до дрожи в коленках. Каждый из них, потея от страха, дал мне честное слово, что никогда и никому не расскажет ни о шхуне странного облика и под иностранным флагом, ни о трубке с окуляром на ее конце, высунувшейся из иллюминатора в борту. Затем я взял с них второе честное слово — они поклялись никогда более не совершать ночные вылазки на причал сквозь дырку в заборе.

Их испитые лица расцвели облегченными благодарными улыбками, когда я как бы походя, как бы этак мельком проронил, что не намерен сообщать в милицию об их воровских походах за «пьяным грузом». Тоже этак как бы походя я пояснил — мол, между КГБ и милицией всегда были, есть и будут... ну, некоторые расхождения во взглядах на принципы следственной работы. Милиция относится к КГБ без всякого почтения, а КГБ отвечает ей тем же. Ваш, ребята, проступок, сказал я, дело сугубо милицейское, а не кагэбистское. И я, сотрудник КГБ, вовсе не намерен делать подарок мильтонам — передавать им дело о воровстве, расследованное не ими, а мною. Для меня будет вполне достаточным ваше честное слово, ваше обещание никогда более не наведываться на причал. Но если вы слово не сдержите... Я снова сложил пальцы крестообразно и угрожающе засопел.

А потом приказал:

— Теперь вылезайте из машины. Нет, погодите,— я вытащил из кармана связку ключей и, найдя на ней нужный, показал его Виталию.— Вот ключ от багажника моего «Москвича». Откроешь багажник, найдешь там монтировку. Используешь ее вместо молотка. Там же, в багажнике, стоит картонная коробка со всякой всячиной. Помнится, в ней должны быть шурупы. Используешь их вместо гвоздей. Даю вам, парни, ровно десять минут на то, чтобы вы намертво заколотили те две ваши доски в заборе... Выполняйте задание! Парней как ветром выдуло из машины. А я перевел дух. Думаю, мне удалось полностью нейтрализовать как Виталия, так и его молчаливого дружка. Страх, настоящий большой страх, насквозь продирающий все человеческое естество,— лучшее средство от излишней болтливости. Застращав алкашей до потери пульса перспективой угодить в тюремную камеру, я навесил на их рты крепкие замки. Опечатал уста молчанием.

Я знал, никому и на за что не расскажут они о своей встрече с той шхуной и о странной трубке, выдвигавшейся из ее иллюминатора. Самое же главное, они будут помалкивать о том, что и я тоже побывал в кратковременном контакте со шхуной.

Что я там, на причале, делал в течение неполного получаса? Чем занимался? Что конкретно, как офицер КГБ, обнаружил? И куда, наконец, подевалась шхуна, если, по данным поста пограничной охраны у выхода из порта, она не покидала его акваторию? Можно было не сомневаться, что пограничники дадут именно такую справку — мол, не покидала шхуна порт... Если не покидала, то где она? И как прошляпил ее таинственное исчезновение я, офицер КГБ, лично отправившийся инспектировать иностранную, по всем приметам, посудину?

Такие или примерно такие вопросы мне непременно задали бы в моем родном Комитете, если бы слушок о моем контакте со шхуной дошел до него. И начались бы у меня специфические служебные неприятности. Сплошная нервотрепка. Дело, как пить дать, окончилось бы строгим служебным взысканием — причем в лучшем случае. То есть моя карьера была бы измарана жирным черным пятном. А такие пятна в КГБ, ох, как нелегко стираются, со временем забываются... Слушок, однако,

до Комитета не дойдет, подумал я, мысленно усмехнувшись. Ибо я пресек его на корню, ликвидировал в зародыше.

Нахохлившись, чуть сгорбившись, я сидел в машине на водительском месте, глядя в одну точку перед собой. По лобовому стеклу «Москвича» струились потоки воды. Дождь громко барабанил по крыше автомобиля. Перед моим внутренним взором роились кошмарные видения — трубка с окуляром, порхавшая в воздухе по трюму, мужчина с многочисленными рожками на черепе, его мгновенное превращение в сущего дьявола с кривыми когтями, туманное облачко, накрывшее собою шхуну... Я почувствовал, как испарина выступила на моем лбу.

Руки, лежавшие на рулевом колесе, начали подрагивать. Пришлось крепко стиснуть пальцами баранку, чтобы унять дрожь.

Да, с удовлетворением подумал я, линия поведения, избранная мною в разговоре с Виталием и его приятелем, была! единственно верной.

Работа в Комитете госбезопасности полностью устраивала меня, временами даже нравилась. Она неплохо оплачивалась. Я ни в коем случае не хотел потерять ее — тем более с устрашающей перспективой перехода из КГБ прямиком в сумасшедший дом. А туда я непременно угожу, если раскрою рот и честно, пункт за пунктом, доложу начальству о всем случившемся со мною на борту шхуны «Элизабет». О трубке с окуляром. О демоне-оборотне и о его невероятных по смыслу, жутких речах. О том, как я был выброшен неведомой силой из трюма шхуны на причал. И, наконец, о том, как «Элизабет» прямо у меня на глазах растаяла в воздухе...

Фигуры в черных рясах

По утверждению Анатолия Невзорова из Красноярска с января по март 1992 года он наблюдал время от времени вокруг себя загадочные феномены. В воздухе плавали «черно-бархатные пятна», а между ними серебрились крохотные звездочки, тоже сновавшие туда-сюда. В конце февраля привиделся Анатолию необычайно яркий сон, тяжелый и мерзкий.

Приснилось, быстрым шагом приближается к нему чело-век в черной рясе и с темными мешками под глазами. Он молча обходит Анатолия сбоку, становится сзади него и кладет свою очень тяжелую руку на его плечо. А Невзоров тем временем к собственному изумлению произносит какие-то непонятные заклинания... Человек в черной рясе ритмично давит ему на плечо рукой и принуждает кланяться в такт произносимым заклинаниям. При этом Анатолий четко ощущает одно-единственное чувство — чувство омерзения и гадливости, доходящей почти до тошноты.

Спустя какое-то время после неприятного сна Невзоров внезапно осознал себя находящимся, как он выразился, «под гипнозом сил тьмы». К его величайшему ужасу, прямо в голове зазвучали однажды чужие низкие мужские голоса. Они басовито забубнили: «Отныне ты — наш!.. Мы теперь никогда не выйдем из тебя... Ты порабощен нами!»

И — сдержали свое слово. Не вышли из человека. Устрашающие голоса звучат в сознании Анатолия по сей день. Их монологи полны угроз, обильно насыщены площадной бранью.

Невзоров завершил свое письмо, направленное мне, такими словами:

— Исстрадавшись сполна, я отправился в библиотеку и обратился сначала к литературе по психиатрии, а потом и к книгам по аномальным явлениям, включая ваши книги. И понял, что у меня происходит так называемое одержание. Злые духи, выходцы из адской мглы вселились в меня. Они не желают покидать захваченный

«психический плацдарм». Я пил многочисленные лекарства, читал молитвы, искал помощи у священников... Все впустую. Наверное, никто уже никогда не сможет помочь мне, ибо я — человек, бесповоротно, по моим глубоким ощущениям, побежденный силами тьмы. Нелишне попутно заметить, что я исправно хожу на работу, успешно справляюсь со всеми своими обязанностями, включая семейные, а вовсе не кидаюсь с дикими воплями на стены или на людей. Тайна угнетающего общения с посланцами ада — это моя личная тайна. Я не намерен тревожить ею окружающих.

В моем архиве тревожно много подобных отчетов о налетах злых духов на человеческую психику. Их около пятидесяти.

Лариса Глушец из Днепропетровска, что на Украине:

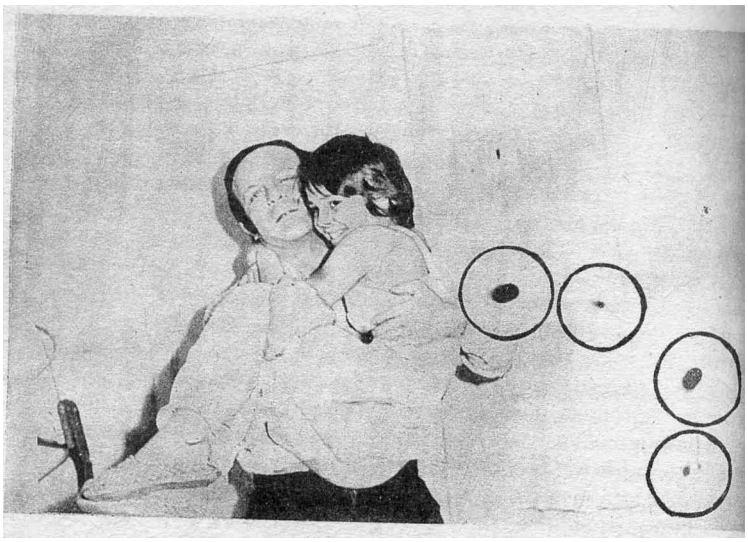
— Демон впервые появился в нашем доме в сентябре 1991 года. Причем увидела его не только я, но и мой муж! Поздним вечером прямо у нас на глазах возник в воздухе, как бы сконденсировавшись из ничего, крупный мужчина в черном балахоне, похожем на рясу, и с черной кисеей на голове, ниспадавшей складками на плечи. Не обращая внимания на моего совершенно опешившего мужа, он стал угрожать мне, обещать придушить... С этого дня я постоянно слышу по ночам его голос. Он все время донимает меня своими разговорами, вся суть которых сводится к бесконечным угрозам. По совету врача я принимала нейролептические препараты. Обратилась к экстрасенсам, затем к бабке-знахарке. Не помогло! Голос продолжает звучать в моей голове.

Иногда контакты такого рода с «людьми в черных балахонах», едва начавшись, не получают дальнейшего развития.

Из показаний москвички Ирины Кудряшовой, полученных мною при личной встрече с ней:

— Дело было вечером в августе 1990 года на нашей загородной даче.

Я прилегла на постель, собиралась заснуть, как вдруг в комнату вошли какие-то люди в черных свободных одеждах,



В доме москвича В. Пичугина весной 1993 года обосновались некие загадочные невидимки
На снимке: В. Пичугин держит на руках свою дочку, а справа от него— таинственные «черные объекты» в воздухе, не наблюдавшиеся визуально в доме.
Не о таких ли «черно-бархатных пятнах» рассказывает в своем контактном сообщении А. Невзоров?

«Служи нам». А тот, что стоял позади него, сделал шаг вперед и, глядя на меня в упор, проговорил: «Отдай нам свою душу». Почти тотчас же я осознала, что паралитическая судорога, сковывавшая мои голосовые связки, исчезла, и я обрела способность говорить. Страшно перепуганная происходящим, я крикнула во весь голос: «Дайте мне гарантию, что вы зовете меня к Богу!» Монахи ничего не

ответили. Они синхронно повернулись кругом и молча удалились вон. Едва за последним из них закрылась дверь, как холод, объявший комнату, куда-то сгинул, а я вышла из столбняка — паралич как рукой сняло. Я шагнула к кровати, буквально рухнула на нее и, по всей видимости, потеряла сознание... Утром, встав с постели, подхватила халатик, висевший на спинке стула, и стала надевать его. И очень сильно удивилась. Халат оказался мокрым насквозь, хотя и стул, и все прочие вещи, и пол, и потолок в комнате были совершенно сухими.

Загадочный «пикап»

В воскресенье 13 мая 1990 года москвичка Тамара Орлова и ее муж ехали поздним вечером на электричке. Они возвращались в город с собственной дачи, где в течение двух выходных дней безостановочно ворочали лопатами землю — сажали картошку. Оба чувствовали себя смертельно уставшими.

Внезапно муж Тамары стал заваливаться на бок; он потерял сознание. Об этом было сообщено по селекторной связи машинисту поезда. А тот, в свою очередь, доложил по рации о случившемся дежурному радисту ближайшей железнодорожной станции. Когда поезд подошел к ее перрону, там его уже поджидали двое санитаров с носилками. Обеспамятовавший мужчина был быстро перенесен в машину «скорой помощи» — разумеется, в сопровождении собственной супруги, крайне обеспокоенной происходящим.

Мужа Тамары не успели довезти до больницы. Он скончался в пути.

Обезумевшая от горя женщина провела ночь и часть следующего дня — понедельника — возле тела покойного в стенах той больницы.

Ее родная сестра, тоже москвичка, ничего не знала, само собой, о происшедшем. В понедельник утром она встала с постели, как всегда в будние дни, очень рано. И вышла из дому, отправившись на работу, в начале шестого часа утра.

На автобусной остановке женщине не пришлось долго маяться в ожидании. Вскоре прибыл автобус нужного ей маршрута. Сестра Тамары Орловой, войдя в его распахнувшуюся переднюю дверь, присела на свободное кресло у окна в левом ряду сидений. Это кресло находилось сразу за кабиной водителя.

Автобус стронулся с места. Его колеса пошли накручивать километры по пустынным улицам утренней Москвы, в тот очень ранний час едва-едва просыпавшейся. Рассеянным взором смотрела сестра Тамары в окно, за которым проплывали дом за домом, квартал за кварталом... Автобус подъехал к очередному перекрестку — к пересечению улицы, по которой он двигался, с широким проспектом. Водитель не стал притормаживать, ибо на светофоре горел сигнал зеленого света.

О том, что случилось дальше, пусть расскажет сама сестра Тамары:

— Когда автобус начал выезжать на перекресток, я увидела — наперерез ему мчится по проспекту слева направо небольшой автомобиль. Обычный «пикап»-фургончик. Обычный и... необычный. Весь он был ярко-красного цвета, а на боку — белый круг с красным крестом в нем. Одним словом, карета «скорой помощи». Но вот что совершенно поразительно: ее лобовое стекло было сплошь матового цвета. Словно его густо замазали изнутри серо-белой краской! Никогда в жизни не видела я автомобилей с такими лобовыми стеклами... Столкновение «пикапа» и нашего автобуса казалось неизбежным. Немногочисленные пассажиры, находившиеся вместе со мной в салоне, испуганно закричали.

Сестра Тамары тоже заорала в полный голос от ужаса. Водитель автобуса резко нажал на тормоз.

— То же самое,— продолжает свой рассказ сестра Тамары,— сделал, судя по всему, и шофер красного «пикапа», невидимый за матовым лобовым стеклом. Скорость «пикапа» резко замедлилась, тем не менее он продолжал быстро приближаться. С абсолютной бесповоротностью я осознала, он сейчас вонзится в автобус слева — именно туда, где сидел за рулем водитель, а позади него — я. С отвисшей челюстью смотрела я немигающими глазами на надвигающийся «пикап», целящий своими фарами прямо в меня! Но случилось чудо. Каким-то непонятным образом «пикап» проскочил перед самым, так сказать, носом нашего автобуса, не задев его. Мы, пассажиры, опять дружно закричали — на сей раз от радости. И тут же умолкли, растерянно вертя головами во все стороны. Красный «пикап», подлетевший к автобусу слева и промчавшийся наперерез ему прямо перед его передним бампером, не появился, однако, справа от автобуса. И не продолжил свой путь. В буквальном смысле этих слов он растаял в воздухе, как привидение. Сестра Тамары продолжает:

— Все мы, включая водителя автобуса, были в шоке. Мы не понимали, как могло произойти такое. Мои попутчики бурно обсуждали загадочное происшествие и при этом все время акцентировали внимание на странном внешнем виде «скорой помощи». Ее лобовое стекло было, повторяю, матовым, а вот зато боковые стекла — почему-то прозрачными. Все мы, как выяснилось из обсуждения, ясно разглядели это. Между тем у обычного автомобиля «скорой помощи» все должно быть наоборот! Боковые стекла — матовые, а лобовое — прозрачное...

Однако лично сестру Тамары куда более сильно озадачило другое.

Когда «пикап» подлетел к автобусу и уже почти, казалось, столкнулся с ним, взор женщины — немигающий, застывший — был направлен в его боковое прозрачное стекло. И женщина, по ее категорическому утверждению, отчетливо разглядела сквозь то стекло вот какую картинку: лежит в «пикапе» на носилках мужчина в выцветшей куртке-штормовке защитного цвета, глаза закрыты, руки вытянуты вдоль тела.

— И никого больше нет в салоне для перевозки больных в той «скорой помощи»! — рассказывает сестра Тамары.— Пусть мое наблюдение продолжалось не более двух секунд... пусть даже не более секунды, но я отчетливо рассмотрела черты лица мужчины. Это был муж моей сестры. Я не могла ошибиться. Мне не померещилось. Да, это был именно он! Вихрем закружились в голове вопросы. Что с ним? Тяжело заболел? Причем настолько тяжело, что пришлось вызывать «скорую помощь»? И какое же удивительное совпадение — я еду ранним утром на автобусе на работу, а карета «скорой помощи» с мужем Тамары, лежащим в ней, пересекает мой путь. Как может быть такое? Ну, а внешний вид автомобиля? Что за странная карета с матовым лобовым стеклом! Ненормальная какая-то карета, невозможная... Наконец, каким чудом удалось ей избежать неминуемого, казалось бы, столкновения с автобусом? И куда она подевалась потом, растаяв без следа в воздухе на перекрестке?..

Из показаний Тамары Орловой:

— Когда мы с мужем возвращались на электричке с дачи, он был одет в выцветшую куртку-штормовку защитного цвета. «Скорая помощь», на которой везли нас с ним отжелезнодорожной станции до ближайшей больницы, была «пикапом». Но «пикапом» белого цвета, а не красного. Лобовое стекло у машины

было, разумеется, прозрачным, а боковые — матовыми. В течение всего следующего дня тело покойного пребывало недвижимо в больнице. Никто его оттуда не вывозил.

Из справки, данной А. Н. Степановым, работником гаража одной из столичных станций «скорой помощи»:

— Мы пользуемся в повседневной работе автомобилями двух типов — «пикапы» и «Волги»-фургоны. Согласно давней традиции все машины «скорой помощи» в Москве имеют белый цвет. Красные «пикапы» не используются нашими подразделениями. Говорю об этом со всей ответственностью. Красные «пикапы» — это командные машины пожарных команд. О наличии непрозрачных лобовых стекол на автотранспорте слышу впервые и считаю утверждение об их существовании полным бредом.

Вестник перемен

Маргарита Храмцова — кандидат биологических наук, сотрудник Всероссийского НИИ растениеводства, что находится в Подмосковье. По ее словам, она не страдает истерией или, хуже того, галлюцинаторными психозами.

— Я верю только фактам,— сообщает она.— Это у меня, человека науки, чисто профессиональное. Но факты фактам — рознь. Иные из них, пусть крайне немногие, не укладываются ни в какие рамки, в принципе не поддаются научному осмыслению.., Сквозь мою жизнь, например, тянете; цепочка совершенно загадочных событий, которым я не мог найти объяснения. Все это началось в 1954 году.

В ту пору Храмцова была студенткой химического фа культета одного из московских институтов, жила в студенческом общежитии. Проучившись на факультете пару лет, он пришла к грустному выводу: «Я неправильно выбрала сво! будущую профессию». Маргарита стала мечтать о переводе знаменитую «Тимирязевку», дабы получить там биологическое образование. Однако такой перевод из вуза в вуз оказался, как выяснилось, очень непростым делом. Лично для Маргариты — почти невозможным по ряду причин.

— Наверное, моя мечта так и останется мечтой,— говорила, вздыхая, она в беседах с подругами...

Комната в общежитии, в которой жила Храмцова, был рассчитана на четырех человек. Однажды вечером случилось в той комнате нечто невероятное. Когда оно произошло, Маргарита лежала на постели и читала книгу, а три ее подруги — сожительницы по комнате — сидели за столом и весело болтали о разных житейских пустяках. Краем глаза Храмцова заметила какое-то движение в изножье своей кровати. Оторвала взгляд от книжной страницы и обмерла — стоит там, у стены, мужчина, одетый во все белое. Деталей его костюма она не разглядела.

— Мне было не до деталей. Я опешила, увидев высокого парня, непонятно как оказавшегося в нашей комнате,— вспоминает Храмцова.— Тут же подумалось, это, наверное, кто-то из ребят, живущих на другом — «мужском» — этаже общежития, неслышно проник к нам. От такого нахальства я разозлилась. Сердито хмыкнув, привстала на постели в ожидании, что этот нахал скажет, как объяснит свою выходку.

В следующую секунду «нахал» сделал два шага вперед вдоль постели Маргариты и на мгновение замер у ее изголовья по стойке «смирно». А потом протянул к девушке руку, накрыл своей ладонью ее ладонь и медленно, очень медленно склонился над Храмцовой.

— Мне стало дурно, когда его лицо приблизилось к моему. О, ужас! У парня вообще не было лица! Вместо него я увидела белый, растянутый по вертикали овал — плоский, как лист бумаги. Я вскрикнула, и белый мужчина с белым пятном вместо физиономии тут же исчез, будто его и не было.

Девушки, сидевшие за столом, дружно обернулись, услышав ойканье Маргариты, и, не мешкая, бросились к ней:

— Рита, что с тобой? Почему ты побледнела и дрожишь? Заболела, да?

Храмцова рассказала во всех деталях то, что сию секунду произошло. В отличие от нее, девушки не заметили появление в помещении «фигуры в белом», чем, к слову сказать, были немного озадачены. Одна из них проговорила задумчиво:

— Может быть, это был прощающийся домовой?

— Кто?

— Прощающийся домовой,— повторила девушка. И пояснила: — Моя бабушка, живущая в деревне, часто рассказывала мне о проделках домовых, в реальном существовании которых она не сомневалась. По ее словам, когда человек, особо полюбившийся домовому, готовится навсегда покинуть дом, домовой приходит к нему попрощаться. И человек видит его воочию — как правило, единственный раз в своей жизни... Если к тебе, Рита, приходил сегодня прощающийся домовой, то это значит одно. Скоро ты навсегда уедешь отсюда, из институтского общежития.

Так оно и случилось вскоре. К великой радости Маргариты Храмцовой, бюрократические препоны в деле ее перевода из вуза в вуз были вдруг с озадачивающей быстротой преодолены, и она стала студенткой Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Само собой, она тут же переселилась в другое студенческое общежитие.

Подруга Храмцовой назвала «белого мужчину» прощающимся домовым. С течением лет Маргарита поняла, что под-руга ошиблась.

Вот ее дальнейший рассказ:

— Если бы это был домовой, который пришел проститься со мною, то он бы наверняка в том общежитии и остался... Ну, как его постоянный жилец, что ли... Но вот ведь какая удивительная штука! Тот самый белый мужчина с белым пятном вместо лица вторгался в мою жизнь еще несколько раз. Происходило это всегда внезапно и только по вечерам, когда я уже лежала в постели. Всякий раз он появлялся вдруг возле изножья кровати, делал два шага по направлению к изголовью, неторопливо склонялся надо мной, а затем мгновенно исчезал. Самое же примечательное: это случалось только накануне каких-то кардинальных событий, крупных перемен в моей жизни. Например, накануне свадьбы. Или накануне переезда нашей семьи в новую квартиру. Накануне смены места работы, защиты диссертации либо, скажем, накануне увлекательной и длительной научной командировки... И так далее. Нехитрым делом было уловить закономерность в явлениях белого призрака, которого я сама для себя уже давным-давно называю вестником перемен. Его очередной приход — всегда нечто вроде знака судьбы, предупреждающего сигнала для меня. Ни разу сигнал не оказался ложным.

Место, на котором спотыкаются

Одна моя давняя знакомая выложила как-то раз передо мной на стол цветную фотографию, сделанную на «Пола-роиде».

— Объясните, что это такое? — вопросила она тревожным тоном, тыча наманикюренным пальчиком в снимок.

На нем был запечатлен молодой человек с полупустой пивной бутылкой в правой руке... Я внимательно всмотрелся в снимок. Его декоративный антураж показался мне знакомым.

— Где и когда была сделана фотография?

— В Москве. Возле входа в Центральный парк культуры и отдыха,— пояснила скороговоркой женщина.— Весной 1993 года.

Она опять нетерпеливо постучала ногтем по глянцевой поверхности снимка.

— Так все-таки — что же это такое?

На фотографии висели перед молодым человеком строго по вертикали четыре светящихся шарика — на одинаковом расстоянии между ними. Самый нижний из них застыл в воздухе на фоне отогнутой полы куртки, в которую был облачен человек. Шарик был ярко-желтым в центре и с ярко-красным толстеньким ободком. Второй парил напротив мужского предплечья, опять-таки ярко-желтый, но без красного ободка. Третий и четвертый располагались выше. Оба они не имели столь же четкой шарообразной конфигурации, как первый и второй, и походили на два ярких желтых светящихся пятнышка.

Недоуменно разглядывая странную фотографию, я хмыкнул, пожал плечами.

— Хотел бы я сам знать, что это, черт возьми, такое... Шары наблюдались визуально, когда был сделан снимок?

— Нет.

— А тот мужчина, что на фотографии... Может быть, он почувствовал нечто необычное в момент съемки? Или, скажем, у него заметно изменилось настроение спустя какое-то малое время? Ухудшилось самочувствие, допустим?

— Ну, не знаю. Ничего этого, наверное, не было. Мы сделали вот эту полароидную фотографию, которая, как и положено ей, тут же проявилась сама собой. И мы очень удивились, увидев на ней гирлянду желтых шариков. А потом пошли с тем парнем, что на снимке, и с нашими общими друзьями погулять по парку. Сделали еще несколько фотографий, на которых, кстати, не было никаких странностей вроде тех шариков. Хорошо и весело провели в парке время. Отчетливо помню, парень вел себя вполне нормально и ни на что не жаловался.

— В том числе,— уточнил я,— и в последующие дни?

— Не знаю. Я больше никогда не виделась с ним.

— Почему?

— А вот это, извините, не ваше дело!

...На следующий день утром я стоял перед входом в Центральный парк культуры и отдыха. В моей руке трепыхалась на ветру фотография с парадом загадочных желтых шариков на ней. Найти место, на котором она была сделана, оказалось пустяковым делом.

Само собой, ничего необычного там на асфальте я не обнаружил — ни трещинки, ни дырки в нем. Само собой, ничего неординарного не ощутил, когда ступил на то место и надолго замер в бесхитростной позе — руки по швам, как парень на фотоснимке... Я заранее был уверен в том, что ничего не обнаружу и ничего там не учую, однако исследовательская добросовестность требовала провериться на месте.

Был достаточно ранний час. По тротуарам проспекта двигались деловым шагом редкие прохожие, спешившие на работу. Все они шли в одном направлении — к ближайшей станции метро. Мимо неслись легковые автомобили, в которых сидели люди, тоже спешившие на службу... На обширной пустынной площади перед входом в парк культуры прогуливался, маясь от скуки, постовой милиционер.

Моя одинокая, надолго замершая на площади фигура привлекла его внимание. Постовой оживился: для него я был неплохим поводом развеять скуку. Пару раз он неторопливо прошелся мимо меня, глядя, впрочем, в сторону, как бы не замечая.

Я стоял на заветном месте столбом, игнорируя его маневры, прислушиваясь к собственным ощущениям.

Милиционер опять прошествовал мимо, поскрипывая ботинками. Потом звучно откашлялся, крутнулся на каблуках и направился ко мне.

Не успел он и рта раскрыть, как я протянул ему фотографию, представился и сообщил, что занимаюсь, как могу, исследованиями аномальных явлений. Взгляните сами, сказал я, какие поразительные штуки удалось заснять на том самом месте, где мы с вами сейчас стоим.

Выражение беспробудной скуки тотчас же испарилось с хмурого милицейского лица. Мы разговорились. Прошло не более пяти минут, и вот уже мы с милиционером чувствовали себя почти закадычными приятелями, бурно обсуждавшими интереснейшие вещи, безумно волнующие в равной степени нас обоих.

Вопросы сыпались из постового, как горох. Я отвечал. Я рассказал ему о полетах загадочных оранжевых шаров и не только шаров над Россией, наблюдавшихся многочисленными свидетелями. О появлениях сходных шаров в домах и квартирах. Об их мгновенных исчезновениях на ровном месте либо о столь же моментальных появлениях, наблюдавшихся снова-таки многими очевидцами... Наконец, мы перешли к обсуждению запечатленного на той фотографии, сделанной перед входом в парк культуры.

Нет, заявил постовой, он лично никогда не видел никаких аномальных явлений здесь, на площади перед парком. К сожалению, добавил он со вздохом.

Я уже собрался было — тоже со вздохом — распрощаться с ним, как вдруг милиционер наморщил лоб.

— Погодите,— молвил он, озираясь по сторонам, как бы вдруг припоминая что-то. — Снимок был сделан вот на этом месте... Да, вот здесь.

Гирлянда таинственных светящихся шариков, зависшая рядом со входом в Московский центральный парк культуры и отдыха. На заднем плане — барельеф с профилем В. И. Ленина

Его взгляд сосредоточился на фотографии, а потом переметнулся на асфальт под нашими ногами.

— Верно. Здесь,— согласился я, настораживаясь. Мой собеседник тихо присвистнул.

— В чем дело?—спросил я резко.—Вы вспомнили что-то?

— Так ведь на этом самом месте изредка спотыкаются люди!

— Простите. Не понял.

— Ну, я видел это собственными глазами... Стою на посту, глазею по сторонам. Ко входу в парк идут люди, навстречу им — другие. Помню, женщина с ребенком идет... Ребенок вдруг — бац! — и падает. Строго в данной точке.

Указательным пальцем постовой ткнул вниз.

— Строго в данной? Вы не ошибаетесь?

— Строго. У меня — наметанный глаз, а память отличная. Пятилетний карапуз шлепнулся именно здесь. Или еще случай. Припоминаю, какой-то высокий худой гражданин в очках тоже споткнулся тут, хотя спотыкаться здесь не обо что. Сами видите — ровный асфальт. Ноги у гражданина разлетелись в стороны. На пятую точку сел и, помню, как выматерится!.. Другой гражданин в другой день зацепился здесь же ногой неизвестно за что, закричал, падая. Я оборачиваюсь, а он — уже на четвереньках. Рядом валяется сетка-авоська, в сетке — три бутылки с пивом, все разбитые. Пиво по асфальту течет... Женщина еще тут однажды шлепнулась. Красивая, молоденькая. Юбка — во все стороны. А ножки у нее!.. Ой!..

— Погодите о ножках. Постарайтесь припомнить, часто ли происходило такое?

Постовой задумался.

— Трудно сказать,— произнес после долгой паузы он,— Я-то ведь не фиксировал специально происшествия такого рода. Ни к чему оно мне было. Тем более, что никто из упавших не ломал руки, ноги. Человек вставал и шел себе дальше... Впрочем, думаю, это происходило достаточно редко. Я тут, в парке и перед ним, дежурю уже третий год подряд. Так вот, на моей памяти такое случалось раз шесть или семь. В крайнем случае, восемь. Не больше. Немного раз, скажете? Но вот что характерно: решительно не помню я, чтобы на площади перед входом в парк люди где-нибудь и когда-нибудь вообще спотыкались — за исключением этого вот самого загадочного места!

...К рассказу милиционера остается добавить лишь одно. Остается констатировать занятный фактик, не имеющий возможно, никакого отношения к его рассказу. На фотографии с гирляндой шаров ясно видно, что «место, на которол спотыкаются», находится напротив барельефа с профилел «вождя мирового пролетариата» В. И. Ленина.

Я вовсе не берусь утверждать, что незримое существо -дух «вождя» — время от времени дает подножку людям, про ходящим мимо барельефа. Я просто отмечаю факт наличи портрета В. И. Ленина в аномальной, судя по всему, зоне.

Белые призраки

Таинственные «фигуры в белом» — герои многих контактных сообщений, полученных мною по почте либо в ходе устных опросов очевидцев их проделок.

Рассказывает москвичка Ирина Никифорова: — Впервые белый призрак появился в моей квартире в феврале 1979 года. И с той поры принялся навещать меня регулярно — с периодичностью примерно в шесть месяцев.

— Пожалуйста, обрисуйте его последний визит. Кстати, когда он был?

— Ровно неделю тому назад! Я проснулась около трех часов ночи от того, что меня начало знобить. Между тем в комнате было очень тепло. Встала с постели, шагнула к батарее парового отопления, потрогала батарею рукой. Она оказалась очень горячей. А меня всю так и трясло от холода!.. Пошла я на кухню, вскипятила и попила горячего чая. Потом повязала грудь большим пуховым платком и опять улеглась в постель. Вдруг чувствую — кто-то принялся целовать меня в щеки и в лоб. Затем раздвинул платок на груди и крепко поцеловал в грудь. Я крепко зажмурилась от страха, и поцелуи тут же прекратились. Прошла минута или даже две минуты. Приоткрываю осторожно глаза и вижу — стоит возле постели женщина в белом свободном одеянии. Запомнились длинные волосы до плеч, полностью скрывавшие ее лицо, склоненное надо мною. Я хочу отшатнуться от нее, спрыгнуть с постели, а не могу. Все тело — как парализованное... Внезапно женщина исчезла... После ее очередного визита я всякий раз просыпаюсь утром с сильной головной болью, весь день чувствую себя разбитой, больной.

А вот сообщение инженера Владислава Обедзинского из Ростова-на-Дону:

— В 1954 году мне было восемь лет, а моему младшему брату — пять. Наша семья жила тогда в Краснодаре. Мои бабушка и дедушка по материнской линии жили в селе недалеко от города. В том году родители отправили нас с братом на все лето к ним в село, где мы и проводили счастливо время на вольном воздухе в детских играх. Как-то раз поздним вечером я долго крутился в постели, никак не мог заснуть, сам не знаю — почему. Я лежал на одной кровати с моим дедом, в тот момент уже крепко спавшим, а младший брат — в другой комнате на одной постели с бабушкой. И брат, и бабушка тоже уснули...

— Вдруг,— продолжает свой рассказ Владислав Обедзин-ский,— я заметил, что нечто странное стало твориться с иконой, висевшей в углу комнаты. Она начала слабо светиться. Свечение становилось все более и более ярким. Затем внутри свечения на фоне иконы принялся медленно проявляться человеческий силуэт. От удивления я привстал на постели и протер кулаками глаза — неужели все это мерещится мне?! Вижу, стоит в комнате женщина в белой одежде, ниспадающей с плеч складками до пола. Она постояла там, перед иконой, не более двух-трех секунд. А потом медленно пошла, вернее — словно бы поплыла через комнату между печью и кроватью, на которой лежали мы с дедом. Я видел ее совершенно отчетливо. Дабы убедиться в реальности происходящего, я решил дотронуться до нее рукой, когда она проплывала мимо кровати. Однако чувствую, не могу пошевелить даже пальцем. Руки, ноги скованы как столбняком! Я очень сильно перепугался. А женщина в белых развевающихся одеяниях повернулась и поплыла в обратном направлении — к иконе. Там ее силуэт стал меркнуть, растворяясь в свечении, по-прежнему горевшем перед иконой, и вскоре свечение медленно погасло. Я же почувствовал, что мои руки и ноги вновь обрели былую подвижность. Своим криком я переполошил весь дом. Дедушка, выслушав мой сбивчивый рассказ, обозвал меня врале м. Ну, а бабушка долго крестилась на ту икону и, низко кланяясь ей, молилась почти до рассвета...

По утверждению Валентины Елисеевой, тоже ростовчанки, некий белый призрак навещал и ее дом тоже.

—А произошло это в августе 1989 года,— вспоминает она.— Лето было очень жарким, в доме стояла удушающая жара, и я в тот вечер, ложась спать, оставила

открытой дверь, ведущую на балкон. Среди ночи просыпаюсь от жуткого ощущения, что рядом со мной находится кто-то чужой. Открываю глаза и буквально цепенею от ужаса. В изножье кровати высится человеческая фигура, как минимум, двухметрового роста. Одежда на ней — белого цвета, похожа на хламиду. А глаза горят, как две включенные фары! Кто это был — мужчина или женщина, не знаю. Не разглядела со страха. Видела лишь громадные светящиеся глаза, похожие на два раскаленных угля. Я хотела закричать, но не смогла. Представьте себе, онемела. Попыталась соскочить с постели — тоже не получилось. Тело оказалось скованным, словно его плотно спеленали бинтами... И вдруг белое привидение с пылающими глазищами растаяло в воздухе. А паралич перестал сковывать тело. Я попыталась зажечь настольную лампу, стоявшую на прикроватной тумбочке. К моему изумлению, лампа не зажглась. И тут я увидела, как штора, прикрывавшая дверь, отлетела в сторону, как бы отодвинутая незримой рукой, а потом, опадая складками, закачалась. Было такое впечатление, будто некто невидимый вышел на балкон. Я вскочила с постели и кинулась к балконной двери. Захлопнула ее, закрыла на защелку... До утра просидела я на кухне, трясясь от страха, опасаясь вернуться в комнату.

Спустя ровно полгода, в середине января 1990 года, Валентина Елисеева проснулась опять-таки глубокой ночью от истошного собачьего лая.

— Наша собака спит на подстилке в прихожей,— говорит Елисеева.— Всполошенная ее лаем, я быстро вышла в прихожую, включила там свет. Подумала, воры лезут в квартиру, и собака учуяла их... Гляжу, псина носится туда-сюда по прихожей, а ее морда задрана вверх. Она шумно нюхает воздух и лает, и шарит глазами по потолку... Из комнаты, где спят мои сыновья, выходит почти в ту же минуту старший из них. Увидев нас, собачка стала успокаиваться и вскоре перестала бегать и лаять. А сын отводит меня на кухню и сдавленным голосом, полным ужаса, рассказывает такое, что я схватилась за сердце, выслушав его рассказ.

Вот этот рассказ:

— Просыпаюсь как от толчка. Слышу шаги — кто-то невидимый подходит к моей кровати. Хватает за ноги и начинает неторопливо, крохотными рывками стаскивать с постели на пол. Я хочу крикнуть, позвать на помощь, а не могу. Весь я словно бы окаменел, кровь застыла в жилах. Тут стала лаять собака. Слышу, ты, мама, выходишь в прихожую. Едва раздались твои шаги, как невидимка перестал стягивать меня с кровати. Возник свистящий звук, и «это» со свистом буквально всосалось в открытую форточку, вылетело сквозь нее из комнаты вон. Когда «оно» смылось, я лежал наполовину на полу, а наполовину на постели. Было очень страшно.

Колдун

Сообщает А. Слепнев из города Кирова:

— Кошмарная история, о которой я хочу поведать вам, приключилась в середине семидесятых годов в деревне Са-дыганово Кировской области. Там живут мои родственники. Вот с их-то слов я и знаю о всех деталях невероятного происшествия. Подчеркну, что мои родственники — самые обычные и при этом очень скромные люди, крестьяне, землепашцы. Их никак нельзя отнести к той породе людишек, которые любят приврать ради того, чтобы хотя бы ненадолго привлечь к себе внимание — чтобы все вокруг заохали да заахали, дивясь их удивительным

новостям, рассказам... Если мои родственники говорят — мол, это было на самом деле, значит, это было на самом деле. И точка.

А было вот что.

Родственники А. Слепнева жили, по сей день живут на окраине деревни. В соседней избе жила, но сейчас уже там не живет одна дружная семья. Самым старшим по возрасту в той семье был восьмидесятилетний старик — невысокий, сухощавый, с короткой седой бородой. Все в деревне знали, что он — колдун. Если в Садыганово кто-нибудь заболевал, то за помощью обращались сперва к нему, колдуну, и лишь затем к врачу. Да, собственно, дело доходило до врача лишь в редких случаях. Старик шептал какие-то заговоры, поил больного травяными настоями, и человек, как правило, вскоре выздоравливал. Колдун умел делать и многое другое. К примеру, вызывать дождь. Или, другой пример, он всегда точно указывал место в лесу, где находится корова, отбившаяся от стада, заблудившаяся. Следуя его подсказкам, люди шли в лес и обнаруживали скотину на указанном месте... Ну, и так далее.

Другими словами говоря, это был, судя по всему, настоящий колдун. Человек, наделенный от природы уникальными способностями — грозными в своей таинственности, абсолютно, само собой, непостижимыми. И вот колдун помер.

Ну, схоронили старика, поплакали, как водится, на поминках и стали дальше жить.

А спустя несколько дней после его похорон покойник ровно в полночь вернулся в свой дом. Люди в доме были разбужены громким стуком во входную дверь. Никто из них не успел еще даже встать с постели, дабы подойти к двери и отворить ее, как дверь вдруг распахнулась сама. На ней сам собой щелкнул английский замок, запертый изнутри. Одновременно — тоже сам собой — отъехал в сторону с характерным скрипом засов, расположенный на внутренней стороне двери, которая тут же и открылась. Да так резко, будто ее наподдали ногой.

И в дом вступил мертвец.

Это был не некий туманный расплывчатый призрак, сквозь который можно было бы видеть то, что обреталось у него за спиной. В избу вошел по всем статьям вполне реальный человек. Во вполне реальной одежде — в той самой, в какой и был уложен в гроб. Единственным в его облике, что решительно отличало вошедшего от живых людей, оказалось лицо. Было оно желто-восковым по цвету, то есть таким, каким и должно быть у покойника. А на лице сияли, как две лампочки, широко распахнутые глаза. Они были словно бы подсвечены изнутри.

Увидев мертвеца, обретавшиеся в доме женщины и дети дико завизжали.

Не обращая на истошные крики никакого внимания, выходец с того света сделал несколько шагов вперед и замер на месте. Остановившимся взором он пялился в одну точку перед собой. Постоял с полминуты, покряхтел. Потом неторопливо развернулся и потопал назад, к двери, продолжая старчески покряхтывать.

Дверь за его спиной — опять-таки сама собой — захлопнулась. Английский замок на ней щелкнул, закрываясь. А засов, будто двигаемый невидимой рукой, стронулся с места и аккуратно въехал в металлическую петлю на дверном косяке.

Все это свидетели происшествия разглядывали с бесповоротной отчетливостью. За стенами избы висела в безоблачном небе почти полная луна, и ее яркий свет падал в окна дома.

У двух малолетних детей, наблюдавших вместе со взрослыми натуральнейшую эту чертовщину, началась истерика...

Миновали ровно сутки.

Опять наступила полночь. И снова распахнулась сама собой входная дверь — мертвый колдун во второй раз переступил порог своего бывшего дома. По-прежнему его глаза пылали как фонари, а взгляд был отрешенным, бессмысленным, упертым куда-то в пространство. Зрачки в глазах не двигались.

На сей раз, однако, покойник зашел в дом вовсе не на полминуты, как это случилось в минувшую ночь. Беспрерывно покряхтывая, он принялся бродить туда-сюда по избе. Казалось, он не видел людей, находившихся в ней, и не слышал плач и причитания детей, совершенно ошалевших от ужаса. Интересно отметить, что в то же время он то ли видел, то ли каким-то образом ощущал предметы быта в помещении. Бесцельно слоняясь среди ночи по дому, он всякий раз аккуратно огибал табуретку, когда приближался к ней. Затем огибал другую табуретку. Обходил стол, не прикасаясь к нему. Ни разу не задел локтем платяной шкаф, высившийся у стены. Ни разу не споткнулся о ящики со всяким барахлом, стоявшие в хаотическом беспорядке возле другой стены.

Словом, покойник отлично ориентировался в пространстве, но людей при этом, повторяю, не замечал. Они для него как бы не существовали вовсе.

Однако не это было самым удивительным. Наиболее поразительным нюансом второго визита мертвеца в его бывшее земное пристанище оказался некий умонепостижимый сдвиг в психике всех свидетелей визита.

Свидетелей — пятеро. Двое женщин, мужчина и двое детей.

Как бы вы, читатель, поступили на их месте? Думаю, не ошибусь с прогнозом, если скажу, что вы бы, не медля ни секунды, кинулись во весь дух из дома вон — подальше от кошмарного места, по которому шастает туда-сюда пришелец из-за гробовой доски.

Все пятеро свидетелей его возвращения в мир живых людей повели себя иначе. Все они... дружно забыли о том, ЧТОБ избе есть дверь, сквозь которую можно спешно ретироваться из дому. На протяжении второй страшной ночи никому из них не пришла в голову мысль обратиться в бегство. Мысль, согласитесь, очевидная, напрашивающаяся, заведомо вытекающая из возникших обстоятельств.

Вместо того чтобы сломя голову рвануть без оглядки от ожившего покойника прочь, хозяева дома залезли на русскую печь всей семьей — и взрослые, и дети... Возникает впечатление, что некая неведомая таинственная сила заблокировала в их сознании мысль о побеге из дома, вывела идею побега за скобки их поведенческих реакций на происходящее. Отсюда очевиден вывод: зачем-то мертвецу либо тем силам, которые управляли им, было нужно, чтобы люди оставались в течение всей ночи в доме.

Читатель-горожанин, представляете ли вы себе размеры полатей деревенской русской печи? Если — нет, то довожу до вашего сведения, что длина этой лежанки на любой русской печи никогда не превышает двух метров, а ширина — полутора метров. Вот на такой крохотной площадке пять человек и просидели ночь напролет в страшной тесноте, млея от ужаса, обливаясь холодным потом.

А мертвый все бродил да бродил по избе — бессмысленно, бессистемно.

Начался рассвет. Раздалось кукареканье, как принято говорить в деревнях, первых петухов — то есть петухи, просыпаясь, прочищая спросонья глотки, подали голос, оповестили всех и вся окрест о том, что уже светает, что близится новый день. Едва послышалось самое-самое первое кукареканье одного из первых петухов, как колдун-покойник, шатавшийся без устали час за часом по избе, замер на месте как

вкопанный. А потом решительным быстрым шагом направился к двери, ведущей из избы вон. Дверь сама собой открылась, мертвец шагнул через порог, и дверь за его спиной захлопнулась...

— Нужно искать помощи у попа! — возопил хозяин дома, сын колдуна, член КПСС, между прочим.

Спустя несколько часов рука об руку со своей взволнованной супругой он прибыл на рейсовом автобусе в районный центр, где имелась действующая церковь. — Батюшка, помогите.

— А в чем, собственно, дело? — осведомился деловито священнослужитель.

— Мертвяк шляется по ночам по избе,— сообщил наш член КПСС, досадливо хмуря брови, и обернулся к жене: — Расскажи все сама.

Женщина, ломая руки, разразилась потоком слов. Дослушав ее исповедь до конца, батюшка переменился в лице и трижды истово перекрестился.

— С нами крестная сила! — жарким шепотом возвестил он.— Вот вам, люди добрые, флакон со святой водой. Окропите ею все углы и все окна в доме, а самое главное — дверь. И — прощайте. Идите, идите! У меня сегодня много дел.

Никакие уговоры не помогли. Батюшка категорически отказался навестить жуткий дом, по которому бродит по ночам мертвец, и прочитать там какие-нибудь «очистительные молитвы».

Надо так понимать, перепугался.

Муж с женой вернулись в расстроенных чувствах домой. А там, повздыхав, сделали все так, как и было им велено.

Наступила очередная — третья — ночь. Ровно в полночь щелкнул замок на двери. Отъехал на ней в сторону засов. Мертвый колдун опять вступил в дом.

Дети, естественно, тут же взвыли от страха, а женщины запричитали. И все домочадцы, теснясь и толкаясь, полезли гурьбой на русскую печь. В этот раз тоже они напрочь «забыли» о возможности альтернативного решения, куда более, с психологической точки зрения, эффективного,— о возможности бегства из избы.

Не буду здесь повторяться. Коротко скажу, что покойник вел себя точно так же, как и в прошлый раз. И точно так же, едва загорланили первые петухи, он поспешно покинул дом.

На четвертую ночь он в дом не вошел. Опять-таки строго в полночь мертвец возник во дворе перед одним из окон избы — возник внезапно, будто восстал там из-под земли. Первыми его заметили дети, внезапно и дружно именно в полночь проснувшиеся. Ну, и отреагировали соответствующим образом. Труп приник желто-восковым лицом к оконному стеклу, постоял какое-то время как бы в раздумье, а потом отшатнулся от окна и направился к сараю, видневшемуся на дворе в некотором отдалении от дома.

Люди, в страхе припавшие к окнам, увидели — мертвый колдун вывел из сарая лошадь, которую, кстати сказать, при жизни очень любил, холил ее и лелеял. И стал водит лошадь по двору туда-сюда, похлопывая ладонью по холке, оглаживая ей бока. Лошадь в ответ, что называется, и ухом не вела! Ходила по двору тихо и спокойно, как ни в чем не бывало.

Занялся рассвет. Прокукарекал петух. Мертвец, вздрогнув, отпрянул от лошади и кинулся со двора прочь. Удаляясь, он шел по деревенской улице очень торопливым шагом, почти бежал. А лошадь так и осталась стоять между сараем и избой...

На пятую ночь мертвец опять вошел в дом. И повторилась знакомая уже нам петрушка: люди — на печи, покойник господствует в доме.

На шестую ночь — то же самое.

На седьмую...

На восьмую...

На девятую...

Хозяева дома не стали делать секрета из жути, творящейся по ночам в их избе. История получила огласку в деревне. На какое-то время она стала главным предметом пересудов в ней.

Административные и, главное, партийные руководители колхоза взяли хозяина дома в крутой оборот. Мол-де, немедленно прекрати заниматься религиозной пропагандой. Если не прекратишь, вышибем из КПСС, а чем это для тебя, дурака, обернется, сам знаешь.

У всей этой цепочки событий — в высшей степени занят- ный финал, предыстория которого покрыта мраком. Нам не- известно, каким образом хозяину дома удалось убедить рассвирепевших начальников в правдивости своих слов. Здесь можно, например, допустить, что кто-то из тех начальников сам отправился на ночевку в «дом с привидением». И там, к собственному ужасу, воочию убедился на месте в достоверности показаний своего подчиненного... Так или иначе, но задушевные беседы с хозяином того дома на тему «Вышибем из КПСС» внезапно прекратились. Столь же внезапно родственникам покойного колдуна был предоставлен новый дом, куда они спешно и переехали.

А двери в старый заколотили досками.

Так тот «дом с привидением» и стоит по сей день с заколоченной дверью, опустевший, нежилой. Его двор густо зарос бурьяном.

«Подзорная труба»

Нина Кругликова, возраст — 30 лет, живет в городе Новотроицке Оренбургской области.

— Это случилось летом 1990 года,— рассказывает она. —В воскресенье. Мы с мужем весь день напролет провозились на нашем загородном садово-огородном участке, пропалывали грядки. Вернулись домой поздно, около одиннадцати часов вечера. Погода была безветренная, шел мелкий теплый дождь, на городских улицах стояла страшная духота.

В квартире, прокаленной за день солнцем, тоже нечем было дышать. Едва Нина и ее супруг вошли в нее, как женщина тут же распахнула балконную дверь в большой комнате, а ее муж — окна во всех других комнатах. Кругликова продолжает свой рассказ: — Я присела на мгновение на тахту, отирая ладонью пот со лба,— душно... Надо идти в ванную, надо помыться... И тут вдруг в комнате появился сильный запах серы! Я опешила.

Откуда он мог взяться? Может быть, запах мерещится мне? Несколько раз я шумно втянула в себя воздух носом. И, втягивая, всякий раз морщилась — серная вонь шибала в ноздри с такой силой, что у меня на глазах даже выступили слезы. В полной растерянности я огляделась по сторонам. Откуда идет пренеприятнейший запашок? Где его источник? Ничего необычного в комнате не обнаружилось. Все вещи стояли на своих привычных местах, никаких посторонних, невесть откуда взявшихся предметов в помещении не было. Я решила, что серный смрад вдуло в дом сквозняком откуда-то с улицы. Желая удостовериться в этом, вскочила с тахты и вышла на балкон.

Серную вонь, щекотавшую мой нос, как ножом обрезало! На балконе пахло чем угодно, но только не серой.

В недоумении вернулась я в комнату и почти тотчас же закашлялась. Незримые клубы паров серы, облака ее отвратительного тяжелого смрада с ходу объяли меня... Муж находился в тот момент на кухне. Услышав надсадный кашель, рвавший мои бронхи, он бросился с кухни ко мне — быстрым шагом вошел в комнату и спросил встревоженно:

— В чем дело? Что с тобой?

И замер на месте, шевеля ноздрями и принюхиваясь.

— Чем это здесь так воняет? — озадаченно произнес он после короткой паузы.

В ту же секунду пришла мне на ум одна мысль, от которой волосы зашевелились на голове. Эта мысль настолько ошеломила, встряхнула меня, что я даже перестала кашлять.

Вспомнилось, где-то в какой-то книге я читала — согласно народным поверьям появление черта, дьявола всегда сопровождается крепким запахом серы.

— Это дьявол явился к нам! Дьявол! — в ужасе прокричала я.— Это его зловоние, его специфический дух!

—Да. Смердит серой,— проговорил с запинкой муж, продолжая шевелить ноздрями.

В его голосе прозвучала растерянность. Какое-то недолгое время мы с супругом стояли молча посередине комнаты, оторопело таращась друг на друга.

— По-моему, вонь ослабевает,— молвил, поводя носом, мой муж.

Действительно, дышать стало легче. Я была очень напугана происходящим, однако это не помешало мне осознать, что серный смрад медленно, но верно улетучивался куда-то из дома. Спустя пару минут он полностью исчез-Миновал почти год. Однажды поздним вечером я легла на постель, не успела задремать, как вдруг знакомый характерный запашок серы обвеял мои ноздри. На сей раз он был слабым, едва улавливаемым.

Я хотела закричать, позвать мужа, да не смогла. Голосовые связки оказались парализованными. Попытка вскочить с постели тоже окончилась ничем. Все мое тело было обездвижено некой неведомой силой.

В следующий момент я ощутила, как чьи-то очень тонкие, незримые пальцы полезли в мой левый глаз под веки, обхватили глазное яблоко и стали теребить, трепать, крутить его. Чувствую, начинаю терять сознание от ужаса и дикой боли в глазу. А невидимые пальцы — подчеркиваю, я это .ощутила очень ясно! — воткнули вдруг в мой глаз какую-то трубочку и стали ввинчивать ее прямо в глазное яблоко!!! Затем случилось нечто совсем уж непостижимое.

Трубочка, зверским образом вогнанная в мое левое око, оказалась чем-то вроде подзорной трубы или, если угодно, перископа. Я просто обалдела, когда сквозь дикую боль, раздиравшую глаз, осознала, что у меня появилось что-то вроде второго зрения.

Правым глазом я видела комнату, залитую падавшим из окна лунным светом. Никого постороннего в ней не было, и значит, надо мной измывался какой-то невидимый садист. А БОТ зато левым глазом — сквозь вонзенную в него подзорную трубу! — я отчетливо узрела странную картинку.

Картинка была объемной, цветной.

Я увидела поле черной распаханной земли, тянувшееся до горизонта. Ни единой травинки не было на поле. Небо над ним было синим-синим, безоблачным. По полю медленно перемещались некие фигуры. Я пригляделась и тихо ахнула. Редкой

цепочкой двигались там пахари в длинных белых рубахах-балахонах. Каждый из них сжимал в руках рукояти плуга, в который была впряжена лошадь.

А где же тракторы, удивилась, помнится, я. Почему у них нет тракторов?

Эта мысль мелькнула в моем сознании и тут же испарилась из него, ибо я приметила нечто, с моей точки зрения, еще более удивительное. Слева, на окраине поля, стояла маленькая хижина — деревянный домишко с плоской крышей и узкой дверью, прорезанной в стене без окон. Перед хижиной сидела на камне ...моя мать, скончавшаяся два года тому назад! Мне показалось, она в упор смотрит на меня.

А потом картину заволокло черной непроницаемой пеленой. Я потеряла сознание.

Не знаю, что и думать обо всем этом. Допустим, с помощью таинственной трубки, вставленной в мой глаз, некие высшие силы показали мне загробный мир и мою маму-покойницу в нем. Но если это так, то что же получается? В потусторонней реальности наличествуют, выходит, поля, которые зачем-то нужно вспахивать? Причем, вспахивать древним как мир крестьянским плугом, который тащит за собой лошадь. А где современная сельскохозяйственная техника? И вообще, зачем им, жильцам той призрачной, так сказать — духовной реальности вспаханные хлебные поля? Они, то есть духи,— что? Тоже, как и мы, пекут хлеб, потом едят его?

Удивляюсь и развожу руками.

Картинка, которую я увидела сквозь подзорную трубу левым глазом, была, подчеркну, необычайно отчетливой, а боль в глазу — просто невероятной, чудовищной. Заведомо это был не сон.

Карлик с когтями

Сообщает пенсионерка Вера Петровна Волкова из города Орехово-Зуево Московской области.

— Третий год подряд живу в страхе. В моей однокомнатной квартирке обосновался демон. И днем и ночью он бродит по ней невидимкой, переворачивает вещи, стучит в стены, стонет и даже иной раз жутко ухает... А однажды я увидела его! В воздухе передо мною сконденсировалось чудовище. Появился клок тумана, потом — туманный силуэт, а потом — уже не силуэт, а живая и, так сказать, не из дыма уже состоящая, а вполне реальная тварь. Это был карлик, на руках у которого вместо пальцев торчали большие кривые когти. Карлик был голый, весь поросший коричневой шерстью. Его глаза пылали как раскаленные угли. Он посмотрел на меня, пару раз ухнул и растаял в воздухе...

Я — одинокая старая женщина. Живу одна. Напуганная явлением карлика до дрожи в коленках, я бросилась к соседям:

— Помогите, люди добрые, если сможете. Нечистая сила замучила!

Соседи — два здоровенных молодых мужика — вошли в мою квартиру, опасливо озираясь по сторонам. Вижу, боятся. А между тем каждый — косая сажень в плечах, кулаки как кувалды.

— Боитесь? — спрашиваю.

Они молчат, только глазами зыркают по мебели, по стенам. Я говорю:

— Да вы присаживайтесь к столу. Сейчас приготовлю чай. Попьем чаю, и я вам расскажу, какие страсти-мордасти творятся тут, в этой вот комнатушке.

Только я это, значит, сказала, как дверца гардероба, высящегося возле окна, сама собой резко и шумно распахнулась. И по комнате пронесся вихрь — как струя воздуха от лопастей работающего вентилятора. Вихрь влетел в платяной шкаф, и

мои платья, развешанные в нем на плечиках, заколыхались, зашелестели, потревоженные бесовским ветерком.

На мгновение все стихло.

Потом тугая струя воздуха выпорхнула из шкафа назад в комнату с шумом, похожим на шипящий свист. Она вздула колоколом гардину, прикрывавшую окно, и ударила по оконному стеклу. Стекло со звоном лопнуло. Его нижний правый угол выскочил из рамы и упал на пол, где и рассыпался на мелкие осколки.

Лица у моих соседей стали белее мела.

Один из них — его Андреем кличут — развел руками и говорит:

— Ну, страх и ужас!

А я заплакала, пялясь на разбитое оконное стекло. Придется треугольную дырку в его углу заклеивать бумагой. На новое стекло у меня нет денежек.

Тут Андрей делает шаг вперед, подходит ко мне и обнимает громадной своей ручищей меня за плечи.

— Не плачь, бабка,— говорит.— Мужайся.

— Да как же не плакать, если «он» стекло раскочегарил.

— Мужайся,— повторяет басом Андрей.— И помни, мы с тобой — товарищи по несчастью.

Услышав это, я так удивилась, что и в самом деле перестала плакать. Дошло тут же до меня, почему соседи вошли в мою квартиру боязливо, с опаской.

— Что? — спрашиваю.— У вас «он» тоже безобразничает?

— Тоже,— кивает головой Андрей.— Но у нас потише, а у тебя... У-у, сильно! У нас вот что бывает. Дважды в неделю по утрам невидимые и очень холодные руки хватают мою жену... гм... за разные места. За самые разные. И на теле остаются большие синяки, которые непонятным образом полностью исчезают к вечеру с тела.

Я ахнула и давай креститься. Андрей тоже перекрестился. Потом я рассказала соседям о том, как выглядит карлик. Про его руки с когтями рассказала. Про коричневую шерсть. Про красные светящиеся глаза. Соседи повздыхали, посочувствовали мне и отправились восвояси.

На другой день полезла я в гардероб, чтобы взять оттуда перчатки с полки. Протянула руку к перчаткам и вдруг чувствую, кто-то обхватил мою ладонь и несильно сжал. А пальцы-то у обхватившего — ледяные! Слышу, шипит «он» из шкафа. Я как руку выдерну да как отскочу от гардероба! А «он» все шипит... В страхе захлопнула я дверцу шкафа, и шипение стихло. Но тут же стал перекатываться в шкафу, стукаясь о стенки, какой-то твердый предмет. А там, в гардеробе, ничего твердого и в помине нет. Платья висят на плечиках. На полочках разложены кофты, нательное белье, носки, полотенца. Полтора часа подряд стучало.

Вот так и живу. Почти каждый день — какие-то новые напасти.

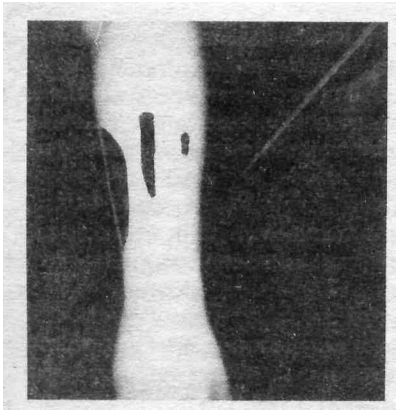
Нечисть оставляет следы

Рассказ пенсионерки Волковой — согласитесь, жутковатый, мягко говоря — напомнил мне происшествие, косвенным участником которого стал я сам.

Николай Антонников, москвич, один из моих друзей, зарабатывает на жизнь тем, что с пистолетом Макарова в руке охраняет те или иные объекты — например, склады. Заведомо нельзя назвать его боязливым человеком. Так вот, однажды в апреле 1995 года он позвонил мне и не свойственным ему срывающимся голосом, запинаясь, принялся рассказывать всякие ужасы.

— Несколько дней назад в нашей квартире завелась нечисть,— заявил он.— Сильно давит на психику эффект чужого присутствия в доме. По ночам я сплю крепко, а вот зато моя супруга просыпается от малейшего шума. По ее словам,

некто невидимый шатается среди ночи по комнатам... А утром жена обнаруживает на своем теле синяки. Вчера, например, три синих пятна появились на ее левой руке. К вечеру они исчезли. Сегодня поутру синие продолговатые отметины были обнаружены нами на ее левом плече. Я заснял таинственные отпечатки с помощью японской фотокамеры «Пола-роид». Во-первых, не хотите ли взглянуть на снимки? И, во-вторых, не можете ли вы помочь нам срочно избавиться от незримого наглеца, который нахально лапает по ночам мою супругу?



Апрель 1995 года. Три синюшных пятна, появившихся на женской руке среди ночи

Одна из упомянутых фотографий воспроизводится на страницах этой книги.

На следующий день ранним утром я вошел в квартиру семьи Антонниковых, вооруженный до зубов разнообразной регистрирующей аппаратурой. В сумке, чувствительно оттягивавшей мою руку, были не только компактные датчики, реагирующие на малейшие изменения электромагнитных полей. Рядом с датчиками покоились пухлые блокноты с выписками из старых и старинных русских книг по белой магии, или, пользуясь исконно русским термином, по «хорошему колдовству».

«Хорошим колдовством» исстари называется на Руси процедура по контакту с Неведомыми Мирами, направленная на пользу людям, а не во вред им.

Николай Антонников знал, что я ставлю из года в год контактные эксперименты, пытаюсь как-то взаимодействовать с теми Мирами — в том числе оперируя древними русскими заговорами, нашептываниями. Он также знал, что в моем багаже, накопленном за годы исследований, есть несколько надежных способов вышибания нечистой силы из сельских домов, из городских квартир. Все способы были отработаны на практике в ходе многочисленных экспериментов. На книжной полке в доме Николая стояли рядом с другими моими книгами и те две, в которых я описывал эти эксперименты,— «Вести с того света» и «Внеземляне идут!»

Приборное обследование квартиры семьи Антонниковых дало неутешительные результаты. В доме действительно стряслась беда.

Электромагнитная буря бушевала в комнатах. Незримые электромагнитные вихри куролесили в ней, как в прямоугольной банке строго определенного объема и с непроницаемыми для вихрей стенками. Я подчеркиваю, это происходило только в пределах квартиры. В пяти сантиметрах от наружной стороны окна в любой из комнат стояла благостная электромагнитная, так сказать, тишина. Тихо было и на лестничной площадке перед дверью квартиры.

Мне понадобилось ровно двадцать минут на то, чтобы унять всю эту невидимую свистопляску. Стрелка, бегающая по шкале одного из датчиков, объективно — на приборном уровне — показала: электромагнитный фон вернулся к норме. Обратите внимание, в ураганно короткие сроки.

Воспользуюсь старинным термином и скажу так: «буйство духов» прекратилось.

Невидимка, цапавший по ночам супругу Николая за руку и плечи, покинул помещение. И более не возвращался сюда—к великой радости хозяев дома. Эффект чужого присутствия исчез, а синюшные пятна на женском теле больше не появлялись.

Как удалось мне выставить вон незримого бесстыдника, тискавшего чужую жену?

Да, знаете ли, сам удивляюсь. Я просто читал вслух в определенной последовательности сначала определенные молитвы, а затем определенные заговоры. И постоянно отслеживал эффективность своих сугубо вербальных воздействий на приборном уровне.

Если бы один — настойчиво повторяю, строго определенный — «блок» молитв и заговоров оказался вдруг неэффективным, я бы воспользовался другим «блоком». Если бы и он не сработал, я бы пустил в ход третий «блок», четвертый... В квартире семьи Антонниковых, к счастью, сработал первый же «блок».

Не вдаваясь в детали, скажу, что на составление каждого из «блоков», на «притирку» его внутренних деталей ушло немало времени. Да, в сущности, одна человеческая жизнь ушла на это — моя персональная. И я не считаю, что жизнь была прожита впустую. Мою точку зрения на сей счет полностью разделяют, к примеру, Николай Антонников и его жена, а также многие другие люди, обращавшиеся ко мне за помощью.

Единственное, что озадачивает и временами даже тревожит меня,— это престранный факт жесткой взаимосвязи всех тех «блоков» именно и только с моей скромной персоной.

Я — щедрый человек. Я никогда не делал тайны из моих исследовательских наработок. Я давал переписывать составленные мною и мною же в экспериментах отработанные «блоки» самым разным людям. Они, естественно, пробовали применять их на практике, когда возникала такая необходимость. Результат — у них! — был всегда нулевым. Отчаявшись, люди опять выходили на связь со мною: мол, ничего не получается, не работают ваши «блоки» в таком-то доме.

Тяжко вздыхая, откладывая в сторону другие важные текущие дела, я приходил в тот дом, читал там вслух один «блок», затем в-случае нужды второй, третий, и... О результатах таких чтений см., как говорится, выше—«случай семьи Антонниковых».

Не значит ли все это, что чисто эмпирическим путем я вывел самого себя на контактные тексты, резонирующие исключительно с моим персональным, строго индивидуальным набором частот — электромагнитных, биоэнергетических? И не следует ли отсюда вывод, что у каждого, может быть, человека есть узкая, строго определенная полоса частот, на которой осуществляются прямые связи между данным конкретным человеком и миром так называемых тонких энергий?

Душители

По утверждению Ивана Игнатовича из города Киселевска Кемеровской области, одного его друга несколько раз навещал черт. Когда это происходило, другу было 15 лет; сейчас ему 34 года.

Визиты нечисти продолжались с регулярностью один-два раза в неделю. Они имели место только по ночам.

Юноша просыпался как от толчка. И его взгляд тут же втыкался в некий черный человекообразный силуэт, замерший возле изножья постели. В следующую секунду черная фигура совершала прыжок вперед. Она падала всем телом на юношу и начинала давить его. «Ощущение у моего друга было при этом таким, словно

навалили на него бетонную плиту»,— сообщает в своем письме И. Игнатович. Давка длилась в течение примерно одного часа. Потом черная фигура в мгновение ока исчезала, будто испарившись в воздухе. Вместе с ней пропадало и ощущение, охарактеризованное словами «словно навалили бетонную плиту».

Всякий раз, когда черная фигура измывалась над молодым человеком, последний слышал отчетливый злобный мужской шепот:

— Ненавижу тебя! Уничтожу!.. Зря надеешься, сволочь, остаться в живых. Если не сегодня, так завтра или послезавтра непременно уничтожу... У-у, ненавижу!

Сказать что-либо в ответ юноша не мог — его голосовые связки оказывались полностью парализованными в ходе каждого контакта с «чертом».

А вот сообщение Антонины Орловой из поселка Сеятель Сальского района Ростовской области:

— Меня два раза, как говорят в народе, «душил домовой». И оба раза ощущения были совершенно идентичными. Просыпаюсь, разбуженная чувством сильнейшего страха. Осознаю, что я — каменная статуя. Предпринимаю отчаянные попытки оторвать от кровати руку, ногу, повернуть голову, закричать. Все напрасно! Самое страшное, невероятное: ни один мускул в теле не шевелится, мускулов как будто нет вообще. Живут только мозг и глаза. Вижу какую-то темную массу, лежащую на мне. Чувствую, что у массы — огромный вес. Колоссальная тяжесть давит на мое тело... И вдруг — то есть разом, мгновенно, без какой-либо, так сказать, постепенности — темная масса, а с нею и чувство тяжести исчезают. Я поднимаю руку, шевелю ногами, поворачиваю голову. Страх, дикий сумасшедший страх уходит куда-то из сознания — причем почему-то тоже разом, мгновенно.

Сравним сообщения И. Игнатовича и А. Орловой с рассказом Михаила Онищенко из Ростова-на-Дону:

— Дело было летом 1983 года. В ту ночь я был дома один; жена пребывала в служебной командировке. Только я лег на постель, отвернулся лицом к стене, как слышу — кто-то у меня за спиной присел на железную кровать с сеткой, на которой я лежал. Сетка громко заскрипела под тяжестью севшего. Я хотел обернуться и поглядеть — кто это? Не тут-то было! Не смог пошевелить ни рукой ни ногой, а голова не желала поворачиваться. И тут же обрушилось на меня ощущение чудовищной тяжести, словно упал сверху, прямо с потолка мешок с цементом. Если бы вы только знали, как я перепугался! Продолжался этот кошмар минут пять или десять — точнее не скажу. Я пробовал кричать, но не получалось. Язык едва-едва ворочался во рту. Наконец, с величайшим трудом я разжал губы и не столько проговорил, сколько выдавил из себя с хрипом: «Пошел вон!». И все исчезло. Тяжесть улетучилась, а тело обрело былую подвижность.

— И более ничего странного в вашей жизни не происходило? — спросил я у Михаила.

— Да как вам сказать... Спустя три месяца после того жуткого происшествия приключилось еще одно чудо-юдо.

— Что же именно?

— Прихожу вечером с работы. Жена возится на кухне, готовит ужин. Я решил немножко отдохнуть перед ужином. Прилег на кровать и только закрыл глаза, как кто-то вылил на меня как минимум полведра воды. Я заорал, вскочил с постели, оглядываясь по сторонам. Никого, кроме меня, в комнате не было. А я — весь мокрый с ног до головы, и простыня, подушка на кровати — тоже мокрые.

Рассказывает Ядвига Безрученко, ростовчанка:

— Три раза меня душил домовой в образе мужчины среднего роста и средней упитанности. Он являлся среди ночи дважды летом 1978 года и однажды осенью 1986-го. Я просыпаюсь, чувствуя, что начинаю задыхаться. Пытаюсь открыть глаза и не могу. Нечто неслыханно тяжелое давит сверху на мое тело. Руки и ноги еле шевелятся. Собрав все свои силы, я резко изгибаюсь и в мощном рывке тараню, так сказать, грудью и животом то страшное и непонятное, непомерно тяжелое, что душит меня. И сбрасываю душителя на пол! Ощущение тяжести исчезает. В ту же секунду что-то звучно шлепается на пол возле кровати. Я резко поворачиваюсь, привстаю на постели и открываю глаза. С ужасом вижу следующую картину: от постели удаляется мужчина, он идет неторопливо, даже как-то, я бы сказал, замедленно. Подходит к стене и... растворяется в ней! Видела я его во всех трех случаях только со спины да к тому же в темной комнате глубокой ночью. Вот почему не могу сказать ничего определенного о его внешнем облике. Ну, может быть, кроме одной детальки. По-моему, он был голый. Или, в крайнем случае, одетый в какое-то трико в обтяжку.

С голым «чертом» имел контакт и Иван Ларчев из села Куликовка Кимовского района Тульской области. Вот его отчет об этой встрече:

— Однажды ночью 1990 года я проснулся от дикой боли в правом боку. Застонал, хотел схватиться рукой за заболевшее место, однако не смог пошевелиться. Все тело почему-то онемело. Лежал я в тот момент на спине. Чувствую, что-то очень тяжелое — вроде мешка с зерном — прижало меня к кровати. Открываю глаза и вижу, поперек моего тела разлегся какой-то черный человек. А стреляющая боль в моем боку пульсирует как раз в том месте, которое он придавил своей грудью. Человек лежит на животе, его наклоненная голова слегка свешивается с кровати. Я пригляделся и ахнул. Крест-накрест на мне лежал крупный, очень мускулистый и совершенно голый мужик. Самое же поразительное — он весь зарос черной-пречерной, густой шерстью! Даже его лицо, которое я видел в профиль, было покрыто черными во-лосьями... В следующую секунду что-то вспыхнуло. Какое-то мерцание появилось в некотором отдалении от кровати. Повел я взглядом и опять ахнул. В дальнем углу комнаты, вижу, горит свеча, висящая как бы в воздухе на высоте двух метров от пола. Я ясно разглядел именно пламя свечи, а не какой-либо иной источник света. Вдруг левее этого огонька вспыхнул огонек еще одной свечи, тоже словно бы парящей в воздухе. С моих уст невольно сорвалось: «Господи, что это?!» В тот же миг голый волосатый мужик, давивший меня, с треском исчез, а свечи разом погасли. Треск был такой, как при электрическом разряде...

Из письма Людмилы Остриковой, проживающей в Ростове-на-Дону: «Лежала я в 1984 году в больнице. В палате нас было восемь человек. Однажды вечером погасили мы свет, собрались спать. Едва потухла лампочка под потолком, как я увидела — сверху опускается ко мне белая простыня, очень туго натянутая за все свои четыре уголка. Она ложится на меня как плита и начинает давить. Да так сильно, что я не могу даже пошевелиться. Во весь голос я заорала: «Мама!» И простыня исчезла... Или это была не простыня, а в самом деле некая плита, принятая мною с перепугу за простыню? Прошло несколько дней... Примерно в три часа ночи просыпаюсь, охваченная страхом. Чувствую, меня опять стали давить и душить. Однако на сей раз пожаловала в гости не «простыня». Прыгнуло на грудь что-то мохнатое, лохматое размером с крупную собаку, но весом с медведя. И давай вдавливать меня Б постель! Я как дернусь всем телом — «лохматое» отлетело в сторону, упало со шлепком на пол. А потом снова прыгнуло на меня. И душит! Я опять сбросила его. Оно опять назад прыгнуло... Не знаю, сколько я так мучилась, но в конце концов закричала:

«Оставь меня в покое! Надоел, сил нету!» И «оно» ушло... В обоих случаях соседки по палате слышали мои крики и потом сильно удивлялись, разводили руками, когда я рассказывала им о том, что творилось со мной».

И в заключение — коротенький рассказец Ольги Косаревой из Ашхабада:

— Мой домовой — это лохматое, на ощупь мягкое существо. Как оно выглядит, не знаю, ибо приходит ко мне только по безлунным и беззвездным ночам, то есть в абсолютной темноте. На ощупь оно похоже на очень крупную кошку, но это не кошка. Это что-то другое. Ни разу не удалось мне нащупать его морду. Домовой будит меня, прыгая прямо мне на грудь. Я начинаю ощупывать его, но руки и ноги тотчас же немеют. Следом немеет все тело. Как-то раз я спросила его: «Ты — домовой?» — «Да. Я — домовой».— «Ты всегда находишься в моем доме?» — «Да. Всегда. Если хотите, можете переехать отсюда в любой другой дом, а я останусь здесь». Голосок у домового был очень писклявый... Несколько раз он приходил в другом облике. Тельце у него было голым и теплым, нежным, как у ребенка. Не знаю почему, но я совершенно уверена, что «теплый ребенок» и «пушистый кот» — это одно и то же существо.

Реакции биоиндикаторов

По сообщениям контактеров с загадочными кошмарными существами, очень полезно держать в деревенском доме, в городской квартире домашних животных. Собаки, кошки и кролики, приручeнные хомяки и ежи, как правило, бурно реагируют на визиты незваных гостей из таинственных далей. Внимание: черепахи, птички в клетках и аквариумные рыбки не реагируют. Последнее мне удалось установить в ходе переписок либо личных бесед с людьми, в дома которых вторгалось неведомое.

Человеку свойственно оценивать явления окружающего мира с точки зрения их полезности для себя. Памятуя об этом, скажу, что реакция домашних животных на выходцев неизвестно откуда обладает двоякой полезностью.

Во-первых, сплошь и рядом животные чуют или, может быть, даже видят существ, которых человеческий глаз заметить не в состоянии. Допустим, в ваш дом уже заявился незримый пока что для вас хам и хулиган, он бродит по комнатам неслышной поступью, но вы еще не замечаете и не слышите его. Увидите и услышите позже — именно тогда, когда ему, мерзавцу, захочется этого. Ну, когда он начнет измываться над вами или, по крайней мере, стращать, попугивать вас... Между тем домашнее животное уже чует (видит? слышит?) его. И реагирует на пришельца со страхом.

Паническая реакция той же, положим, собаки на пустое место в доме, то есть непонятно на что,— громкий предупредительный сигнал для вас! В этой ситуации очень даже может быть, что собачка рефлектирует на нечистую силу, уже, повторяю, вломившуюся в ваш дом, но еще не вступившую в тесный контакт с вами лично. Итак, сигнал дан. Вы заранее предупреждены собакой. Чувство психологической подготовленности ко встрече с загадочным визитером поможет вам пережить такую встречу, если она вообще состоится, с минимальными, я бы сказал, нервными потерями. В любом случае встреча не вызовет у вас сильнейшего психического стресса, нервного потрясения. Ибо вы заранее настроились уже на ее вероятность, смирились с неизбежным.

Во-вторых. Бывают случаи, когда домашние животные не подают никаких предупредительных сигналов. По всей видимости, им просто-таки не на что

реагировать: неведомое существо не совершает в доме предварительных разведывательных маневров. Оно обходится без рекогносцировки. В этом случае, едва ворвавшись в дом, существо с ходу, без малейшего промедления начинает взаимодействовать с интересующим его человеком или даже несколькими людьми. Само собой, в ту же самую секунду домашнее животное, если оно присутствует-при контакте, отвечает на происходящее бурной реакцией. Такое поведение собаки или кошки — тоже очень важный сигнал, звоночек для вас.

Оно показывает, что домашнее животное чует, видит, слышит пришельца. А это означает одно: творящийся в вашем доме кошмар — ни в коем случае не плод вашей психики, не галлюцинация. Следовательно, вы — психически здоровы.

Пусть хотя бы это утешает вас, когда появится перед вами «карлик с когтями» или некий невидимка начнет лапать за руки и плечи, оставляя на них синяки...

Если домашнее животное никак не реагирует на страсти-мордасти, бурлящие среди ночи вокруг вас, советую вам немедленно обратиться к психиатру! Вполне возможно, что у вас «поехала крыша». Ваш «контакт» с неведомым — вовсе не контакт, а заурядная галлюцинация, то есть расстройство психики.

Проиллюстрирую то, что я выше обозначил как «во-вторых», на примере замечательного биоиндикатора — кошки. Надежда Парпиева из белорусского городка Полоцка, по ее словам, дважды в своей жизни встречалась с таинственными существами. В первый раз это случилось, когда Надежда училась в пятом или шестом классе средней школы.

— Была летняя лунная ночь,— вспоминает она.— Я внезапно проснулась, сама не знаю почему. Резко открыла глаза. Возле моей кровати стоял старик, залитый лунным светом, падавшим на него из окна. Длинная седая борода... Очень длинные белые волосы на голове... Морщинистое лицо... Не помню, во что он был одет. Зато ясно помню другое. У него были незрячие глаза! Каждый глаз был целиком закрыт бельмом: вместо зрачка и радужной оболочки вокруг него — сплошная белая пленка. Старик протянул вперед руку и осторожно, нежно стал гладить меня по голове. Мне было приятно. Страха не испытывала. И вдруг кошка, спавшая на полу рядом с кроватью, отчаянно замяукала, взмыла с пола свечой вверх, шарахаясь от старика, и пулей вылетела из комнаты вон. А старик с незрячими глазами растаял в воздухе.

Прошло много лет. Летом 1978 года Парпиева, ее муж и сын вместе с двумя друзьями мужа шабашили, как она выразилась, в Узбекистане. Шабашкой в СССР в ту пору назывались временные работы по найму. Когда начиналась летняя пора отпусков, группы шабашников, зарабатывавших на своей основной работе сущие гроши, бродили по стране и предлагали всем желающим свои услуги. В общем, «зашибали деньгу». В сельской местности они чаще всего строили помещения для скота, склады, сараи, а также производили любые иные строительные работы.

Крохотная бригада наших шабашников во главе с мужем Надежды состояла из мастеров на все руки. Отстроив очередной сарай, мастера подрядились украсить лепкой зал заседаний в здании правления узбекского колхоза имени Ленина. Ночевали они все вместе в большой комнате, находившейся недалеко от зала.

Надежда Парпиева рассказывает:

— Как-то раз просыпаюсь я среди ночи от того, что кто-то тормошит меня. За окном висит луна, ее свет падает в распахнутое настежь окно. Гляжу, в мою руку вцепилось человекообразное существо, лохматое, волосатое с ног до головы. Ростом оно было около метра. Со страха я не разглядела толком его лицо. Запомнились лишь в высшей степени странные глаза — пылавшие огнем, как две красные

электрические лампочки. Существо протянуло вперед вторую свою лапищу и ухватило ею запястье другой моей руки. И потянуло меня к открытому окну. Хватка у твари была железной. Утром я обнаружила на запястьях синяки, похожие на кольца, оставленные там лапищами низкорослого демона... Я заорала от ужаса, и существо исчезло. Ну, только что маячило передо мной, волокло меня к окну, и — вдруг его нет!

Крик Надежды разбудил спавших в той же комнате мужчин. Рыдая, она принялась рассказывать им о происшедшем.

Один из них сказал в ответ, что тоже подметил намедни поздним вечером нечто странное. Все в комнате уже легли спать; он улегся на свое место последним. Поворочался с боку на бок, устраиваясь поудобнее, и видит — замерцал у стены под потолком огонек, удивительно похожий на самое обычное пламя самой обычной свечи. Однако непосредственно свечи не было под пламенем.

Огонек висел в воздухе, поддерживаемый непонятно чем. Каплевидный, слегка растянутый по вертикали, он тихонько колыхался из стороны в сторону, словно бы колеблемый сквознячком, тянувшим от распахнутого окна. Провисел он так, на одном месте, примерно пять секунд. А потом сгинул.

— И еще одно попутное наблюдение,— говорит Надежда Парпиева.— Когда волосатая тварь мертвой хваткой вцепилась в меня, послышался кошачий визг. Кошка, жившая в здании правления колхоза, спала, наверное, где-то на полу в коридоре. Дверь, ведущая из нашей комнаты в коридор, была раскрыта. Я услышала, как кошка, взвизгнув, побежала по коридору прочь...

На следующий день утром наши шабашники рассказали о событиях минувшей ночи местным сторожам, старикам-узбекам.

И услышали в ответ

— Здесь, в здании правления колхоза, было раньше духовное заведение. Советская власть прикрыла его. Когда оно еще работало, в него категорически был запрещен вход женщинам. А Надежда — женщина. Шайтан, с незапамятных времен живущий в этом здании, не любит женщин. Он будет выживать Надежду и вас вместе с нею отсюда до тех пор, пока вы не покинете здание.

В тот же день шабашники спешно перебрались в другое помещение. Сообщает Наталья Калинина из Ашхабада:

— Летом 1989 года в нашей квартире на первом этаже старого дома каркасно-щитового типа происходили странные явления. Около полуночи на кухне раздавались звуки, как будто падали на пол одна за другой крышки от кастрюль. Когда я выходила на кухню, то не обнаруживала там никакого беспорядка. Потом — тоже ночью и опять на кухне — сама собой взорвалась большая спичечная коробка. Только чудом нам с мамой удалось избежать пожара. Наша кошка — опять-таки только по ночам! — выходила в те дни из себя. Испуганно мяукала, залезала под шкаф или под кровать и до утра не желала вылазить оттуда.

Рассказ Анны Гудзенко из города Сочи:

— Когда мне было восемь лет, ко мне приходил по ночам парень, похожий, как в сказке, на «арапа». Весь черный. Совершенно лысая голова. Огромные глазищи. Толстые губы. Возраст — около двадцати лет. Он молча стоял и смотрел на меня... А просыпалась я всякий раз от того, что кошка, спавшая на половичке рядом с моей постелью, начинала испуганно мяукать. «Арап» стоял недвижимо две-три минуты, затем растворялся в воздухе... Прошло много времени. Я окончила школу, вышла замуж, переехала в другой город. В 1989 году вынуждена была опять на какое-то

время вернуться к родителям — в дом, в котором выросла. И буквально через неделю примерно около полуночи снова появился передо мной «арап». Я узнала его мгновенно. По-моему, он совершенно не повзрослел за миновавшие с момента нашей последней встречи годы. Вижу — стоит, пристально смотрит на меня...

Еще одна информация — из города Мары, Туркмения:

— На протяжении вот уже года будит меня по ночам чувство животного страха,— рассказала при личной встрече со мной Татьяна Филиппова.— Просыпаюсь и... Совсем уж цепенею от ужаса! Возле меня стоит черный большой силуэт. Слышу громкий шепот: «Я хочу лишить тебя жизни!» Потом силуэт начинает отдаляться от меня как бы спиной вперед и растворяется в стене, всасывается в нее. По ту сторону стены находится спальня моей дочери, и там стоит стул, а на стуле всегда спит кошка... Так вот, каждый раз, когда жуткий этот силуэт уходит прямо у меня на глазах в стену, кошка в соседней комнате просыпается, издает истошный визг. Разбуженная ее визгом, просыпается и моя дочь. Она видит, как кошка срывается стрелой со стула и начинает, мяукая, носиться по комнате туда-сюда.

Елена Павлова из Екатеринбурга, из года в год оказывающая посильную помощь мне в сборе контактных материалов, уверяла меня, что и в ее личную жизнь вторгалось однажды неведомое. Именно после этого события возник у нее устойчивый интерес к аномальным явлениям.

А случилось событие в декабре 1993 года. Женщина проснулась от ощущения, что с нее стаскивают одеяло.

— Будучи еще в полусонном состоянии,— говорит она,— я отбрыкивалась, рассерженно тянула одеяло назад на себя. Наконец, окончательно проснулась. Открываю глаза и этим самым глазам своим не верю. Высится возле кровати здоровенный амбал с лицом какого-то землистого цвета. Он то потянет одеяло к себе, а то схватит на мгновение меня за левую руку. То потянет, то схватит... К слову сказать, синяки от его хватки держались на запястье около двух недель.

Елена в ужасе привстала на постели и, действуя чисто ре-флекторно, обеими руками оттолкнула «амбала». По ее тактильным ощущениям, грудь у пришельца была поразительно мягкой, словно бы состояла из пружинящего поролона. «Амбал» с неожиданной легкостью отлетел в сторону и врезался ягодицами в стол, стоявший в центре комнаты.

— А моя кошка по имени Дашка,— вспоминает Елена Павлова,— шипела тем временем на «амбала» как паровоз, забившись под кресло. У меня.в голове все перемешалось от страха, к горлу подступила тошнота, и я потеряла сознание. Утром встала с постели совершенно разбитая и с сильной головной болью. Куда подевался «амбал» — не знаю. Утром я не обнаружила его в доме.

Из письма Людмилы Шпиневой, город Зея Амурской области: «По ночам я часто слышу медленные шаркающие шаги в квартире. Включаю свет, озираюсь по сторонам — никого в доме нет. Тишина... Выключаю свет. И «он» снова принимается шаркать. Мой любимый кот спит всегда вместе со мной, в изножье постели. Когда невидимка начинает бродить по комнате, кот издает громкое шипение, прыгает с кровати на пол, потом взлетает, как акробат, вверх по шторе, прикрывающей окно, и висит под потолком на шторе, продолжая шипеть».

Изгнание дьявола

В третьей части этой книги я подробно расскажу о контактных экспериментах, которые ставила, продолжает ставить группа энтузиастов, сплотившихся вокруг меня. А сейчас хочу пощекотать вам нервы одной воистину сногсшибательной

историей. Она приключилась с одним из энтузиастов. История требует пояснительного пролога.

Та группа была набрана мною методом жесткой селекции. В 1990—1992 годах я выступал с лекциями об аномальных явлениях перед большими аудиториями. После окончания каждой лекции отдельные слушатели обращались ко мне за консультациями. А другие рвались в частной, с глазу на глаз, беседе сообщить об их личном опыте на ниве «встреч с чуждым». Толпа желающих персонально пообщаться с лектором закручивалась вокруг меня винтом. Но никто не уходил неудовлетворенным. Я сыскивал толику времени для каждого. И, беседуя с людьми, остро присматривался к каждому же. Подойдет этот человек мне или не подойдет? Стоит предлагать ему сотрудничество со мною или же ни к чему это делать?

Тех людей, которые мерещились мне в названном смысле перспективными, я отводил в сторонку, шептался с ними и вручал им бумажку с номером моего телефона. Спустя день или два мы встречались. Я устраивал нечто вроде проверочной процедуры, используя, в частности, датчик, реагирующий на малейшие изменения электромагнитных полей. Я искал среди возможных кандидатов в мою исследовательскую группу мужчин и женщин зрелых лет с ярко выраженными экстрасенсорными способностями.

И находил таких.

Из них-то и составилась наша небольшая группа энтузиастов.

Каждый из них прошел у меня школу феноменологии аномальных явлений. А также усвоил основы техники безопасности в условиях осознанного экспериментального контакта с Неведомыми Мирами. Затем каждый по моему настоянию отправился на те или иные курсы по экстрасенсорике, изучил ее азы. Другими словами, свел в единую систему свои природные данные и технику, практику экстрасенсорных воздействий, которой обучали слушателей на тех курсах. Слияние дара Божьего со специальным образованием дало замечательные плоды.

Все члены нашего крохотного коллектива много работали над собой. Все они со временем стали не просто толковыми «народными целителями», лечащими путем дистанционных воздействий, ко и — хотите верьте, хотите нет — натуральными ясновидящими.

А теперь перейдем к сногсшибательной истории, которую я обещал поведать вам. Она произошла с экстрасенсом и ясновидящей Татьяной Махотиной, членом моей команды. Татьяну я знаю давно, она — очень, очень честный человек, и в силу этого я ручаюсь за достоверность ее рассказа.

В июле 1995 года Махотину пригласили в один дом в Москве. Была получена информация: там проживает больная женщина приблизительно шестидесяти лет от роду, которая нуждается в экстрасенсорной помощи.

Врачи не смогли помочь ей. Может быть, поможет экстрасенс?

На протяжении долгих лет женщина страдала от общей слабости, частых головокружений, головных болей и, как она выразилась, «болей во всем теле». Медицинский диагноз так и не был поставлен. Не помогали никакие лекарства, даваемые пациентке докторами, как я понимаю, вслепую, на ощупь — не «под диагноз».

Когда Татьяна Махотина вошла в квартиру, где жила мающаяся от всевозможных болей дама, ее встретили там две женщины — та самая дама и ее родственница. Сначала Татьяна обстоятельно потолковала с ними, порасспросила больную о

симптомах. Затем предложила ей сесть на стул, выставленный на середину комнаты. И вот что произошло потом.

Прежде всего Татьяна, так сказать, включила в собственном подсознании свой «ясновидческий аппарат» и попыталась с его помощью прощупать, пролоцировать тело больной женщины — орган за органом. К ее величайшему изумлению, ничего из этого не вышло. Такого в экстрасенсорной практике Махотиной не бывало ранее! Все тело больной оказалось словно бы прикрыто некой черной непроницаемой пленкой.

Удивленно хмыкнув, Татьяна решила подступиться к этой загадочной особе в «черном энергетическом скафандре» другим путем. Она настроилась соответствующим образом — в частности, открыла на своих ладонях незримые выходные отверстия так называемых энергетических каналов. И отчетливо ощутила, как по каналам заструились от плеч к ладоням живительные токи энергии. Удостоверившись в том, что таинственный экстрасенсорный механизм в ее теле пришел в действие, качал функционировать, Татьяна протянула руки ладонями вперед к своей пациентке.

Та дико вскрикнула и судорожно задергалась.

— В чем дело? — опешила Татьяна, поспешно отводя руки в сторону от больной.

— Не знаю,— последовал ответ.— Я ощутила... Трудно описать это словами... Ощутила что-то вроде ударов внутри моего живота. Ударов кулаком.

Махотина воззрилась на пациентку с откровенным недоумением. Впервые в своей практике столкнулась она с человеком, который столь странным образом отреагировал на ее целительные пассы.

— Когда-либо раньше вы обращались за помощью к экстрасенсам? — полюбопытствовала наша целительница.

— Нет.

—Стало быть, сейчас вы впервые в жизни испытываете экстрасенсорное воздействие?

— Да, впервые. Вы поднесли ко мне руки и... Что-то ударило меня изнутри. Повторяю, ударило несколько раз, как кулаком.

Пожилая женщина, сидевшая на стуле посередине комнаты, стала осторожно растирать рукою живот. При этом она болезненно морщилась. Татьяна стояла рядом с ней в замешательстве, не зная, что сказать.

Тут в разговор встряла родственница больной.

— Да вы продолжайте, продолжайте! — посоветовала она Татьяне.— Ишь, как ее, болезную, всю задергало, едва вы вознесли руки... Значит, подействовало. Проняло до печенки.

— Ну, что ж,— произнесла с запинкой Татьяна,— давайте попробуем еще раз.

— Давайте,— согласилась пациентка, переставая растирать живот.

Она задумалась на мгновение. Затем молвила:

— Но только на этот раз не убирайте руки сразу, если меня снова начнет передергивать. Я так понимаю, тело дергается в ответ на ваши лечебные пассы. Ну и пусть себе дергается. Не обращайте внимания. Я готова потерпеть, лишь бы выздороветь.

Плавным жестом Татьяна Махотина опять поднесла свои руки к пациентке. И почувствовала, как живительные потоки энергии устремились из ладоней в грудь пожилой дамы, сидящей перед ней. По ощущениям Махотиной, они пронзали грудную клетку дамы насквозь. А значит, «черная пленка», обволакивающая все

тело женщины и непроницаемая для «ясновидческого луча», оказалась вполне проницаемой для «энергетических лучей», истекавших из ладоней Татьяны!

В следующую секунду пациентка выгнулась на стуле дугой, и у нее начались корчи. Самые настоящие корчи, как у припадочной. Руки и ноги замелькали в воздухе, изгибаясь совершенно неестественным образом, а по телу волнами стали прокатываться судороги.

Какое-то время в комнате стояла тишина. Женщина, которую сотрясали корчи, молчала, глядя безумным остекленевшим взором в одну точку перед собой. Потом она вдруг открыла рот и зарычала, завыла — как зверь.

Татьяну Махотину прошиб холодный пот. Она сделала шаг назад, в панике отступая от внезапно взбесившейся пациентки.

— Не опускайте руки! — закричала в тот же момент родственница взбесившейся. — Продолжайте лечить ее.

— Но мне же страшно! — тоже громким голосом возопила в ответ Татьяна, пытаясь перекричать истошные вопли дамы, бившейся в падучей на стуле.

— И мне страшно! Ну и что? Ради Бога, продолжайте лечение,— в голосе родственницы больной послышались умоляющие нотки.— Мы хорошо заплатим вам. Только не прерывайте сеанс своего воздействия на нее. Сами видите, что с нею творится..

Татьяна не опустила руки.

Струи энергии, набирая силу, неслись по ним двумя мощными потоками. Они вылетали из ладоней, как из двух брандспойтов, и вонзались в корчившуюся на стуле даму.

А дама продолжала зверски подвывать, повизгивать и рычать.

Татьяна Махотина сама была готова завыть от страха. Не зная, что делать дальше, она решила обратиться за помощью к Богу. Стала читать вслух молитву:

— Отче наш иже еси на небесех, да святится имя твое...

Между тем ее пациентка все билась в припадке, все буйствовала, не падая, впрочем, почему-то со стула на пол. Она была словно бы привязана к тому стулу незримыми веревками.

Татьяна дочитала молитву до конца.

Корчи на стуле продолжались.

«О, Господи, только бы она не умерла»,— взмолилась Татьяна, с ужасом глядя на корчившуюся пожилую женщину, по-волчьи воющую. И с новой силой, с удвоенной энергией стала во второй раз читать «Отче наш». А потом и в третий.

Из ее ладоней, нацеленных на пациентку, по-прежнему били невидимые энергетические струи.

И вдруг вой стих.

Пациентка широко открыла рот, и из него... пошел дым. Или нечто похожее на дым.

В мгновение ока темно-серое туманное облачко, вылетевшее изо рта, сконденсировалось в человеческую голову. Это была голова мужчины ничем не примечательной наружности, примерно сорока пяти лет от роду, с гладко выбритыми щеками. Мужчина в упор уставился на Татьяну. Его взгляд пылал лютой ненавистью. Под головой, у которой не было шеи, темно-серый «туман», «дым» закручивался по спирали винтом. Нижний конец спирали уходил в разверстую глотку внезапно примолкшей дамы, восседавшей на стуле.

Дама, к слову сказать, перестала корчиться, едва демон с бешеными от ненависти глазами вылетел из нее вон.

Мужская голова неторопливо поплыла вверх подобно воздушному шару. Закручивающаяся штопором лента «тумана» потянулась следом за ней. Ее нижний подрагивающий кончик выскочил, как мышиный хвостик, изо рта женщины, и рот резко захлопнулся, звучно щелкнув челюстями. А демоническая голова вошла в потолок как нож в масло и растаяла в нем, втянув следом за собой в потолок спиралевидный туманный хвост.

—Дьявола вы изгнали! Дьявола! — громовым голосом воскликнула родственница больной, обращаясь к Татьяне, но не глядя на нее.

Лицо родственницы было землистым от страха, а глаза шарили по потолку, в котором растворилась мужская голова с бешеными от ненависти глазами.

Татьяна Махотина бессильно опустила вниз трясущиеся руки, мокрые от пота. Она молча крутнулась на каблуках и, не помня себя от испуга, кинулась со всех ног к двери, ведущей из квартиры на лестничную площадку. Родственница больной продолжала громовым голосом кричать что-то ей вслед, но Татьяне было не до ее криков.

Она не стала ждать лифт.

Понеслась вниз по лестнице вихрем; ступеньки так и замелькали под каблуками ее туфель, выбивавшими по ним барабанную дробь.

Шумно и неровно дыша, Татьяна выскочила из подъезда и, не замедляя шага, стремительным аллюром помчалась к автобусной остановке...

В беседе со мной она заявила:

— Сама того не желая, я выступила в роли экзорциста, то есть изгонителя дьявола. Это было самое жуткое, самое невероятное приключение в моей жизни! От всей души молю Бога, чтобы никогда и ничто подобное не повторилось в моей дальнейшей практике в ходе встреч с другими пациентами. Пережить то, что пережила я... Да такого не пожелаешь даже злейшему врагу.

«Демоны захватили город»

В конце 1991 года в ответ на одну мою очередную газетную статью о проделках нечистой силы получил я тревожное письмецо. Читательских откликов на статью пришло более двух сотен, но именно и только это короткое послание заставило меня встрепенуться, немедленно отреагировать на доступном мне уровне. Я стал выяснять обстоятельства событий, лапидарно описанных в том письме.

Оно пришло из небольшого провинциального городка Советска, что в Тульской области. Его автор С. К. Иванов сообщал:

«В нашем городке с недавних пор буйствуют домовые. У моего соседа летает по комнате посуда, а у его брата, живущего в одноэтажном деревянном доме на другой улице, течет с потолка вода, двигаются сами собой табуретки. У двух моих сослуживцев происходит примерно то же самое. А раньше никогда не происходило! Или — еще пример. Мой свояк живет на самой окраине города и держит лошадь; вот уже в течение трех недель он обнаруживает по утрам в лошадиной гриве косички, заплетенные неведомо кем. Свояк расплетает их, а на другой день утром они вновь появляются. Заядлый лошадник, он постоянно общается с тремя другими лошадниками — один из Советска и двое из ближайших деревень. По его словам, двое из них, включая горожанина, поведали ему о том же самом чуде. В гривах лошадей их хозяева обнаруживали по утрам косицы. Важно подчеркнуть, что косы

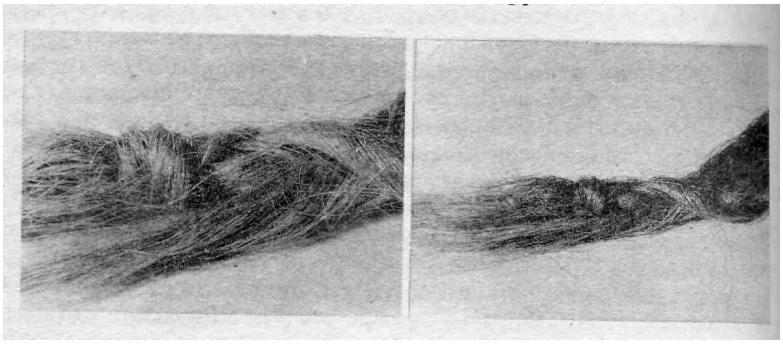
стали появляться в конских волосах именно в последние месяцы. Раньше такого не было. Я рассказал об удивительных косичках моей бабушке. А она сказала, что это шалости домовых. Домовые якобы большие любители лошадей, или лошадники, как и мой свояк».

Действительно, есть такое народное поверье о лошадниках-домовых. В одной из моих книг я уже анализировал загадочный феномен «косичек в гриве», привел, в частности, много цитат о феномене из сочинений русских фольклористов и этнографов XIX—XX веков. Там же я описал, каким образом попала в мои руки уникальная по объему коллекция косичек — может быть, единственная столь крупная в мире. Предлагаю вашему вниманию две выписки из первоисточников столетней давности, ранее мною в других моих книгах не цитировавшихся. Эти сочинения попались мне на глаза лишь пару месяцев назад.

Фольклорист Д. Ушаков в статье «Материалы по народным верованиям великорусов» (1896 год) пишет: «Из скотины особой любовью домового пользуются лошади... Любимый скот он чистит, кормит, поит, выбирая для него корм у нелюбимого; любимой лошади он заплетает гриву, которой, обыкновенно, и не расплетают хозяева, чтоб не прогневить домового». Другой фольклорист А. Иванов в статье «Верования крестьян Орловской губернии» (1900 год) сообщает: «Что касается домового, то почти все крестьяне верят, что он существует... Но каков внешний вид его — никто не сказал, потому что никто его не видел: он — невидимка. Иногда домовой любит скотину, гладит, кормит и холит лошадь, заплетает ей гриву...»

В письме, пришедшем из Советска, толковалось, согласитесь, о странных в высшей степени вещах. В городе и его ближайших окрестностях спонтанно и, по всей видимости, синхронно пробудились домовые, спавшие до этого мертвым сном на протяжении неизвестного числа лет. Мощно «заработал», в частности, феномен «косичек в гриве».

Одновременно зафонтанировали из Неведомых Миров и другие феномены, известные под обобщающим названием «полтергейст». По частным домам и квартирам принялись летать тарелки и чашки, зашевелились и заскакали сами собой табуретки, потекли с потолков струи воды...



Две типичные «косички в гриве» из коллекции автора книги. Каждая аккуратно сплетена из трех пучков конских волос

А в Советске, к вашему сведению, проживает моя давняя приятельница, пенсионерка Светлана Васильевна Панова, народная целительница, лечащая методом наложения рук. Она—иногородний член-корреспондент самодеятельного московского исследовательского Центра, созданного мною. К ней я и обратился с просьбой навести по возможности подробные справки о «чудесах», творящихся в ее родном городе.

Вскоре почтальон принес письмо от Светланы Васильевны, большое по объему. Приведу выписку из него — характерный пример буйства нечистой силы в Советске. Невидимые демоны, по словам Пановой, «в самом деле, увы, оккупировали в

последние месяцы немало домов и квартир в нашей провинциальной глуши. Мои земляки — в ужасе».

По просьбе Светланы Васильевны имена и фамилии участников серии страшноватых событий не будут здесь названы.

Летом 1991 года одна семья сделала капитальный ремонт в своей квартире на четвертом этаже пятиэтажного дома. Ремонтные работы длились долго. И вот, наконец, была поставлена финальная точка в них. По этому случаю хозяева квар-

тиры устроили праздничный ужин, а потом легли спать, уставшие, но бесконечно довольные проделанной работой.

Едва они улеглись, едва погасили в доме свет, как на оконном карнизе за занавеской что-то зашуршало. Затем это неведомое что-то побежало от окна по стене и спрыгнуло на пол. Когда оно перемещалось по новеньким светлым обоям, был слышен топот маленьких ножек. Но на полу их топота-ние сменилось отчетливо слышимыми прыжками. Неведомое что-то зашлепало, как лягушка, по направлению к кровати, на которой лежала хозяйка дома. Женщина ощутила, как нечто величиною и весом с крупную собаку вскочило на кровать и улеглось в ее изножье поверх одеяла.

Хозяйка дома, крайне изумленная, приподнялась на постели и потянулась рукой к «собаке», дабы столкнуть ее на пол... В ту же секунду она потеряла сознание.

Спустя пару дней ее дети стали жаловаться на то, что кто-то перемешивает их книжки с картинками на столе и расшвыривает игрушки по детской комнате. Спустя еще пару дней муж хозяйки, который встает по утрам очень рано — просыпается в доме первым, вышел в седьмом часу утра на кухню и обнаружил там кавардак. Весь пол был усыпан мусором, вываленным из мусорного ведра. Ведро стояло посередине кухни дном вверх.

В последующие дни люди стали замечать, что их любимая кошка ведет себя странно. Время от времени она вдруг переворачивалась на спинку и начинала колотить лапами воздух, будто отбиваясь от кого-то или чего-то невидимого. Глаза у нее становились при этом бешеными. Кошка скалилась и шипела. А потом вскакивала и начинала носиться туда-сюда по квартире, продолжая шипеть.

Как-то раз хозяйка дома обрабатывала над раковиной куриную тушку, а кошка, чуя запах свежего мяса, лезла к ней, мяукала, терлась о ноги — в общем, мешала. Рассердившись, женщина подхватила с пола надоедливую мяукающую тварь, отнесла ее в ванную комнату и заперла там... Опять занялась курицей. И вдруг застыла как громом пораженная. Она почувствовала, кто-то мохнатый, но, по ее ощущениям, очень холодный трется о ее босые ноги. Глянула она вниз — никого на полу возле ног нет. А «это» продолжает тереться. Вот фрагмент из ее показаний:

— Вскоре «это» принялось бегать по свежепобеленному потолку, не оставляя следов на нем. На белом фоне «оно» выглядело как темно-дымчатый мохнатый сгусток. Отчетливо слышалось топотание ножек. Изо дня в день в квартире то и дело внезапно и резко понижалась температура. Всех нас начинала колотить дрожь. Трижды лично со мной происходила удивительная вещь. Я «выключалась» всякий раз минут на двадцать — тридцать. Стою, готовлю борщ, режу капусту, чтобы засыпать в кастрюлю. Картошка уже лежит в кастрюле, вода в которой должна вскоре закипеть. Смаргиваю. Глядь, стою на том же самом месте, но в другой позе, а вода в кастрюле бурлит. Заглядываю в кастрюлю и вижу — картошка в ней вся разварилась, превратилась в кашу... Сижу, смотрю телевизор. Показывают художественный фильм. Смаргиваю. Что за чудеса? Вместо фильма на экране —

передача, которая должна начаться после окончания того фильма. Бросаю взгляд на часы. Выясняется, что я вроде как пребывала без сознания в течение получаса... Однажды вечером мохнатый сгусток спрыгнул с потолка и уселся на грудь моему сыну-первокласснику, лежавшему в тот момент на тахте. Ну, тут, конечно, крик, слезы... Муж рассвирепел. И давай ругать «это» матом! А в ответ — зашумело, заухало, поднялась какая-то возня, и вдруг книги и журналы с письменного стола взлетели в воздух.

Кто-то надоумил женщину обратиться к священнику. Тот пришел в «квартиру с домовым», попрыскал на стены святой водой, побубнил молитвы.

Не помогло!

Домовой как ни в чем не бывало продолжал безобразничать в доме, хозяйка которого отдыхала от его проказ лишь на работе. А работала она продавщицей в магазине «Хозтовары»; священник знал об этом.

Спустя неделю после своего визита в «квартиру с домовым» святой отец заявился в магазин. Сначала он долго откашливался и сопел, как бы собираясь с духом, а потом поинтересовался у продавщицы, как обстоят дела у нее дома и помогли ли его молитвы? Услышав неутешительный ответ, священник огорченно развел руками и молвил со вздохом:

— В других домах молитвы тоже не помогли.

— В других? — удивилась женщина.— Выходит, в городе есть еще места, где шкодят домовые?

— Есть. И немало,— ответствовал святой отец, вновь тяжко вздыхая.

Он поманил пальцем продавщицу к себе. Та перегнулась через прилавок, заинтригованная. Священник, стоявший по другую сторону прилавка, тоже слегка наклонился вперед и, понизив голос, возвестил:

— В последнее время ко мне стали обращаться за помощью многие, даже очень многие люди. У них возникли совершенно аналогичные проблемы с «новыми жильцами». Не-

зримые хулиганы вламываются в квартиры, в частные дома десятками. Они бродят по Советску чуть ли не толпами... Я вот что думаю обо всем этом: демоны захватили наш город!

— Зачем? — невольно вырвалось у продавщицы, потрясенной услышанным.— С какими целями?

— Подозреваю, они готовят плацдарм,— пояснил священник громким шепотом. Потом произнес по слогам: — Под-го-тав-ли-ва-ют.

— Подготавливают — что?

— Пришествие сатаны!

Святой отец с отвращением сплюнул и размашисто перекрестился. И вышел из магазина «Хозтовары» вон.

Лохматый, кучерявый, черный

Сорокалетняя Татьяна Малова—очень спокойная и очень уравновешенная женщина. Своими повадками она решительно не напоминает истеричку, а уж тем более душевнобольную. Работает инженером в Ростове-на-Дону. Я встречался с нею несколько раз, побывал в ее двухкомнатной квартире на городской окраине, где и записал, уверен, правдивый ее рассказ о выходках нечистой силы в том доме.

Вот она, исповедь Татьяны:

— Летом 1987 года — всегда поздно по вечерам — стал трезвонить звонок над входной дверью в нашу квартиру. Я распахивала дверь, но никого за ней не было! Затем начались — тоже по вечерам — странные телефонные звонки. Поднимаю трубку, а в ней — молчание. Телефонные трели перемежались тарахтением звонка в прихожей в течение двух недель... Потом прекратились, сменившись новыми странностями. И я, и мой муж, и наш малолетний сын ясно слышали, как паркет в квартире трещал под ногами какого-то невидимки.

Два года подряд незримый пришелец шлялся по вечерам по комнатам, наведываясь к нам два-три раза в месяц. А в апреле 1989 года я наконец-то узрела его. О, лучше бы не видела! Проснулась среди ночи от сильной боли в груди. Очень удивилась и обеспокоилась, так как раньше грудь никогда не болела. Схватилась за больное место рукой, перевернулась на другой бок, и глаза полезли на лоб от изумления.

За окном висела луна. Ее свет хорошо освещал комнату. Вижу, рядом с изножьем моей постели стоит сущий дьявол ростом не выше полутора метров. Лохматый, кучерявый, черный. Голый! Весь обросший шерстью с головы до пят. На роже — тоже шерсть. Глазищи пылают адским пламенем, как обмазанные белым фосфором. Я присмотрелась — а он, оказывается, улыбается мне. Губы растянуты зверской усмешкой.

— Ты кто такой? — спрашиваю, трясясь от страха.

А он вместо ответа говорит высоким писклявым голосом:

— Хочешь, я сейчас приведу сюда своего брата? Сама не знаю почему, я роняю одно-единственное слово:

— Хочу.

И черт растаял в воздухе.

Буквально через несколько секунд он вновь материализовался из пустоты передо мною. Рядом с ним стоял маленький чертенок в полметра ростом. Его голое тело тоже было покрыто лохматой кучерявой шерстью. А вот зато голова... Не своим голосом закричала я, когда увидела над волосатым тельцем лицо своего сына!

Черт обнял чертенка за плечи, отчетливо хихикнул, и его губы вновь расползлись в дьявольской усмешке.

— Нам очень понравилось у тебя,— пропищал дискантом он.— Мы еще придем сюда. Жди.

В следующий момент оба волосатых существа исчезли.

Через некоторое время одна моя близкая подруга пришла ко мне вечером в гости. Жила она на другом конце города — очень далеко, и поэтому я оставила ее ночевать у нас. Ровно в полночь она переполошила нас с мужем истошными криками. Мы бросились к ней, стали расспрашивать — в чем, мол, дело? Видим, женщина не в себе, колотится в натуральной истерике. Сквозь слезы она, запинаясь, сказала, что не успела еще заснуть, как перед нею возникли невесть откуда три низкорослых существа, заросших густой черной шерстью. Когда моя подруга завизжала от ужаса, существа сгинули, канув опять-таки невесть куда...

Однажды вечером в августе 1990 года я лежала на тахте, но еще не спала. Свет в комнате был выключен. Муж и сын находились в тот момент в соседней комнате. Вдруг на меня навалилась сверху какая-то тяжеленная плита, абсолютно невидимая. Почудилось — еще мгновение, и она проломит грудную клетку, раздавит меня в лепешку.

А рядом с тахтой висела на стене лампа-бра. Под нею болтался шнурочек, за который надо дергать, чтобы включить либо выключить лампу. Полупридушенная незримой плитой, я тем не менее умудрилась как-то дотянуться рукою до шнурка. Дернула за него. Вспыхнул свет. И то, что пыталось задавить меня, тут же отлетело куда-то в сторону... В последующие ночи я боялась спать в темноте. Так и спала при горящей на стене лампе. И больше ничего не давило.

Зато стал раздаваться мужской голос, звавший меня по имени. Я пугалась, вскакивала с тахты — никого в комнате нет! А голос то и дело окликал: «Таня!.. Таня!..» и одновременно слышался звук, похожий на громкое равномерное тиканье больших настенных часов. Между тем в нашем доме нет таких часов.

В ответ на эти бесконечные, изматывающие душу призывы «Таня!.. Таня!..» вскинулась я как-то раз на постели и вижу — чашка и блюдце под ней, стоящие на нижней незастекленной полке серванта, равномерно покачиваются. Они переваливаются с боку на бок в такт загадочному громкому тиканью. Рядом с ними лежала на полке плоская тарелка. Вдруг тарелка задрожала, дернулась, сама собой перевернулась и замерла, стоя на ребре. А потом стала кататься по полке вперед-назад, как колесо.

Я ринулась к серванту, подхватила тарелку, прижала ее к груди... Не знаю, что делать... Села на тахту да так и просидела до рассвета с тарелкой под мышкой.

В те страшные дни, когда кто-то окликал меня по ночам по имени, мой восьмилетний сыночек часто жаловался на шум, мешавший ему спать. Ухало ночь напролет под его кроватью что-то, шевелилось там и пыхтело... Надоело все это так, что хоть в голос кричи! Все наши родственники, 'друзья и все сослуживцы — как мои, так и моего мужа — знали с наших слов о кошмарах, творящихся у нас. Один из сослуживцев мужа сказал:

— Существует народное поверье — если в доме бесится домовой, то это значит, что он голоден и его надо покормить. Глупейшая идея, не правда ли?

Ежели ты — домовой и живешь под одной крышей с нами, то вот тебе, милый, холодильник, а вот кухонный шкаф, где стоят на полках пакеты с крупами и лежит внизу мешок с картошкой. Открывай холодильник, залезай в шкаф, кормись на здоровье...

Но чего не сделаешь, когда положение просто-таки отчаянное? Вечером поставила я на то место в серванте, где тарелка сама собой поднялась на ребро, чашку с водой и блюдце с двумя пряниками. Каково же было мое удивление, когда утром я обнаружила и чашку, и блюдце пустыми. На следующий вечер я опять приготовила точно такой же ужин для домового. К утру вода из чашки и пряники с блюдца исчезли. А в квартире наступила благостная тишина.

Каждый вечер в последующие дни я продолжала готовить все ту же нехитрую кормежку для своего «жильца». Судя по тому, что она неведомо как и куда испарялась среди ночи, кормежка пришлась домовому по вкусу.

Миновало дней десять. И вот однажды поутру я обнаружила воду и пряники нетронутыми. Ага! Наелся и напился наш безобразник, стало быть. Мы с мужем облегченно вздохнули.

С той поры ничего необычного в нашем доме не происходило.

Комментарий

Сатаны не существует.

Дьявола не существует.

Антихриста не существует.

Не существует также демонов, домовых, леших, водяных, русалок, чертей и бесов.

А вот зато привидения, или призраки умерших, существуют!

Выходцы из-за гробовой доски, по моим данным, распадаются на две группы, на два класса проявлений потусторонней реальности.

Одни из них изредка — подчеркну здесь, крайне редко! — прибывают в наш мир из мира запредельного в наибуквальном смысле этих слов, то есть находящегося далеко-далеко по ту сторону смерти, за пределами жизни, в замогильной вселенной. Физические законы, царящие там, резко отличаются от законов, на которых заждется наше с вами четырехмерное пространство-время. Там все не так, как здесь, у нас. Люди, жившие и в урочный час скончавшиеся на Земле, обитают там в формах своеобразных мысленных сгустков, не отягощенных телесной оболочкой. Эти формы называются в специальной литературе по танатологии, или науке о смерти, астральными телами. В задачи, решаемые на страницах этой моей книги, не входит обсуждение редких людских контактов с ними.

Другие же пришельцы из ледяной, опять-таки потусторонней мглы — вторая группа — вовсе не служат гонцами той замогильной реальности, в отличие от первой группы. Ибо они на истинный тот свет, в ту вселенную не попали! Для них там не было заранее предусмотрено место.

Они — так называемые эфирные двойники умерших людей, не допущенные на тот свет, застрявшие на пограничной меже, на перепутье между двумя мирами. Плавают, как смердящие воздушные шары, наполненные сплошь миазмами ненависти и злобы, в некой таинственной промежуточной зоне... Астральное тело умершего человека, то есть его душа, отправляется в замогильную вселенную. Отбывая в путь, оно сбрасывает с себя, как ненужную теперь ему одежду, свой энергетический колпак — эфирное тело, или эфирного двойника, скончавшегося только что человека. Эфирный двойник обладает некоторыми признаками разумности. Он вполне осознает, кто он такой. А именно — с позиции обитателей истинно замогильной вселенной, существо второго сорта. Доступ в ту вселенную такому существу закрыт.

Двойник — в бешенстве. Что делать? Пораскинув своим скудным умишком, он начинает совершать бандитские вылазки в мир живых людей. И учиняет там всяческие пакости. Зачем он делает это, я расскажу позже.

Пока же замечу, что совершенно неправомерно народная молва исстари приписывает наиболее устрашающие выходки эфирных двойников мифологическому, то бишь заведомо не существующему персонажу —~ Сатане, он же — Дьявол, он же — Антихрист. А менее жуткие проделки относит на счет других мифологических персонажей — чертей, домовых, леших и так далее. Все эти выходки и проделки суть не что иное, как разбойные налеты тех двойников.

Астральная помойка, где они обитают,— это, как я понимаю, нечто вроде выгребной ямы рядом с обочиной дороги, ведущей на истинный тот свет. Повторяю, она ни в коем случае не является истинно потусторонним бытием.

Что же касается Сатаны и сонма его слуг, вершащих якобы свои темные делишки в мире живых людей, то и дело пристающих к ним, ввергающих в страх и ужас,— так это все неправда. Ибо и Сатана, и его якобы многочисленная прислуга есть плод фантазии людской.

Совершенно справедливые рассуждения на сей счет мы обнаруживаем в известном сочинении А. Амфитеатрова «Дьявол» (1913 год):

«Злые духи появляются (в глубокой древности.— А. П.) уже в самых грубых религиях. По мере того как организм религий расширяется и завершается, злые духи приобретают известные атрибуты и личность... Зыбкий, многообразный, всепроникающий призрак Сатаны, под теми или другими именами, скользит тенью в глубине всех религий, но личность Сатаны создалась творчеством, по преимуществу иудейской и христианской религии, в особенности же второй из них... В Моисеевом учении Сатана еще не занимает видного места. Это, по остроумному сравнению Артура Графа, его отрочество и юность, далекие от совершеннолетия... Потребность очистить идею божества от злого элемента растет в еврействе вместе с культурой и приводит иудаизм на ступень христианства, в котором Бог безусловно благ, а зло в мире является отрицательною силою... Является идея Сатаны как черного под-Бога, анти-Бога. Сатану создало воображение христиан».

Добавлю к сказанному, что и всех прочих его слуг создало все то же пылкое христианское воображение.

Людская фантазия измыслила всю эту публику, дабы с ее помощью хоть как-то объяснить многочисленные, происходящие из века в век столкновения наших с вами соплеменников со странными существами. Издавна существа именуются «силами тьмы».

Все они — эфирные двойники умерших людей, по моей гипотезе. Давайте проанализируем их действия и посмотрим, насколько справедлива гипотеза.

В поведении загадочных существ присутствует одна в высшей степени примечательная черточка. На протяжении столетий, даже тысячелетий их поступкам, действиям свойственно унылое однообразие. В отличие от христиан с их склонностью к неуемному фантазированию, так называемая нечистая сила, судя по всему, начисто лишена фантазии. В ее убогом сумеречном сознании полностью отсутствует такая штука, как тяга к творческим исканиям, или, если угодно, рефлекс творчества, рефлекс созидания нового, чем бы это новое ни было.

Нечистая сила неустанно из века в век ведет бесконечную партизанскую войну с людьми. В ходе безостановочного этого сражения давным-давно можно было бы, наверное, поднабраться кое-какого опыта, придумать какие-то новые методы ведения боя. АН нет! В боевом арсенале нечисти не появилось за долгие столетия ни единого нового инструмента.

Единственное оружие, которым она с тошнотворным однообразием пользуется,— это страх, то есть инструмент психологического воздействия. Запугать людей до дрожи в коленках — такова, чудится, ее цель.

Ну, хорошо, явилась в очередной раз и запугала.

Дальше-то — что?

А ничего. Дальше нечистая сила в темпе покидает зону своего скоротечного чаще всего контакта с людьми, убирается куда-то восвояси. Спрашивается, зачем приходила? Чего хотела? Непонятно. Всякая встреча с нею исчерпывается для людей, казалось бы, лишь кратковременной ситуацией стресса, паники.

В том-то и дело, что — казалось бы!

Несколько позже я расскажу, что думаю о глубинной потаенной сути всех этих бесконечных и вековечных «сеансов запугивания» — ради чего «сеансы», по моей догадке, устраиваются...

Давайте вновь перелистаем страницы «контактных историй», собранных в первой части моей книжки. Давайте попробуем поискать в них резонирующие между собою элементы, то есть систематизируем материал по тем или иным сходным

признакам. Едва начав такой поиск, мы тут же убедимся, что в проделках нечистой силы наличествуют устойчивые стереотипы поведения. И их число весьма ограниченно!

Сплошь и рядом контакты с незваными невидимыми визитерами сопровождаются самопроизвольной подвижкой предметов быта.

Самопроизвольной ли?!

Вот, скажем, табуретка срывается с места и начинает скакать по кухне, подобно кенгуру. Но она — не кенгуру, у нее нет ни мышечной ткани, ни первой сигнальной системы, управляющей работой мышц. Совершенно очевидно, что движением табуретки управляет некая незримая сила — например, рука невидимки.

Табуретка, подхваченная невидимой рукой, прыгает по кухне. Человек, видящий это диво, натурально обалдевает. Челюсть у него отвисает, а глаза лезут на лоб, на котором выступает испарина страха... Цель, преследуемая невидимкой, достигнута — человек испуган.

В доме пенсионерки Веры Волковой, как мы помним, сама собой распахнулась дверца платяного шкафа. Потом воздушный вихрь покуролесил по комнате и, в конце концов, ударил по оконному стеклу. Да так сильно, что стекло частично даже разбилось. Мы также помним, какой была реакция трех свидетелей происшествия: люди перепугались.

Наталья Калинина и ее мать услышали среди ночи громкий взрыв, раздавшийся в их квартире на кухне. Бросились они туда и в ужасе узрели страшную картину.

Большая коробка спичек, лежавшая на газовой плите, сама собой взорвалась. Горящие спички раскиданы по всей кухне в бесовском фейерверке, и в доме начинается пожар. Женщины — в панике.

В другую квартиру явился темный силуэт, опознанный жильцами как дух утопленника, призрак хозяина дома, недавно трагически погибшего. Татьяна Шатова и двое ее взрослых детей, совершенно шалея от страха, наблюдали, в частности, за тем, как сама собой то и дело открывалась и закрывалась дверца настенного кухонного шкафчика.

В городе Советске Тульской области загадочные феномены такого рода приобрели на какое-то продолжительное время массовый характер. Ну, началось что-то вроде сатанинской эпидемии.

Посуда залетала по квартирам и частным домам, запрыгали табуретки, потекли с потолков струи воды из неизвестных источников. А домовые стали дружно плести косички в гривах лошадей. В одной из квартир неведомая сила подхватила мусорное ведро, расшвыряла из него мусор по всей кухне, а ведро поставила на попа, днищем вверх.

Татьяна Малова, потея от ужаса, наблюдала за тем, как на полке серванта закачались из стороны в сторону чашка и блюдце под чашкой. Раскачивание предметов сопровождалось акустическим феноменом — звуком, похожим на громкое тиканье больших настенных часов. Потом тарелка на той же сервантной полке пришла в движение. Встала на ребро и давай кататься по полке туда-сюда, как колесо.

Изредка встречи с нечистой силой сопровождаются не только акустическими, но и странными визуальными феноменами.

Ивана Ларчева пугает, давит, душит среди ночи здоровенный волосатый мужик, сверзившийся на Ивана невесть откуда — чудится, прямо с потолка. При этом Ларчев подмечает: в некотором отдалении от его постели вспыхивают с небольшим

интервалом во времени два огонька, похожих на пламя свечи. Они висят в воздухе, ничем не поддерживаемые... Другой мужчина при других обстоятельствах тоже наблюдает появление сходного огонька. Это происходит поздним вечером в здании правления узбекского колхоза. А спустя два или три часа к Надежде Парпиевой, расположившейся вместе с родственниками и друзьями в этом здании на ночевку, является волосатая человекообразная тварь. Она пытается, или делает вид, что пытается, умыкнуть Надежду из здания, тащит ее, смертельно перепуганную, к распахнутому окну...

Бывает также, что в ходе «контактов с чужими» происходит значительное понижение температуры. Это одна из очень знаменитых примет контактных ситуаций.

Недавно прислали мне из Австралии книгу тамошнего исследователя Кея Смита «Сверхъестественное!» Я насчитал в ней два десятка сообщений о резких понижениях температуры в условиях близкой встречи с нечистью. Американский исследователь аномальных явлений Джей Энсон долго работал в зоне многодневного жутчайшего контакта с «силами тьмы» в 1976 году в городе Эмитивилле, США. Результаты своих исследований он изложил в книге «Эмитивилльские кошмары». В ней также упоминается факт неоднократного понижения температуры во время буйства призраков.

Подытоживая свои рассуждения, Джей Энсон, в частности, пишет: «Пробирающий до костей холод... характерен для всех «нечистых мест». Люди и животные начинают испытывать в них могильную холодину. Последователи оккультизма объясняют это тем, что лишенные материального тела субстанции «забирают» тепловую энергию для своего перемещения, визуального проявления и передвигания предметов».

А вот цитата из сообщения Ирины Кудряшовой:

— В комнате резко похолодало. Так резко, будто ударил в ней январский мороз.

Еще одна моя героиня Ирина Никифорова вспоминает:

— Меня всю так и трясло от холода!..

События в Советске Тульской области — снова фрагмент из отчета очевидца:

— Изо дня в день в квартире то и дело внезапно и резко понижалась температура. Всех нас начинала колотить дрожь.

Бурно реагируют на пришествия нечисти природные биоиндикаторы, наделенные сознанием,— к примеру, кошки. В книге приведено немало примеров таких реакций, всегда, обратите внимание, панических.

Но если домашнее животное реагирует столь бурно — выходит из себя от ужаса, то это означает, что оно чует и даже, может быть, видит заведомо не человека, а нечто для той же, положим, кошки непривычное и страшное в своей непривычности. Стало быть, проделки нечистой силы — вовсе не идиотские шуточки живых людей (допустим, подростков, надумавших попугать злюку-соседку, подобравших ключи к двери ее квартиры и устроивших ночью в той квартире дурацкий спектакль). На живых людей домашнее животное реагировало бы иначе.

Впрочем, важнейший вывод из реакции биоиндикаторов на нечисть сводится к другому. Как я уже говорил ранее, реакция кошек показывает с бесповоротной отчетливостью: «чудеса», устраиваемые нечистой силой,— не плод человеческой психики, то есть не галлюцинации. Даже самый больной человеческий мозг не может продуцировать, галлюцинировать картины, на которые будут реагировать другие живые существа.

Значит, нечистая сила — не продукт воспаленного человеческого воображения, не результат психического заболевания. Она — вполне реальное природное явление!

Здесь же, однако, надо непременно отметить, что здоровая человеческая психика подвергается в ходе «встреч с чуждым» мощным нечеловеческим психическим воздействиям. И на какое-то время в ней возникают всплески, пики искажений и сдвигов, смахивающих на кратковременный психоз. Некая чужеродная сила захватывает пульт, так сказать, управления в сознании, в мозге человека.

На офицера КГБ наваливается в трюме шхуны «Элизабет» странное оцепенение. Человек ненадолго перестает контролировать свои мысли. Он чувствует себя так, будто надышался отравляющими газами.

Призрак колдуна, шатаясь среди ночи по деревенской избе, вот уж действительно околдовывает людей, находящихся в ней. Никто из них не покидает в панике избу, не бежит прочь от страшного привидения. Поведение людей алогично, ненормально: ночь за ночью в дом является призрак, и ночь за ночью люди спасаются от него на русской печи. Млея от ужаса, причитая и плача, они сидят там в страшной тесноте до утра...

В редчайших случаях психические воздействия в контактной зоне не происходят вообще. Они подменяются воздействиями сугубо физическими. Тому пример — занятное местечко рядом с барельефом В. И. Ленина перед входом в парк культуры в Москве, на котором регулярно спотыкаются люди.

Изредка нечистая сила оставляет следы в реальном вещном мире. Следы эти — всегда мокрые!

В квартире семьи Шатовых, по которой долго бродил призрак утопленника, оставались мокрые отпечатки подошв мужских ботинок. Ну, словно призрак хотел подчеркнуть этим, что вылез он из-под воды, со дна реки... Ирина Куд-ряшова после жуткого по смыслу ночного разговора с четырьмя привидениями в черных балахонах обнаружила утром странную вещь. Ее халат, висевший на стуле, оказался мокрым насквозь... А Михаил Онищенко угодил под струю воды, прицельно выплеснутую в него неведомо откуда. Едва Михаил прилег отдохнуть на постель, как обрушился на него сверху ледяной поток: «Я — весь мокрый с ног до головы, и простыня, подушка — тоже мокрые!»

Случается, незваные гости идут на прямой тактильный контакт с людьми. В результате набухают синяки на человеческом теле. Одни синяки, как мы с вами помним, загадочным образом исчезают с тела через несколько часов. Другие же держатся неделю и даже больше.

Синие кольца остались на запястьях Надежды Парпиевой после того, как низкорослая волосатая тварь ухватила женщину за эти самые запястья.

Некий «амбал с каким-то землистым лицом» схватил среди ночи другую женщину — Елену Павлову — за левую руку и попытался стащить ее с кровати. Синюшные отметины от его мертвой хватки держались на запястье две недели.

А вот в другом случае синяки лишь на короткое время остались на теле жены моего приятеля Николая Антонникова, слышавшей, как некто невидимый бродил по ночам по квартире, однако — что озадачивает! — не почувствовавшей его прикосновений. Я специально уточнял этот нюансик в беседах с женой Николая.

Тактильные контакты с нечистью, впрочем, далеко не всегда оборачиваются теми или иными повреждениями на человеческой коже.

Невидимая лапа хватает за руку пенсионерку Веру Волкову, когда та лезет в гардероб за перчатками. Однако она не оставляет на руке никаких следов.

Хозяйка «квартиры с домовым» в городе Советске настаивает, что ей не померещилось, когда она ощутила — нечто незримое, мохнатое и очень холодное трется о ее босые ноги. Потерлось и ушло; следов на ногах не осталось.

Мохнатое «оно»... Одна из форм существования нечистой силы.

Некий мохнатый сгусток, отчетливо на сей раз видимый, спрыгнул с потолка в той квартире в Советске и чувствительно шлепнулся на грудь семилетнему сыну хозяйки дома. Нечто опять-таки «мохнатое, лохматое размером с крупную собаку, но весом с медведя» вспрыгнуло на грудь другому человеку — Людмиле Остриковой. «И давай вдавливать меня в постель!» — сообщает Острикова. А за несколько дней до этого точно так же давил ее иной аномальный объект, похожий на туго натянутую белую простыню.

В свою очередь, Ивана Ларчева давил верзила, поросший шерстью: «Поперек моего тела — черный человек».

Нечистая сила давила, душила Ядвигу Безрученко, Татьяну Малову, Михаила Онищенко, Антонину Орлову, друга Ивана Игнатовича.

М. Онищенко: «Обрушилось на меня ощущение чудовищной тяжести, словно упал сверху, прямо с потолка мешок с цементом!» Друг И. Игнатовича: его придавило так, «словно навалили бетонную плиту». А. Орлова: «Осознаю, что я — каменная статуя. Самое страшное, самое невероятное: ни один мускул в теле не шевелится, мускулов будто нет вообще. Живут только мозг и глаза».

Бывает, что абсолютный паралич, сходный с описанным А. Орловой, разбивает человека в условиях «контакта с чуждым», который не сопровождается ощущением непомерной, наваливаемой сверху тяжести. Нечисть просто обездвиживает человека, не взваливая при этом на него «бетонную плиту».

Ирина Кудряшова: «Чувствую, меня всю парализовало тут же!» Владислав Обедзинский: «Чувствую, не могу пошевелить даже пальцем. Руки, ноги скованы как столбняком». Валентина Елисеева: «Тело оказалось скованным, словно его плотно спеленали бинтами».

Вывод совершенно очевиден. Он напрашивается.

«Силы тьмы» блокируют мышечные реакции людей, вгоняют несчастных контактеров в столбняк, дабы те, охваченные страхом и ужасом, не дергались — не дрыгали руками и ногами и, самое главное, не имели возможности самовольно покинуть контактную зону. Вогнав же в столбняк, «силы тьмы» начинают, по всей видимости, немедленно взаимодействовать со своими жертвами на не ощутимом для них, как правило, уровне. Скажем, безвозвратно заимствуют что-то у жертв...

А теперь — об обличье нечистой силы.

Призрак утопленника в доме семьи Шатовых был похож на черную дымчатую человекообразную фигуру. Друг И. Игнатовича тоже узрел перед собою черный человекоподобный силуэт. Ядвига Безрученко видела со спины удаляющуюся темную мужскую фигуру. По описанию Анны Гуд-зенко, полуночный гость был «парнем, похожим, как в сказке, на «арапа». Весь черный. Совершенно лысая голова. Толстые губы». Большой и опять-таки черный силуэт мотал нервы Татьяне Филипповой. А перед Еленой Павловой возник «здоровенный амбал с лицом какого-то землистого цвета».

К Ларисе Глушец наведывался крупный мужчина в черном балахоне, похожем на рясу. Ирину Кудряшову посетили четверо мужчин в черных свободных одеяниях, напоминающих монашеские.

Иван Ларчев: это был «черный человек. Совершенно голый мужик. Самое же поразительное — он весь зарос черной-пречерной густой шерстью. Даже лицо было покрыто черными волосьями». Татьяна Малова: «Лохматый, кучерявый, черный. Голый! Весь обросший шерстью с головы до пят. На роже — тоже шерсть». Надежда Парпиева: «Человекообразное существо, лохматое, волосатое с ног до головы. Ростом оно было около метра».

При других обстоятельствах та же Парпиева увидела нечистую силу в ином обличье: «Возле моей кровати стоял старик. Длинная седая борода... Очень длинные белые волосы на голове... Морщинистое лицо... У него были незрячие глаза. Каждый глаз был покрыт бельмом».

1992 год. Москва. Справа на снимке — голова привидения. Она опознается мгновенно. Это лицо популярного современного певца А. Буйнова, здесь полупрозрачное
Как указывается в книге, «силы тьмы» любят и умеют принимать людской облик. На снимке: облик популярной личности. В момент съемки привидение не наблюдалось на визуальном уровне.
Фото майора милиции В. Баранова

Еще один старик выплывал из потусторонней мглы тоже в ясно различимом, внешне вполне плотном, физическом теле. Я толкую о призраке колдуна в деревне Садыганово Кировской области.

Фигуры в белых свободных одеяниях являлись к Маргарите Храмцовой, Ирине Никифоровой, Владиславу Обедзинскому, Валентине Елисеевой.

М. Храмцова: у фигуры в белом «вообще не было лица! Вместо него я увидела растянутый по вертикали овал». И. Никифорова: «Стоит возле постели женщина в белом одеянии. Запомнились длинные волосы до плеч, полностью скрывавшие ее лицо, склоненное надо мною». В. Елисеева: «Одежда на ней — белого цвета, похожа на хламиду».

А в деревне, что в Пермской области, выскочил изо рта занедужившего мужика крохотный и абсолютно материальный чертик величиною с сигарету. У него было тельце, анатомически похожее на человеческое, но лапки походили на собачьи и оканчивались когтями. Другой контактер — пенсионерка В. Волкова — наблюдала появление тоже «черта с когтями» на стадии его материализации: «Появился клок тумана, потом — туманный силуэт, а потом — уже не силуэт, а живая тварь. Это был карлик, на руках у которого вместо пальцев торчали большие кривые когти. Карлик был голый, весь поросший коричневой шерстью».

Материализацию «дьявола» узрела собственными глазами и экстрасенс Татьяна Махотина. Изо рта ее пациентки выплыло дымное облачко, тотчас же сконденсировавшееся в мужскую голову.

Жуткие превращения происходили с неопознанным незнакомцем и в трюме шхуны «Элизабет». Их свидетель офицер КГБ увидел, мужчина в черной водолазке и черных широких штанах, имеющий многочисленные рожки на голом черепе,

обернулся в одночасье монстром. У монстра был острый клинообразный подбородок, а пальцы на руках оканчивались длинными когтями. Как и многие другие монстры, он был голый и покрыт темной шерстью.

В кошмарное чудовище, отчасти похожее лицом на монстра с борта «Элизабет», превратился на пару минут сослуживец Владимира Чащикова. Его лицо претерпело невероятную трансформацию. Оно обрело удлиненную форму, на нем появился длинный нос, а подбородок стал похож на узкий клин. Уши вжались в череп, и на них отросли кисточки.

И еще случай оборотничества нечистой силы: кровь застыла в жилах Татьяны Маловой, когда она увидела перед собой волосатого чертика с лицом ее собственного сына, мирно спавшего в тот момент в соседней комнате.

По сообщениям контактеров циркулирует тема горящих глаз у многих домовых.

В. Чащиков: «Глаза запылали, осветившись изнутри кровавым светом». В. Елисеева: «Глаза горят, как две включенные фары!» В. Волкова: у карлика с когтями «глаза пылали как раскаленные угли». Н. Парпиева: у волосатого лилипута были «странные глаза — пылавшие огнем, как две красные электрические лампочки». Т. Малова: «Глазищи пылают адским пламенем, как обмазанные белым фосфором».

Меняя обличья, варьируя свои маски, нечистая сила любит пугать, умеет пугать и лишь ради того, чтобы пугать, в наш мир заявляется.

Иной раз люди собственными глазами видят, как происходит смена обличья у нечисти. Увиденное вызывает у очевидцев сильнейший психологический шок — на радость «силам тьмы».

Пенсионерка В. Волкова, перепуганная до дрожи, спешит за подмогой к своим соседям: «Помогите, люди добрые!» Да и как тут, скажите, не перепугаться, когда возникает в комнате, взявшись невесть откуда, клок тумана. Клок в темпе преобразуется в туманный человекообразный силуэт. Это само по себе уже страшно. Оказывается, невидимка, долгое время буянивший в ее квартире,— совсем не невидимка. Невидимость — лишь одна из форм его существования. Выясняется, что другая форма — туманный силуэт, похожий на человека... Но затем происходит нечто совсем уж кошмарное. Далее выясняется, что у существа есть и третья форма, третья маска: облик уродливого карлика с когтями.

Карлик шевелит этими крючковатыми когтями, демонстрируя их нашей обалдевшей пенсионерке... Садистски оскаливается... Бр-р-р! Тихий ужас!

Любой на месте пенсионерки заверещал бы от страха в такой ситуации и кинулся бы за помощью к соседям...

Экстрасенс и ясновидящая Т. Махотина, шокированная и беспредельно перепуганная, бежит сломя голову прочь от дома, в котором «дьявол» вышел из человека в ее присутствии. И даже, может быть, при ее непосредственном участии. Почти наверняка — при ее участии! Сама того не желая, Татьяна вмешалась в грозные дела Мира Тьмы.

Она — в ужасе.

Материализация «дьявола», между прочим, происходила тут по схеме, знакомой нам по «случаю Волковой». Туманное облачко, выплывшее изо рта пациентки Т. Махотиной, сконденсировалось в мужскую голову с глазами, бешеными от ненависти.

В полном шоке был и В. Чащиков, узревший, как некий демон ненадолго вселился в его сослуживца. Лицо последнего почти мгновенно трансформировалось в дьявольскую образину.

Обратная трансформация произошла с чертиком, возникшим перед Т. Маловой. Чертова харя была подменена головой малолетнего сына этой женщины.

Сатанинский облик обрел и мужчина с рожками на голове в трюме шхуны «Элизабет», оказавшийся оборотнем. Описание внешности волосатого монстра с кривыми когтями, а также отчасти описание мужчины с многочисленными рожками на черепе, превратившегося в того монстра, смахивают на горячечный бред душевнобольного. Однако оба описания сделаны очень даже здравомыслящим человеком — офицером...

Или — «случай семьи Шатовых». В их квартире поначалу орудовал некий невидимка, затем объявилась темная человекоподобная фигура с размытыми очертаниями. А затем были обнаружены мокрые следы, оставленные вполне, так сказать, материальными ногами.

Здесь — три формы существования «сил тьмы», в которых те силы проявляют себя в мире живых людей. Невидимка. Полуматериальное темное расплывчатое тело. И, наконец, некто, оставивший совершенно материальные следы.

Вспомним также: в «квартире с домовым» в городе Совет-ске сначала что-то пробежало по стене, топая крохотными ножками. Затем это что-то спрыгнуло на пол. В момент прыжка «оно», по всей видимости, претерпело некую трансформацию, ибо его «походка» на полу изменилась заметным образом. «Оно» заскакало по полу, как лягушка. Через несколько дней «оно» же обрело вид дымчатого сгустка, перемещавшегося туда-сюда под потолком комнаты. Параллельно таинственное «оно» время от времени проявляло себя, попугивая хозяев дома, и как некое незримое существо, поступь которого не была слышна.

Не думаю, что ударюсь в какие-то беспочвенные фантазии, если скажу: нечистая сила умеет менять свой облик, и все те образы, в каких она является людям, есть не что иное, как ее маски. Лживые маски! Они используются нечистью в качестве средств психологического воздействия — для запугивания людей.

Эту мою гипотезу о лживых масках я хочу распространить на все без исключения формы проявлений «сил тьмы» в нашем мире.

Фигуры в черных одеяниях и призраки в белых одеждах, голые черные здоровенные мужики и низкорослые карлики, «пушистые существа» и дымчатые силуэты — все это не более чем камуфляж. Все это — устрашающие театральные маски, используемые в «спектакле ужасов» силами, которые на самом деле не имеют никакой внешней формы!

По своей истинной природе они — энергетические сгустки. Они — сущности, не обладающие постоянной формой, или телом.

В мире живых людей все они без исключения решают одни и те же задачи. Действуют по одному и тому же сценарию. Реализуют один и тот же план, независимо от внешнего облика, демонстрируемого ими людям. Демонстрация облика — часть того плана.

Их тактическая задача—запугать человека до дрожи, почти до смерти. А стратегическая — вселиться на какое-то время в него, взять управление его биоэнергетикой в свои руки. Разговоры, которые нечистая сила ведет с людьми, подтверждают мое понимание задач, решаемых «силами тьмы». Полуночный гость, неоднократно навещавший друга И. Игнатовича, психологически обрабатывал его,

нашептывая на ухо жарким мужским шепотом: «Ненавижу тебя! Уничтожу!.. Если не сегодня, так завтра или послезавтра непременно уничтожу...»

А ведь не уничтожил. Солгал!

Его угрожающие по смыслу речи оказались на поверку форменным враньем. Нам с вами понятно, ради чего они велись — решалась тактическая задача.

Та же самая задача решалась, когда нечисть предстала перед Татьяной Филипповной в облике большого черного силуэта. Страшным загробным голосом силуэт вещает: «Я хочу лишить тебя жизни!» Филиппова, охваченная кромешным ужасом, впадает в панику в ожидании перехода от слов к делу. Она уже почти прощается с жизнью...

А дела-то и нет! Призрак хочет лишить женщину жизни, но не может. Или, скорее, вовсе даже и не хочет угрохать обалдевшую от его речей Татьяну, а просто-напросто опять-таки нагло врет. Запугивает.

Тем же самым занимается и демон, вселившийся на пару минут в сослуживца Владимира Чащикова. Пустив в ход одно средство устрашения — дьявольскую маску, он параллельно задействует и другое: эффект акустической психической атаки. Демон рычит: «Всех уничтожим. Всех!..»

Подобным манером ведет себя и мужчина в черном балахоне, ночь за ночью вторгающийся в дом Ларисы Глушец'. Вот отчет Ларисы: «Он все время донимает меня своими разговорами, вся суть которых сводится к бесконечным угрозам».

Лобсанг Рампа, родом из Тибета, всемирно известный автор сериала книг об аномальных явлениях, пишет в одной из них:

— Привидения — это просто эфирная сила, которая блуждает по Земле... В конце концов эфирная сила, или эфирный двойник, растворяется.

По данным экстрасенсов, у каждого человека есть три тела: физическое, эфирное и астральное. Когда срок жизни человека на Земле подходит к концу, физическое тело перестает функционировать. Из него выделяется эфирный двойник, внутри которого, как в капсуле, сидит астральное тело. Затем астральное тело, или душа, покидает капсулу и устремляется в замогильную вселенную.

А эфирный двойник, как исчерпавшая свое назначение вещица, отшвыривается душой на помойку потусторонней жизни. Двойник продолжает какое-то время вести там самостоятельную жизнь. Важно здесь подчеркнуть, что, по данным ясновидящих, у него есть что-то вроде остаточных следов разума, принадлежавшего человеку, душа которого ушла в параллельную реальность — на тот свет.

До этого момента эфирный двойник был составной частью того человека — его энергетическим каркасом, исполнявшим сугубо технические, то есть вспомогательные для человеческой личности функции. Он жил за счет энергий, циркулировавших в живом человеческом теле. Но вот тело умерло. А с его смертью отпала необходимость и во вспомогательном энергетическом приспособлении, эфирном каркасе. Душа умершего отшатнулась от бесполезного теперь каркаса. Ни секунды не мешкая, она эмигрировала на тот свет.

Эфирное тело осталось беспризорным.

Самое же главное — исчез источник его непрерывной подзарядки, его персональная «электростанция», уложенная в обесточенном состоянии в гроб и закопанная в землю.

Энергетические силы эфирного двойника быстро убывают. Он начинает стремительно разряжаться. Вскоре ему предстоит истаять без следа и превратиться в буквальном смысле слова в ничто.

Но ведь он — существо, худо-бедно мыслящее! Ибо ранее был частью человека, подсобным инструментом его души, от которой кое-чего поднахватался, как собака — от своего хозяина... Двойник с ужасом осознает, что лично его существование, в отличие от расставшейся с ним души, имеет оглушительную финальную точку.

Между тем двойник не хочет превращаться в ничто, в пустое место. Он желает жить!

Дабы как-то извернуться — оттянуть неизбежный финал, ему необходимо время от времени пополнять свой энергетический запас из каких-то источников.

Эфирному двойнику ведом один-единственный такой источник — живой человек. Других источников он попросту не знает. Не обучен взаимодействию с ними.

И двойник с разбойным посвистом устремляется в мир живых людей в поисках животворных соков для подпитки своих убывающих сил.

Судя по тому, что сообщения о встречах с нечистой силой относительно редки, лишь очень немногим эфирным двойникам вообще удается добраться до живого человека. По всей видимости, подавляющее их большинство истаивает в пути без дела, так и не достигнув цели. Наверное, лишь самые, так сказать, энергетически сильные, «мускулистые» добиваются своего. Успевают вломиться в мир живых из мира мертвых, не сгинув в дороге.

Самые «мускулистые», сиречь самые оголтелые, самые напористые и наглые — злобные и бешеные. Им отчаянно нужна «энергия жизни»! А чтобы прорваться к ее источнику, требуется разнести в клочья защитные рубежи того источника, пробомбить дыру в ауре живого человека.

Однако это не так-то просто сделать. Ибо аура обволакивает человеческое тело плотным яйцеобразным электромагнитным коконом. Она многослойна и является надежным колпаком, оберегающим ее носителя от вредных посторонних энергетических воздействий.

Это не останавливает двойника. У него нет выбора. Стать на подсос к живому донору—его единственный шанс выжить.

И — начинается бомбежка!

Осуществляется массированная психическая атака на донора, который даже не подозревает о том, что служит таковым для эфирных вампиров.

Наверное, защитные механизмы в человеческой ауре дают какие-то сбои, а то и вовсе ненадолго выходят из строя, когда человек переживает ситуацию стресса. Достаточно хорошенько припугнуть его, и защитные потенции резко ослабляются. Напуганный, паникующий человек оказывается уязвим для бандитов, рвущихся к его энергозапасникам.

Вот бандиты и ударяются во все тяжкие, дабы вломиться в чужие кладовые. Ключ к тем кладовым — страх.

Не имея физически плотных рук, ног и тел, эфирные вампиры пользуются для своих устрашающих трюков, демонстраций двумя полями, из которых, по моей догадке, вампиры собственно и состоят. А именно — электромагнитным полем и гравитационным полем.

Двух этих полей как раз достаточно для того, чтобы по комнате «самопроизвольно» запрыгали табуретки, залетали книги, начали зажигаться огоньки, похожие на пламя свечи, возникали, как, например, в трюме «Элизабет», зеленоватые свечения, взрывались сами собой спичечные коробки. Непосредственно два этих поля в их взаимодействии необходимы и для плотной блокировки биоэнергетических и двигательных функций человеческого тела. Аурическая

биоэнергетика подавляется электромагнитным полем, а двигательные функции мышц — гравитационным. Нечисть «давит» человека. Или если не «давит», то парализует его. Как выразилась одна дама, пережившая подобный кошмар: «Живут только мозг и глаза».

Нечистая сила терроризирует свои жертвы, являясь им в разных обличьях, при одном виде которых волосы на головах терроризируемых встают дыбом.

Опять же для создания устрашающих фантомов необходимы именно те два поля. Электромагнитное — для возбуждения нужных частот в видимой части спектра: для воспроизведения облика того или иного жуткого призрака. И гравитационное — для создания иллюзии, что у призрака есть физически плотное тело: люди, млея от ужаса, нередко чувствуют, как монстры хватают их за руки и плечи. По данным контактеров, прикосновение монстра — одно из самых незабываемых неприятных переживаний.

Когда потребность в созданном нечистью фантоме исчерпывает себя, тот в мгновение ока исчезает — растворяется в воздухе. А это лишний раз указывает на то, что он является сугубо полевым образованием. Эфирный двойник меняет в нужный момент «настройку», полевые характеристики созданного фантома, и объект в ту же секунду просто перестает существовать... Запугав человека до полного мандража во всех его членах, ошеломив кошмарными своими выходками и, случается, еще более кошмарными речами, нечисть тем самым на какое-то время «выключает» его защитные системы. И тут же проникает внутрь аурического яйца. Там она становится на всестороннюю подпитку к чужому энергетическому запаснику.

Нечистая сила живет за счет живых людей!

По утверждению многих ясновидящих, каждому из нас отпущен свыше строго определенный «пакет», «объем» личной биоэнергии. «Объем» постепенно и очень экономно расходуется телом и аурой человека на протяжении всей его жизни. Только йоги и профессиональные экстрасенсы умеют — да и то лишь по капелькам! — пополнять свои «объемы» за счет энергии, поступающей извне,— за счет так называемой пра-ны. Воровская откачка жизненных соков из «объема», данного человеку от роду, неизбежно, как я понимаю, должна вести к сокращению срока жизни энергоносителя.

Эфирные вампиры крадут минуты, часы, дни и даже, может быть, месяцы, годы жизни своих доноров...

А теперь давайте забудем об этой эфирной гнили и перейдем к обсуждению действий, поступков несравненно более интеллигентной публики. Поговорим об акциях, учиняемых на Земле операторами НЛО, или экипажами «летающих тарелок».

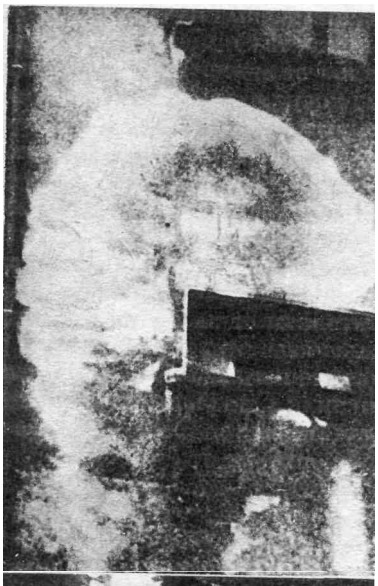


Фото 1. Этот снимок, сделанный в 1985 году, прислал врач В. Флеров. На нем — стена дома с крупным мокрым пятном. Прорези в стене — окна ванных комнат и кухонь. Пятно появилось в результате того, что в доме лопнула канализационная труба

К изумлению жильцов дома, в пятне на стене проступило огромное мужское лицо, обрамленное пышной шевелюрой.

Кто это? Выходец из канализационных труб?

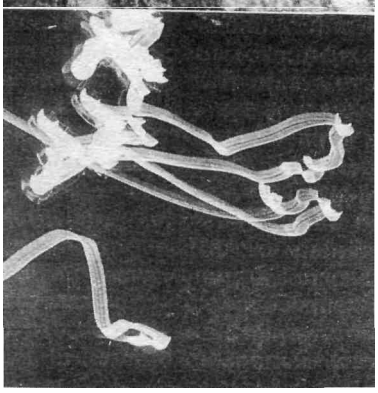


Фото 2. Возможно, что именно по канализационным трубам нечистая сила ворвалась в 1993 году в одну московскую квартиру. В ванной комнате там обосновался некий невидимка. Хозяин дома сделал фотографию ванной комнаты. И фотоаппарат «увидел» то, чего не видели человеческие глаза в момент съемки.

На снимке: в воздухе извиваются на фоне кафельной стены некие светящиеся «ленты», «змеи».

Может быть, фотокамере удалось подсмотреть истинный облик нечистой силы?

Часть 2

СЛУЖБА НАДЗОРА НЛО

Я думаю, что мы — недвижимое имущество, аксессуары, скот... Я думаю, что нас ловят, как рыб. Может быть, нас высоко ценят гурманы высших сфер? Я восхищен при мысли, что в конце концов могу быть полезным хоть для чего-нибудь. Я уверен, немало сетей тянут по всей нашей атмосфере...

Ч. Форт. «Книга проклятых». Нью-Йорк. 1919

Проблема планеты Трон

Загадочные происшествия... Невероятные события... Встречи с чудесным, необыкновенным... Странные случаи из жизни вполне обычных, более чем рядовых людей, живущих отнюдь не в мире волшебных сказок... Записями о них полны мои рабочие блокноты.

Просматривая записи, я ощущаю себя летописцем чудес, составителем хроники фантастических диковин — небывальщин да невидальщин, которые между тем были. Во всяком случае, люди, пережившие, по их словам, кошмар «встречи с чуждым», настаивают на достоверности своих сообщений о пережитом. Такие встречи, заявляют они, не явились плодами их фантазии, внезапно психопатологически разбушевавшейся. И я решительно не понимаю, почему я не должен верить тем самым людям, в большинстве своем скромным, простосердечным.

Они заведомо не ищут славы. Они хотят единственного: выговориться. Хотят, чтобы их выслушали. Причем выслушали без насмешки, без едкой иронии во взгляде и без кручения указательным пальцем у виска.

«Встреча с чуждым» — всегда тяжелейший стресс в жизни человека. Она оставляет в сознании, в психике мощный очаг раздражения. Очаг не желает затягиваться мглой других житейских воспоминаний, подобно промоине на болотной ряске. Он, как я понимаю, пульсирует постоянно.

«Забыть эту жуть невозможно. Время от времени я возвращаюсь памятью к случившемуся. Вдруг накатывают волной воспоминания — отмечу, накатывают всегда внезапно, то есть как бы помимо моей воли. Когда это происходит, я осознаю, что помню происшедшее во всех деталях, словно оно приключилось вчера»,— сообщает Татьяна Мызина из Ашхабада. Рассказ о «случае Мызиной» — впереди.

«Вся цепочка событий врезалась в мою память навечно»,— информирует Михаил Бабкин из Ростова-на-Дону. Рассказ о «случае Бабкина» — тоже впереди.

— Выслушайте меня! Это было на самом деле и это абсолютно незабываемо! — таков крик души, в тех или иных стилистических вариантах проходящий рефреном сквозь показания контактеров.

В частности, с сакраментального «Выслушайте меня!» начиналось письмо с почтовым штемпелем «Иваново» на конверте. «Да, выслушайте, ради Бога,— было начертано в нем.— Я — не псих, а то, что сейчас расскажу, есть истинная правда,

пусть и похожая на бред параноика. Подчеркиваю, я помню обстоятельства тех странных событий во всех деталях...»

Автор письма Вениамин Курочкин, имеющий постоянную прописку в городе Иваново,— профессиональный артист цирка. Она много ездит в составе цирковой бригады по стране. Две «встречи с чуждым», о которых он поведал в своем письме, произошли в ходе гастрольных поездок.

Как вы сейчас убедитесь, в сообщении В. Курочкина выплывет загадочное словечко «Трон».

Я списался с Вениамином, попросил его с максимальной честностью ответить на вопрос: не доводилось ли ему ранее слышать или читать что-либо о явлении либо предмете, называемом Троном с большой буквы. Нет, последовал ответ, не доводилось. «Я вообще редко читаю газеты, а уж тем более книги. Работа артиста цирка отнимает все мое время»,— проинформировал меня В. Курочкин.

Как-то раз поздним вечером весной 1990 года Вениамин, сильно уставший после очередного циркового представления, укладывался в гостинице спать. Едва успел он растянуться на койке, как в его одноместный гостиничный номер плечом к плечу вошли трое. Вошли прямо сквозь стену! В центре группы шествовала женщина, а слева и справа от нее — мужчины. Очень высокие ростом, все они были одеты в костюмы, напоминавшие спортивное трико. Костюмы были дымчато-пепельного цвета.

Один из вошедших выглядел пятидесятилетним мужчиной. А другой казался значительно моложе — примерно лет тридцати. Женщина, по словам Вениамина, тоже была молодой.

«И вот что самое поразительное,— пишет Курочкин.— Они выглядели почти прозрачными! Сквозь них, как сквозь туман, было видно все, находившееся в комнате позади этих незваных гостей».

Троица полупрозрачных визитеров молча подошла к цирковому артисту, замершему в испуганной прострации на постели.

Вениамин, трясясь от страха, спросил:

— Кто вы?

— Трон,— коротко проронил пятидесятилетний мужчина.

— Трон? — переспросил Курочкин, сосредотачиваясь взглядом на мужчине.— Это ваше имя?

— Нет. Мы — Трон. Все мы — Трон,— произнес тот в ответ фразу, смысл которой ускользнул от Вениамина.

А женщина наклонилась, протянула к нему руку, и Курочкин тотчас же погрузился в какой-то голубоватый туман.

На другой день утром он безуспешно пытался припомнить, что же произошло потом — что делали с ним в том голубоватом тумане таинственные визитеры. Не вспоминалось. Хуже того, всякая его попытка оживить собственную память оканчивалась тем, что голову стягивал болевой обруч. Давило, как свинцовой лентой, обхватывавшей лоб, виски, затылок.

Миновало более двух лет...

Летом 1992 года цирковой коллектив выступал в городах, расположенных на побережье Азовского моря. Теплым летним вечером полупрозрачная троица вдруг вновь навестила Курочкина. Как и в прошлый раз, она вошла в одноместный гостиничный номер непосредственно сквозь стену. Визит опять закончился тем, что сознание Вениамина затмилось голубоватым туманом.

Однако погружению в туман предшествовал короткий разговор неведомых посетителей с человеком, сопровождавшийся демонстрацией некой «картинки». Курочкин особо уточняет — на сей раз в ходе беседы он почему-то не испытывал чувства страха либо даже ощущения минимального психологического дискомфорта.

— Наверное,— предполагает он,— это они сами сделали так, чтобы я не боялся их. Отключили у меня чувство страха.

Вениамин увидел «картинку» — гигантскую трубу изнутри, в которой мчались навстречу друг другу, закручиваясь спиралями, два «потока энергии», по его определению. В стенах трубы были большие овальные окна. За окнами неясно просматривались какие-то загадочные сооружения.

«Картинка» висела в воздухе левее полупрозрачной троицы, замершей в нескольких шагах от постели, на которой лежал в тот момент Вениамин.

Разглядывая «картинку», Курочкин почесал рукой в затылке и задал вопрос, который немножко озадачил его самого. Вопрос словно бы сам сорвался с его губ:

— Что это? Машина времени?

— Вы неправильно понимаете время,— ответил на чистом русском языке пятидесятилетний мужчина в дымчатом спортивном трико.— Хотя в природе, действительно, имеется нечто похожее на машину времени в вашем понимании.

— А как же такая машина работает? — полюбопытствовал Вениамин.

— Существует несколько способов передвижения во времени. Есть, например, коридоры в пространстве, о которых вы, люди, даже не имеете представления... Видите эти винтообразные потоки в трубе, несущиеся навстречу друг другу?

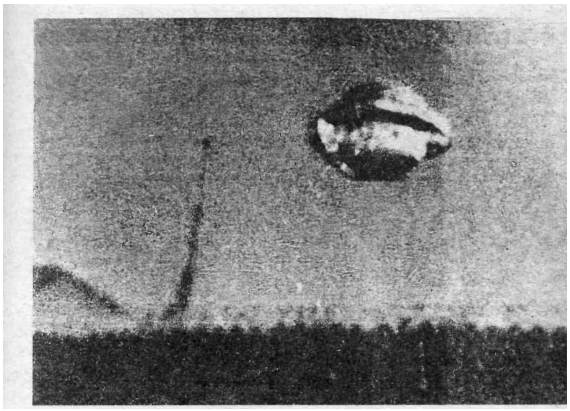
— Вижу.

— За ними — большое будущее для вашей цивилизации. Их можно использовать на благо людям.

— Каким образом?

— Даже если мы ответим, вы все равно ничего не поймете... Послушайте наш совет. Перестаньте носить наручные часы!

— Наручные?



Снимок НЛО, сделанный в середине восьмидесятых годов в сельской местности. К сожалению, при съемке был использован очень старый разболтанный фотоаппарат. Его механизм сильно царапал пленку при перемотке, что и отразилось на качестве этой фотографии.

— Да. Часы на запястье. Ритмы Вселенной не совпадают с земным временем, и от этого у вас на Земле — много ненужных проблем.

— Вот как,— пробормотал Курочкин.— Хм... Ну, а как все это увязывается с часами на моей руке?

— Снимите часы с запястья и носите их в кармане. Часы на запястье — вредная штука, «глушилка» для ритмов Вселенной, отчасти проникающих в темпоральное поле Земли и в биоритмы вашего личного биологического времени. Кроме того, перестаньте употреблять алкоголь, включая пиво. Вы запомнили, что вам было сию минуту сказано?

— Запомнил.

И сознание Вениамина Курочкина заволокло в следующий момент голубоватым туманом.

Выделим ключевой, как мерещится мне, элемент сообщения В. Курочкина — малопонятную фразу полупрозрачного пятидесятилетнего мужчины «Мы — Трон. Все мы — Трон».

В следующем разделе я подробно расскажу другую контактную историю, в которую волею судеб оказался вовлеченным лично. Там звонкое это словечко — Трон — будет сиять мощно, как фонарь, наполненное, в отличие от «случая Курочкина», глубоким смыслом. Там оно всплывет в необычайно интересном, контактном контексте.

Предваряя здесь тот рассказ, довожу до вашего сведения, что совершенно сознательно намереваюсь дать в нем пищу для любителей едко посмеяться над достоверностью сообщений о странных встречах. Другими словами, собираюсь вполне обдуманно подставиться под удар ироничной, критически настроенной аудитории. То, что будет изложено в следующем разделе,— отменный повод освистать, сладострастно улюлюкая, тему «встреч с чуждым» как таковую.

Ничего не имею против. Улюлюкайте. Освистывайте. Я дам вам в руки увесистый, как кувалда, повод для этого.

Но прежде чем начинать свои радостно-разбойные, критические посвисты, внимательно дочитайте следующий раздел до конца. А затем будьте любезны четко, внятно, без демагогических фигур речи ответить вот на какой вопрос. Откуда героиня следующего раздела узнала название некой планеты, которое впервые было обнародовано в нашей прессе спустя девять месяцев (!) после моих встреч с той женщиной? Звучит название так: Трон.

Ответьте не менее четко, внятно и на другой вопрос. А откуда В. Курочкин, почти не читающий газет и книг, смог «позаимствовать» непонятное в контексте его сообщения словечко, звук в звук совпадающее с названием планеты, только что упомянутой?

Планета, якобы называющаяся Трон... Цивилизация, якобы обитающая на планете Трон... Сообщения о контактах с якобы той цивилизацией... Они прошли широкой волной в начале девяностых годов по страницам нашей прессы.

Только что я трижды написал «якобы», ибо все известные нам о Троне сведения требуют крайне осторожного подхода к ним. Мы в принципе не располагаем никакими доказательствами в пользу версии о существовании такой планеты в природе, за исключением целого букета сообщений о телепатических сношениях с аборигенами якобы Трона. Те, кто внедряют свои психические щупальцы в мозги контактеров, представляются «людьми планеты Трон». Следом за контактерами мы вынуждены верить им на слово.

Мы не ведаем, насколько правдива их презентация.

Может быть, она полностью ложна.

Может быть, за сладкими речами о сверхцивилизации Трона, осторожно помогающей землянам двигаться верным путем (есть и такие рапорты!), скрывается нечто, напротив, преступное и для нас, людей, гибельное? Может быть, нам морочит голову некая шайка духов, вступивших в бандитский сговор,— вроде тех, что носились стаями по предыдущей части моей книги? И байки про планету Трон — не более чем повод для этих загробных мошенников войти в психобиоэнергетический контакт с живыми людьми? Последние наивно развешивают уши, слушая чарующие

россказни про добрых дядей с Трона, а тем временем из них, простаков, перекачивается в энергорезервуары незримых эфирных жуликов «энергия жизни»...

Право же слово, не знаю — что тут и сказать.

С равным успехом можно допустить и прямо противоположное: вся поступающая с Трона информация верна.

Так или иначе, мы с вами категорически не знаем, что разыгрывается перед нами в данной ситуации. Что это?

Может быть, любые контакты с кем бы то ни было тут ни при чем? И здесь — всего лишь трагедия некоего загадочного массового психоза? Нечто вроде психовируса, перемещающегося по России подобно облаку саранчи. Помимо прочих своих выкрутас, вирус, в частности, бьет по поражаемым им мозгам звуковым сигналом «Трон... Трон...», заведомо лишенным смысла. А все остальное, вся дополнительная чепуха про внеземную цивилизацию выдумывается, домысливается людьми, инфицированными вирусом.

Или же все-таки это вовсе не психоз, а вполне всамделишный фарс, устраиваемый призрачными сущностями, энерговампирами?

Или — в самом деле, если поверить в суть передаваемой информации, величайшая мелодрама с библейским уклоном? Добродушно-отеческие беседы мудрых «богов» Трона с простоватыми туземцами Земли?

К слову сказать, Трон — имя одного из главных халдейских богов.

А на санскрите словечко «Трон» означает место, на котором восседает верховное божество. Как известно, правосла-вянский язык — одно из лингвистических отпочкований санскрита. В русском языке это словечко сохранило смысл, приблизительно сходный с коренным значением. Трон — кресло русского царя, верховного владыки России.

Теперь возьмем поразительно близкое по звучанию слово «Троян».

Троян — древнеславянское божество. В апокрифе 12 века «Хождение Богородицы по мукам» Троян отнесен к высшим восточнославянским божествам. А в «Слове о полку Игореве» мифический певец Боян вводит сам себя в состояние поэтического транса, «рыща по тропе Трояна». Самое же любопытное: в «Слове...» Русская земля названа «землей Трояней» — во множественном числе. Бог Троян обретает многоликость. Некие небесные Трояне благоволят к земле Русской, надзирают за делами, творящимися на ее просторах. Более того, в «Слове...» обозначено однозначно: на Руси стоит бесконечный «век Трояней». Эта мифологема времени в том контексте, в каком она употреблена в «Слове...», ясно указывает именно на бесконечность «века Трояней» на Руси — века неких заоблачных, как я понимаю, смотрителей, надзирателей, пастухов русского народа.

Попробуем образовать производное от названия планеты Трон. Как бы вы на русском языке назвали гипотетичных обитателей Трона?

Трончане? Или... трояне?

Вот то-то и оно!

Ну, а современные наши корреспонденты с планеты Трон утверждают, что надзирают за развитием земного человечества с незапамятных времен...

Если здесь не случайное совпадение терминов, то выводы, вытекающие из него, носят чрезвычайный характер.

Термины «планета Трон», «цивилизация планеты Трон» впервые замелькали на страницах российских газет в статьях, повествующих о научных изысканиях группы во главе с В. Двужильным на Дальнем Востоке. Потом сообщения о телепатических

контактах с аборигенами Трона пошли со всех концов страны. Насколько мне известно, в прессе было опубликовано девять таких сообщений — то есть, согласитесь, немало.

В. Двужильный с коллегами проводил исследования на месте таинственного взрыва на так называемой высоте 611. По утверждению исследователей, в ходе работ в зоне предположительной гибели внеземного автоматического зонда стали поступать к ним «психические информации с планеты Трон» о многовековом надзоре троян за землянами и т. д. и т. п.

О результатах исследований команды В. Двужильного речь пойдет позже.

Несостоявшийся контакт?

Расскажу, как и обещал, о моих встречах с дамой, из уст которой я впервые в своей жизни услышал экзотично звучащее словосочетание «люди планеты Трон». Забегая вперед, сообщаю, что после моей второй и последней встречи с дамой я с бесповоротной грустью решил: она — сумасшедшая. Однако спустя девять месяцев после встречи стали, как я уже говорил, появляться в газетах статьи о событиях на высоте 611 на Дальнем Востоке.

И я совершенно опешил, читая в них о телепатических переговорах с «цивилизацией планеты Трон». Ведь девятью месяцами ранее я уже слышал о сходном контакте от той самой «сумасшедшей»! И даже... был вовлечен ею в контакт!

А случилось это в конце восьмидесятых годов в Ростове-на-Дону.

Однажды летом я вновь оказался на милой моему сердцу донской земле. И в очередной раз кинул, как говорится, клич среди тамошних моих знакомых — мол, люди добрые, порасспрашивайте своих родственников, приятелей и сослуживцев насчет любой «аномальной чертовщины». Может быть, кто-либо из них наблюдал проделки домового, общался с привидением, сталкивался нос к носу с оператором НЛО?

Вскоре потекли тонкой струйкой сообщения. Среди них была передана мне по длинной информационной цепочке коротенькая записка: «Давайте встретимся и поговорим. Это очень важно лично для вас, а не для меня». Далее указывался номер домашнего телефона автора записки, слегка меня заинтриговавшей.

Что имелось в виду в ней под словами «...это очень важно лично для вас...» В каком смысле — лично? Что — информация, которую хотел сообщить автор записки, каким-то непонятным образом касалась непосредственно моей скромной персоны? Спрашивается, каким именно?

Теряясь в догадках, я потыкал пальцем в телефонный диск, набрал указанный в записке номер...

А спустя ровно час стоял, маясь от нетерпения, на одном из центральных перекрестков города. Был конец августа. Ростов-на-Дону находится, как известно, на юге России. Знойное южное августовское солнышко буровило своими раскаленными лучами мои плечи и спину. Голова моя была непокрыта, но чудилось, на ней лежала, свисая на уши, круглая грелка, наполненная крутым кипятком. Спрятаться от жаркого дыхания небес было некуда. Ни единого деревца не росло на перекрестке.

Истекая липким потом, я то и дело поглядывал на свои наручные часы. Маргарита Николаевна — так звали автора той записки — вела себя вполне по-женски. Она опаздывала.

Часом ранее, услышав в телефонной трубке мой голос, она обрадовалась и предложила спешно повидаться с нею. Да, да, спешно, очень спешно, несколько раз

проронила Маргарита Николаевна. А потом сильно озадачила меня, отказавшись описать свою внешность — ну, дабы я смог опознать ее при встрече. Отказалась она выслушать и описание моей внешности, моих характерных примет.

— Как же мы с вами узнаем друг друга? — осведомился я, дивясь ее речам.

И вот что ответила Маргарита Николаевна — воспроизвожу ее слова в записи, сделанной мною сразу после окончания телефонного разговора:

— Они сказали, что сами узнают вас. Они сами подведут меня к вам.

— Кто — они? — вопросил я, продолжая недоумевать.

— Они — это они. И они надеются, что вы придете без опозданий на место нашей встречи, которое я сейчас укажу,— таким был ответ, выдержанный в лучших традициях женской логики. Он объяснял, ничего не объясняя.

«Они — это они».

Маргарита Николаевна оказалась последовательной женщиной и в своих поступках, а не только в речах. Потребовав от меня явки на рандеву с ней без опозданий, сама она, как говорится, «слегка задерживалась» — ну, как и водится это у всех женщин, назначающих свидания.

На раскаленном солнцем перекрестке недалече от меня тоже томились в ожидании еще двое мужчин... Небольшой пятачок перед кинотеатром «Буревестник» на том перекрестке был традиционным местом встречи многих ростовчан. Здесь назначались деловые свидания, а также — это уж само собой — любовные. Я пялился на прохожих, спешащих по каким-то своим делам мимо меня по улице туда-сюда. Ищущим взглядом я пытался на расстоянии определить, может ли та или иная женщина, приближающаяся по тротуару к перекрестку, оказаться Маргаритой Николаевной. Судя по ее голосу, звучавшему часом ранее в телефонной трубке, Маргарита Николаевна была дамой немолодой.

Вот я и высматривал среди прохожих женщину почтенного возраста, уповая на свою интуицию. Авось подскажет она, которая из немолодых дам, приближаясь к кинотеатру «Буревестник», направляется на встречу со мной.

Интуиция, увы, помалкивала...

— Вы — Алексей Прийма,— раздался вдруг откуда-то из-за моего плеча громкий голос.

Я обернулся.

Чуть склонив голову, на меня глядела в упор крупная полная женщина, ширококостная, плечистая, в тонком летнем платье с короткими рукавами. Было ей, если прикинуть на глазок, около шестидесяти лет от роду.

Ума не приложу, как умудрился я прозевать ее, возникшую рядом со мной словно из-под земли. Вроде бы тщательно просматривал потоки прохожих, вроде бы фиксировался вниманием на каждой даме, приближавшейся к месту, на котором я стоял... И вот — на тебе! Прозевал, прошляпил.

Ничего особенно примечательного не было во вполне ординарной внешности этой женщины, за исключением глаз. Глаза не мигая смотрели на меня — таращились этак неприятно давяще, будто гипнотизировали. Никогда в жизни не видывал я таких странных глаз. Зрачки в них были абсолютно черными — цветом в уголь!

— Я — Маргарита Николаевна,— представилась женщина, буравя мое лицо магнетическим, как у змеи, взором.— Здравствуйте.

— Здрасьте,— кивнул я в ответ и, снедаемый любопытством, поинтересовался с ходу: — Как вы узнали, что я — это я? Почему подошли ко мне, а не вон к тому, например, гражданину?

Поведя ладонью, я указал на одного из двух мужчин, недвижимо застывших на перекрестке в нескольких шагах от меня.

И услышал в ответ:

— Узнала вас в лицо не я, а они.

— Не понял. Кто — они?

Моя собеседница досадливо поморщилась.

— Погодите,— молвила она и резким требовательным жестом выбросила вперед руку.— Прикоснитесь своей ладонью к моей ладони... Они должны окончательно убедиться в том, что вы — как раз тот самый челночный агент, который им нужен.

Загадочное словосочетание — «челночный агент» — резануло мой слух.

Пожав плечами и недоуменно усмехнувшись, я сделал то, о чем попросили. Наши ладони слились в крепком рукопожатии.

В следующую секунду Маргарита Николаевна вдруг вся затряслась. Волны дрожи стали прокатываться сверху вниз по ее полному телу, словно бы пронзаемому электрическими разрядами. Между тем глаза с черными зрачками продолжали немигающе пялиться в упор на меня. Отчетливо помню, они ни разу не моргнули, покуда женщину колотили судороги.

Надо думать, зрелище было достаточно диковинным, ежели глядеть на то, что с моей собеседницей творилось, со стороны. Прохожие, огибая на перекрестке угол кинотеатра, оборачивались в нашу сторону, настороженно посматривали, проходя мимо, на пожилую даму, отплясывавшую передо мною нечто вроде пляски Святого Витта.

Пляска длилась не менее двадцати секунд. Наконец прекратилась.

Маргарита Николаевна отпустила мою ладонь. Она моргнула — впервые с того момента, как появилась здесь, на перекрестке.

— Да. Вы — тот самый челночный агент,— объявила Маргарита Николаевна.— Они убедились в вашей пригодности для дела.

— Кто — они? И для какого дела?

С этими словами я извлек из брючного кармана небольшой блокнотик и авторучку и приготовился записывать. Женщина проигнорировала мои вопросы.

— Уберите блокнот,— тоном, не терпящим возражений, скомандовала она.— Ничего не записывайте. Слушайте текст. Прямое сообщение от них для вас лично. Слушайте и запоминайте. Итак, текст: «Мы, люди планеты Трон созвездня Весы, хотим встретиться с вами. Назначьте место и время встречи». Конец текста.

— Люди планеты Трон? — переспросил я, обдумывая услышанное.

— Да.

— И они, вы говорите, хотят потолковать по душам персонально со мной?

— Вот именно.

— Занятно... Это их предложение мы обсудим чуть позже. Сначала ответьте вот на какой вопрос. Когда, и где, и при каких обстоятельствах вы в последний раз встречались с ними?

— Не скажу.

Женщина сдвинула брови, лохматые, кустистые, и опять вперилась в меня давящим магнетическим взором. Феноменально редкие по окраске черные зрачки в ее глазах волновали мое воображение, тревожа память. Где и что читал я про такие удивительные зрачки? Смутно помнится, где-то вроде бы читал что-то... Тут меня осенило: верно, читал — в книге одного русского фольклориста, изданной в конце прошлого века.

Согласно народным поверьям, зрачки в глазах женщин, профессионально занимавшихся колдовством, темнели с годами. В конце концов они становились совершенно черными. Черные зрачки — первейшая внешняя примета ведьмы-профессионалки с многолетним стажем, если верить народной молве.

Мысленно я присвистнул, припомнив все это, и ощутил, как по спине побежали мурашки. Неужели, подумал я... Неужели в самом деле... Ведьма?!

— Не скажу,— повторила ведьма, насупленно пошевелив густыми бровями.— Мне запрещено рассказывать о сути моих контактов с ними. Итак, назначайте место и время встречи. Они слушают вас.

— Слушают?

— Да. Моими ушами.

— Э-э... Стало быть... Гм. Дайте минуточку подумать... Если уж им так хочется этого...

— Им очень этого хочется.

— Хорошо,— молвил после долгой паузы я, принимая решение.— Встречаемся послезавтра в десять часов утра. В центральном городском парке. Возле летней эстрады.

— Нет.

— Что, простите?

— Они говорят, встреча должна произойти где угодно, но только не в городе. Она может состояться в совершенно безлюдном месте.

— Понял. В таком случае... Гм. Что ж, давайте послезавтра утром выйдем из города по автомобильному мосту, перекинутому через Дон. Потом на пустынном левобережье отойдем от автотрассы куда-нибудь подальше в степь. И там, в степи, в двух или трех километрах от трассы проведем встречу. Такой вариант устраивает?

— Устраивает. Но вместе с вами я не пойду через мост. Меня привезут к месту встречи на легковой автомашине. Ну, а вы уже будете ждать меня там.

Мы уточнили детали. Я набросал на листке, вырванном из блокнотика, нехитрый план местности. Обозначил на нем реку Дон и мост над нею, автотрассу, уходящую от моста по голой, как доска, степи, элеватор, высившийся справа от трассы, и спортивный гребной канал, протянувшийся перпендикулярно реке слева от дороги. Крестиком я указал на плане приблизительное место встречи.

Затем вручил листок с планом Маргарите Николаевне и на том расстался с нею...

В указанный день и час я маячил столбом в бескрайней придонской степи, поросшей чахлыми сорными травами, иссушенными солнцем. Ровным целинным полотном уходила степь, не тронутая плугом, к горизонту. Здесь, на донском левобережье напротив Ростова, раскинувшегося на холмах на правом берегу Дона, испокон веков не сеяли культурные злаки. Земля тут была соленой; она так и называлась — солонец... Далеко-далеко от меня — километрах в трех, не ближе — сновали туда-сюда по прямой как стрела автотрассе крохотные букашки автобусов и грузовиков, легковых автомашин и самосвалов.

Застыв неподвижно на одном месте, я изображал из себя нечто вроде геодезического ориентира. И при этом, признаюсь, чувствовал себя полным дураком.

Почти полтора часа потратил я на то, чтобы добраться сюда пешком. На всякий случай явился, как и планировал, загодя — с большим запасом времени.

Секундная стрелка на моих наручных часах пробегала круг за кругом, а в ситуации между тем не наблюдалось никаких изменений. Есть такое идиоматическое выражение — «гордое одиночество». Караульную службу, которую я нес сейчас в

степи, никак нельзя было назвать гордой. С каждой уходящей минутой одинокое томление на степном просторе виделось мне все более и более идиотским.

Может быть, Маргарита Николаевна по неведомым соображениям зло подшутила надо мной? Услала сегодня меня с утра пораньше подальше от города в степь, а сама тем временем в городе... Что — сама?

Где она, эта ведьма с черными глазами? Где, черт ее побери!

Неужели не объявится?

Миновало, представьте себе, уже сорок минут сверх назначенного срока. Я угрюмо стоял как вкопанный, продолжая изображать живой ориентирный столб, и с бараньим упорством ждал...

С далекой автотрассы, увидел я, свернула на узкую отъ-ездную дорогу какая-то легковая автомашина. Она пробежала с полкилометра по той дороге, перпендикулярной автотрассе, а потом съехала с нее, осторожно миновав неглубокий кювет. И, снизив скорость, пошла вперевалку по кочкам нетронутой степной целины.

Фары машины были нацелены на меня, как на маяк.

Ну, наконец-то!

Машина, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении «Волгой», притормозила в нескольких шагах от меня.

За лобовым стеклом черной «Волги» сумрачным светом сияли черные глаза Маргариты Николаевны. Рядом с ней сидел за рулем какой-то моложавый мужчина.

— Извините за опоздание,— молвила Маргарита Николаевна, выбираясь из машины.— Дело в том, что они посоветовали не спешить. Они сказали, нужно приехать на встречу с вами на полчаса позже. И тогда ваш контакт с ними состоится наверняка... Вы готовы к контакту?

— Не знаю,— честно признался я.— Все зависит от того, что вы подразумеваете под контактом.

Мертвое молчание — в ответ.

Черные ведьмины глаза знакомо уставились на меня липким гипнотическим взором, проковыривая незримую скважину в моей переносице. Я поежился. Странное магнетическое воздействие клейкого взгляда отнюдь не отдаленно напоминало пытку сверлом работающей бормашины, приставленным как пистолет ко лбу.

— Значит, так,— проговорила Маргарита Николаевна деловито.— Мне нужно подготовиться к контакту. Настроиться на него. Пока я буду настраиваться, вы можете поболтать о том о сем с моим сыном... Кстати, познакомьтесь.

Не произнеся более ни слова, она неторопливо побрела по степи прочь от меня и от черной «Волги». Отошла метров на сто и там застыла, не оборачиваясь, в несколько экстравагантной позе — колени полусогнуты, а руки вскинуты над головой ладонями вверх.

Как тут же выяснилось, ее сыном был тот моложавый мужчина, которого я приметил за рулем «Волги». Мы пожали друг другу руки и разговорились. После каких-то ничего не значащих общих слов о погоде да природе, да о нашем взаимном самочувствии я решился пустить пробный шар. Спросил:

— Давно это у нее? — И повел подбородком, указывая на пожилую дородную женщину, замершую в отдалении с руками, вскинутыми, точно в молитве, над головой.

Сын Маргариты Николаевны сокрушенно вздохнул.

— Да вот уже третий месяц подряд с ума сходит,— сказал, криво усмехнувшись, он.

— С ума сходит?

— Ну, а как же иначе все это назвать? Моя мать, к вашему сведению, всегда отличалась житейским здравомыслием. Всегда была спокойной, рассудительной женщиной. Никаких ночных кошмаров! Никаких галлюцинаций! Ни-ког-да! — четко выговаривая каждый слог, произнес мой собеседник.— И вдруг недавно она заявляет: со мной вступили в контакт люди планеты Трон. Каким образом, спрашиваю. Она отвечает: зазвучали голоса в голове — три голоса сразу. Они рассказывают безумно интересные вещи о цивилизации планеты Трон. Какие именно вещи, спрашиваю. Извини, сынок, отвечает мама, но мне запрещено рассказывать об этом кому бы то ни было.

— Голоса звучат в ее сознании постоянно?

— Нет. По словам мамы, они дают знать о себе примерно один раз в неделю. Каждое свое вторжение в ее психику они называют очередным сеансом связи. Как утверждает мама, всякий сеанс длится около получаса... Я предложил ей обратиться к психиатру. Видели бы вы, какой дикий скандал она устроила в ответ! После каждого... э-э... сеанса начинаются у нее головные боли. Мамуля стонет, плачет.

— Бедная женщина!

— Да. Психопатка.

— Психопатка ли?

— Тайно от мамы я проконсультировался у психиатра. По его мнению, у нее — одна из форм шизофрении. Впрочем, безопасная для окружающих... На днях до мамы дошли слухи о вашем приезде в Ростов. А потом случился очередной приступ этого ее идиотского межпланетного психоза. Когда он окончился, мама сказала, что люди планеты Трон желают встретиться с вами и передать вам какую-то информацию.

Маргарита Николаевна, увидел я, вдруг опустила руки и несколько раз сильно встряхнула ими. Потом повернулась и стронулась с места. Она пошла по степи энергичным деловым шагом, направляясь к нам.

— Спасибо за интересные сведения,— поблагодарил я ее сына. И с любопытством во взгляде воззрился на женщину, бодро топавшую по степи.

Кто она? Истинный контактер? Или душевнобольная?

— Сейчас вам будет передано чрезвычайно важное сообщение с планеты Трон,— возвестила Маргарита Николаевна, замерев напротив меня. В плавном жесте она воздела руки над головой.— Слушайте. Запоминайте... Кстати, где ваш блокнот для записей?

— В кармане.

— Вот пусть там и лежит. Ничего не записывайте. Запрещено записывать.

Она встряхнулась всем телом, распрямляя плечи, а потом... Потом я увидел и услышал нечто такое, чего не могу забыть по сей день.

Маргарита Николаевна на краткое мгновение птицей взмыла в воздух. Легко подпрыгнула примерно на один метр. Или даже на полтора метра! Напоминаю, она была дородной женщиной около шестидесяти лет от роду. Резко после своего немыслимого при ее комплекции прыжка приземлившись, она зарычала. Завыла. Заулюлюкала. Застонала и засвистела. Нет, я не смогу передать здесь словами те звуки, которые исторгались из ее глотки, широко распахнутой.

В момент приземления подошвы ее туфель с глухим стуком шмякнулись о землю. На пару секунд женщина замерла в той же позе, в какой порхнула с места вверх, как

хорошо тренированная спортсменка. А затем в неспешном пируэте, продолжая как резаная визжать, легла всем телом, лицом вперед на твердую как камень почву, прокаленную знойным солнцем. Звучно ударились о сухую земляную корку, едва покрытую чахлой травой, колени, следом за ними живот и грудь, а следом и лицо — прямо носом, лбом, губами в камень иссушенной землицы! Руки разметались крестообразно в стороны, царапая пальцами в горячей пыли.

Невольно я сделал шаг вперед. Дыхание у меня сперло.

Одна-единственная мысль заполонила все мое сознание: сию минуту Маргарита Николаевна нанесла себе серьезную травму, разбила в кровь лицо и, может быть, не только лицо, и ей требуется неотложная помощь... Второго шага, однако, я не успел сделать.

Свиставшая и рычавшая женщина подтянула в следующее мгновение широко раскинутые руки к груди, уперлась ладонями в землю и оттолкнулась от нее. Проделала трюк, похожий на высокопрофессиональное спортивное упражнение. Такие трюки лично я видывал только в телевизионных репортажах с международных соревнований легкоатлетов. Она оттолкнулась ладонями и, как пушинка, легко поднялась спиной вперед в полный рост. Женщина не опиралась коленями о землю, вставая. Ее дородное тело было абсолютно прямым, когда оно, как маятник, откачнулось от каменистой землицы и широким размахом вернулось в вертикальное положение.

Маргарита Николаевна опять высилась во весь свой рост в паре шагов от меня. Слегка покачиваясь из стороны в сторону, помахивая в воздухе вскинутыми над головой руками, она улюлюкала как Соловей-разбойник...

Стояла она на фоне черной «Волги» лицом ко мне. Представьте себе мое удивление, когда узрел я ее крупное мясистое лицо, только что смачно вмазавшееся, как блин, в землю. Ни единой ссадины, ни единого кровоподтека не было на нем.

Неистовые вопли женщины разносились далеко по степи, оглашали воем бездонные небеса, ослепительно-синие — без единого облачка в них.

Я задрал голову, прищурился. Приставил к бровям ладонь козырьком, защищавшим глаза от лучей знойного солнца. Небеса были пусты. Оглушительно и бесповоротно пусты. Маргарита Николаевна продолжала испускать истошные крики, минута шла за минутой, а в безоблачной синеве тем временем ничего экстраординарного не наблюдалось.

Не неслась, например, к нам, стоявшим возле «Волги», сверху вниз по пологой кривой «летающая тарелка». Или, другой пример, не вспыхивали калейдоскопом в вышине некие, допустим, загадочные яркие световые блики — знаки, сигналы из Иных Миров.

Я завертелся на месте, озираясь по сторонам.

В степи тоже не усматривалось никаких движущихся объектов, направлявшихся к нам. Не мчался по ней, вздымая клубы пыли, некий — ну, скажем—вездеход странной, заведомо внеземной конструкции, спеша доставить мне фельдъегерской связью депешу с планеты Трон...

Не зная, что и думать, чего далее ждать, я прислушался к своим внутренним ощущениям. Может быть, контакт с «людьми планеты Трон» вот-вот пойдет по телепатическому каналу связи? Ведь рассказывала же Маргарита Николаевна своему сыну, что ее сношения с представителями якобы цивилизации планеты Трон осуществлялись всегда по телепатической линии коммуникаций... Увы, в моей

голове, в моем сознании ничего необычного не происходило. Царствовала там та же оглушительная контактная, я бы так сказал, пустота, что и в небесах, и в степи.

Вновь обшарил я настороженными ищущими глазами небосклон — от горизонта до горизонта.

Ничего.

Опять пробежался взглядом, полным надежды, по степи.

Пусто.

Загадочный темно-красный диск с белым ободком и белым кружком в его центре, пролетевший над Ростовом-на-Дону весной 1992 года

Снова вдумался, крайне внимательно вслушался в свое естество.

Полный нуль аномальных ощущений.

Что происходит? Где обещанный контакт? Где чрезвычайно важная, как загодя предупредила меня Маргарита Николаевна, информация, которая по идее должна была бы уже поступать сейчас ко мне от «людей планеты Трон»?

Пожилая дама со вскинутыми в экстазе руками неистово выла, качаясь влево-вправо, вперед-назад, точно колеблемая ветром... Я подвел неутешительную черту под всей этой дурацкой нелепой историей: психиатр, к которому обращался за консультацией сын дамы, оказался прав. Маргарита Николаевна была, по всей видимости, душевнобольной.

Прошло не менее пяти минут, прежде чем звериные вопли припадочной психопатки прекратились.

Женщина умолкла внезапно. Она перестала раскачиваться. Дважды провела ладонями сначала по лицу, потом по груди и животу, как бы стирая с тела липкую паутину кратковременного затмения мозгов, освобождаясь от пут, от мглы шизофренических видений. Покончив с этой процедурой, она шагнула ко мне и спросила взволнованным голосом:

— Вы получили сообщение?

Ну, что я должен был сказать в ответ? Неужели должен был безмерно разочаровать несчастную, психически больную даму, уверенную в истинности своих сношений с Троном? Всем сердцем жалея ее, всей душой сочувствуя бедной женщине, я молвил коротко, но подчеркнуто бодро:

— Да. Получил.

Полное рыхловатое лицо Маргариты Николаевны расплылось в счастливой улыбке.

— Вы осознали, насколько важно сообщение для вас лично?

— Осознал.

— Вы понимаете, что его содержание нельзя разглашать? Оно — тайна, известная отныне только вам одному на всей Земле.

— Да,— сказал я.— Тайна... Я понимаю.

Маргарита Николаевна слегка наклонилась вперед, приближая свое разгоряченное приступом лицо к моему лицу. Сверла сумасшедших черных зрачков тут же гипнотически вонзились в мою переносицу. Цепко ухватив меня за локоть, женщина затараторила лихорадочной скороговоркой:

—Люди планеты Трон использовали сейчас мое тело как бездушный ретранслятор, передавший вам их весть. Ничего не помню из того, что передавалось. Они, кстати, заранее предупредили — мол, не запомнишь ничего. Мол, сегодняшнее сообщение будет предназначено персонально для челночного агента Алексея Приймы. И оно несет в себе некую великую тайну.

— Почему вы все время называете меня челночным агентом? — встрял я в ее горячечный монолог и осторожно высвободил свой локоть из цепких, как когти, пальцев этой шизофренички.

Маргарита Николаевна недоуменно приподняла густые кустистые брови.

— Я называю? — удивилась она.— Нет, это не так. Челночным агентом кличут вас они, а не я. Видит Бог, я не ведаю, какой смысл вкладывается ими в это словосочетание...

Миновало девять месяцев после того моего неудачного похода в придонскую степь, окончившегося, как я тогда решил, полным конфузом. Я напрочь забыл о Маргарите Николаевне, о дурацком спектакле, устроенном ею в степи... Но вот однажды кто-то из друзей положил передо мной на стол газету со статьей об исследовательских изысканиях команды В. Двужильного на высоте 611 на Дальнем Востоке. Красным карандашом были подчеркнуты в тексте статьи наиболее колоритные по содержанию фразы.

Рассеянным взглядом я пробежался по подчеркнутому. И вдруг весь так и напрягся.

«Планета Трон...»

«Созвездие Весы...»

«Цивилизация планеты Трон...»

Ми-ну-точ-ку. В чем дело? О чем речь?

А речь в статье шла о телепатических контактах с той цивилизацией. Причем о контактах непосредственно на месте таинственного взрыва в окрестностях города Дальнегорска Приморского края. Спустя некоторое время после взрыва были замечены в ночную пору над высотой 611 загадочные лучи, падавшие с небес и шарившие по земле. Впечатление было таким, будто они что-то искали там.

Группа В. Двужильного собрала на месте взрыва металлические шарики и странные, крохотные по размерам сеточки, тоже металлические. В одном московском НИИ был проведен экспресс-анализ шариков и сеточек. Оказалось, в сеточках наблюдаются тонкие нити диаметром до тридцати микрон, состоящие из золота, покрытого кварцевой оболочкой. Внеземная технология? Что ж, вполне допустимое предположение.

Группа В. Двужильного, продолжая работы на высоте 611, росла. Она увеличивалась за счет физиков, инженеров, даже экстрасенсов. А вскоре, сообщалось в газете, к изумлению членов группы, начались у них «психические контакты с людьми планеты Трон».

Мне стало жарко, когда я дочитал статью до конца.

Вспомнилось: «Мы, люди планеты Трон созвездия Весы, хотим встретиться с вами. Назначьте место и время встречи».

Я назначил. Я понаблюдал за фарсом, показанным мне в степи натуральной, как я тогда решил, психопаткой. Я послушал ее истерические вопли. Тем дело и окончилось.

«Летающая тарелка» не сверзилась с небес, пока психопатка выла и стенала, как бы подзывая ее. Категорически не ощутил я также в тот момент, когда слушал женские крики, никаких посторонних психических воздействий на свое сознание.

Контакт не состоялся. А не состоялся потому, что заведомо и не мог случиться. Ибо Маргарита Николаевна была душевнобольной — там, в степи, я убедился в этом с бесповоротной отчетливостью.

А сейчас лежит на столе передо мной газета со статьей, в которой — «Трон», «созвездие Весы», «цивилизация планеты Трон»... Получается, Маргарита Николаевна — отнюдь не шизофреничка?! Само собой, здесь не может быть и речи о случайном совпадении терминов. В статье сказано: «Планета Трон созвездия Весы» — то есть слово в слово воспроизведен терминологический ряд, услышанный мною из уст ростовской «сумасшедшей».

Однако, тут же напомнил с остервенением я самому себе, мой личный контакт с Троном, затеянный с подачи Маргариты Николаевны, окончился ничем. Ну, не было у меня никакого контакта, не было! Не было!!!

Не было ли?..

Тут я задумался.

Полностью пересмотрев сию минуту свое отношение к Маргарите Николаевне и к ее странным речам о «людях планеты Трон», я неизбежно должен был сделать следующий шаг. К слову сказать, для меня нелегкий. Я вынужден был с растущей в сердце тревогой допустить, что контакт между мною и Троном в придонской степи, вопреки всем моим наблюдениям и ощущениям, состоялся.

Просто он целиком прошел мимо моего сознания!

Осуществлялся, допустим, на подсознательном уровне. В мое естество, в мое «я» неслышно и незримо для его носителя вписали, вполне возможно, какую-то информацию. Например, заложили некую программу действий. И отныне я день за днем пляшу под чужую дудку, сам не ведая о том. Исполняю команды, подаваемые откуда-то свыше.

А что? Запросто может быть такое.

Недаром же «они», по словам Маргариты Николаевны, обозначили меня как челночного агента. Агент — это исполнитель. Агент — это инструмент в чьих-то руках, выполняющий чьи-то начальственные приказы. Например, пишущий книгу «Неведомые Миры», которую вы, читатель мой, сейчас просматриваете. А в ту книгу под диктовку свыше неведомо для ее автора вводятся где-то между строк идеи, мысли, соображения, присущие внеземному разуму...

Конечно же, все сказанное — не более чем гипотеза. Надеюсь, от начала до конца вздорная. Очень хотелось бы верить, что я ошибаюсь, выстраивая ее.

Меня всего передергивает при одной лишь мысли о том, что с некоторых пор я, может быть, живу взнузданный нечеловеческой уздечкой. Марионетка, челночный агент с отшибленной памятью, я не знаю, в чем состоят мои агентурные функции. Я лишь слепо исполняю свою роль в комедии жизни, а некто незримый потягивает за веревочки, уходящие от моих рук и ног, от моих мозгов во мглу Неведомых Миров. И я безотчетно повинуюсь — кукла, марионетка, игрушка в ласковых и вместе с тем жестких, строгих пальцах Трояна, древнего славянского бога…

Вести с Трона

Расскажу о еще двух контактах с представителями якобы все той же цивилизации. Однако на сей раз факты будут взяты не из моей неудачной практики (ну, ничегошеньки не помню я о сути моего контакта, ежели он вообще был!), а пересказаны со слов других людей. Сорокалетняя Лариса Га-лушко проживает в Ростове-на-Дону. А двадцатилетний студент Александр Атаев — в Ашхабаде.

Лариса Галушко, женщина редкостной красоты с громадными зелеными глазищами, пригласила меня к себе домой. Нервным жестом указав на тахту в спальне, она изрекла:

— Вот здесь все и происходило. Сначала они пугали меня по ночам, будучи, как я думаю, невидимыми. А потом обрели телесную плотность. И давили мне на психику, подолгу стоя в изножье постели.

— Когда все началось? — спросил я.— Помните? Нет?

— Отлично помню,— последовал незамедлительный энергичный ответ.— На дворе стоял апрель 1985 года. В ту ночь мы с мужем и сыном спали в одной комнате. Сын — на раскинутом кресле-кровати, а мы с мужем — на тахте... Внезапно просыпаюсь от чувства дикого страха. Вскидываюсь рывком, озираюсь в панике по сторонам. Ничего, так сказать, необычного, способного напугать не вижу вокруг. Между тем чувство страха не исчезает. Нутром чую, кто-то посторонний присутствует сейчас в комнате. Пытаюсь разбудить мужа, но не могу. Спит как убитый, хотя обычно имеет привычку просыпаться от малейшего шороха. Тогда я окликаю сына — громко, несколько раз подряд. Но и сын спит беспробудным сном, не реагируя на мои призывы; Я опять принялась трясти мужа. И вдруг потеряла сознание... Прошло несколько дней.

— И что же?

— Все повторилось снова. Опять проснулась среди ночи как от толчка, всполошенная ужасом. Оглянулась туда-сюда. Никого постороннего в комнате нет. И вновь, как и в прошлый раз, вскоре потеряла сознание. Миновало еще несколько дней. Снова — толчок в бок глубокой ночью. Распахиваю, трясясь от страха, глаза, озираюсь. Вижу, из-под тахты торчит крупная мужская полупрозрачная рука ладонью вверх. А пальцы на ней шевелятся... Я как заору в ужасе благим матом! Рука тут же втянулась под тахту, исчезла под ней.

Прервав свой рассказ, Лариса Галушко шагнула к окну и замерла там, крепко сцепив руки за спиной, чуть вскинув вверх подбородок, глядя сквозь оконное стекло в небо.

— Наверное, вы думаете, я — психованная,— проговорила она тихо, потерянным голосом.

— Вы — очень красивая женщина, Лариса,— рассеянно молвил я и перелистнул исписанную только что страничку моего блокнота. Вознес авторучку над чистым листом. Потом сказал: — Красивые женщины если и страдают психозами, то, как правило, только сексуальными, ибо вокруг них постоянно вьются, как осы, мужчины. Это может подтвердить вам любой психиатр... Продолжайте рассказ.

— Спасибо за комплимент, хотя мне от него не легче. Порою думаю — может быть, я в самом деле тронулась умом?

Лариса обернулась

— Та рука никогда больше не появлялась из-под тахты,— сообщила она, продолжая свое повествование.— А я снова и снова просыпалась по ночам,

ослепленная иррациональным страхом. Летом 1989 года феномен резко активизировался.

— Каким образом?

— Отныне, едва пробудившись, я стала ощущать, как меня накрывает нечто вроде «энергетической волны» — так назвала бы я это явление. Одновременно наступала полная глухота. И опять, как и ранее, давил на мозги эффект чужого присутствия в доме. Ну, а потом...

— Что же произошло потом?

— Наступил январь 1990 года. Просыпаюсь среди ночи. Чувствую, пошла по телу от ног к голове «волна», однако, к собственному удивлению, я при этом не оглохла, как уже бывало ранее. Вдруг вижу, прямо в воздухе передо мной сконденсировался из пустоты полупрозрачный человеческий силуэт. Я присмотрелась — мужчина! Говорю испуганно:

«Кто ты?» А он в ответ с приказной интонацией говорит: «Дай сюда руку». Я подчинилась приказу. Медленно, словно в трансе, вытянула правую руку вперед. Мужчина бережно, осторожно пощупал мою ладонь и... растаял в воздухе.

— Минуточку. Вы хотите сказать, что своими полупрозрачными пальцами он ощутимо для вас прикасался к вашим пальцам. Так?

— Представьте себе, так.

— Хорошо. Продолжайте.

— Через несколько дней мужчина, просвечивавший насквозь, пришел ночью вновь. Долго, очень долго он стоял недвижимо в изножье моей постели. Молча таращился на меня. Было очень жутко! А затем опять-таки растворился в воздухе. С этого момента его визиты стали носить регулярный характер. Он навещал меня два-три раза в месяц... Однажды заявился не один.

— Не один?

— Да. Плечом к плечу вместе с ним сконденсировался из пустоты другой мужчина — в белой одежде, смахивающей на хламиду. Голова у него оказалась то ли бритой, то ли целиком лысой. Он был похож на индуса. И тоже выглядел полупрозрачным.

— Как же вы отреагировали на их совместный визит?

Я заплакала и взмолилась: «Оставьте меня в покое! Уходите отсюда. Прекратите трепать мне нервы... Кто вы вообще такие? Зачем и почему шляетесь по ночам ко мне?» Лысый индус в белой хламиде произнес: «Мы любим тебя». Я, слегка опешив, спросила: «Откуда вы?» Индус сказал: «Параллельный мир. Планета Трион». И оба таинственных визитера исчезли.

— Трион, говорите... Может быть, Трон?

— Не знаю. Может быть. Мне послышалось «Трион» или «Трьон» через мягкий знак. Звук «р» индус в хламиде выговорил, во всяком случае, необычайно мягко... После этого оба незнакомца навестили меня еще пять или шесть раз. Но я не услышала более ни слова из их уст. Оба они просто стояли подолгу возле тахты и пялились на меня. Они игнорировали все новые и новые мои мольбы оставить меня в покое.

— Когда оборвался ваш контакт с ними?

— В августе 1990 года.

А вот — письмо от Александра Атаева из Ашхабада: «Прочитал в газете вашу статью про инопланетян, тов. А. К. Прийма. В конце статьи обнаружил ваш адрес «До востребования». Вот и пишу. Был у меня то ли невероятно яркий сон, то ли вовсе не сон, а натуральный контакт. Не знаю, что тут и думать. Помню, ребята в

серебристых комбинезонах в обтяжку, влезшие в мой «сон» прямо из люка в борту «летающей тарелки», сказали — мол, прилетели они с какого-то Трона (на всякий случай пишу словцо с большой буквы, ибо не думаю, что спрыгнули они в мой «сон» с царского трона)... Но не в этом суть! Главное, что я понял из беседы с ними: встречи с инопланетянами не проходят даром для людей. Помню наш разговор, впрочем, смутно. Суть их речей сводилась к тому, что навещают они нас не из праздного любопытства. Они оказывают какое-то «управляющее воздействие» на людей. Конкретно — только на тех, к кому являются... В своей статье вы пишете, что собираетесь ставить эксперименты на местах посадок НЛО. Надеетесь на вторичную, может быть, посадку объекта приблизительно в том же самом месте. Хочу сделать в этой связи одно предложение, подсказать одну идею».

Далее шел в письме забавный по содержанию текст — подсказываемая «новаторская» идея. Не могу удержаться — воспроизведу текст полностью на радость читателям, любящим юмор. Надеюсь, сейчас я доставлю вам несколько веселых минут.

А. Атаев предлагает:

«На месте ожидаемой посадки НЛО следует установить манекен — фигуру человека с моторчиком внутри, дабы она исполняла время от времени какие-то хотя бы примитивные движения. В манекен нужно встроить радиостанцию с микрофоном дуплексного режима работы, то есть с возможностью дистанционно переключать передатчик в режим выдачи звуковых сигналов. Если инопланетяне захватят манекен и, приняв его за живого человека, перенесут на борт своего НЛО, у вас, тов. А. К. Прийма, появится возможность дистанционно прослушивать все, что будет происходить вокруг манекена внутри «летающей тарелки». Режим работы радиостанции будет, повторяю, дуплексным, и, стало быть, вы при желании сами сможете передавать свои послания экипажу НЛО. Представляете, какой там начнется переполох, когда из манекена раздастся ваш голос?.. И, наконец, самое главное. За счет радиопеленга вы сможете постоянно определять местоположение НЛО с манекеном на его борту, отслеживать траекторию полета объекта. А может быть, даже определите по радиопеленгу и местонахождение планеты, с которой НЛО прибыл и на которую затем отбыл, забрав манекен. Все зависит от мощности радиостанции, встроенной в манекен».

Вот такая, значит, очень свежая идея, колоритная и оригинальная.

Подсадная утка. Шпионский «жучок». Троянский конь с передатчиком в его чреве, запускаемый на борт корабля с планеты Трон...

Все бы тут хорошо, идея — интересная, но с небольшим изъяном. Хозяева НЛО, надо думать, не такие пентюхи и простаки, чтобы загружать на борт изделие туземных умельцев, не поковырявшись предварительно ножичком в нем. Кто его знает, что сокрыто у того изделия внутри.

Может быть, бомба с часовым механизмом. Или колба с ядом...

НЛО типа «ракета со стабилизаторами», снятый «в лоб» в момент его подлета. Автор снимка, щелкая затвором камеры, успел выбросить вперед руку с размерной линейкой в ней, пытаясь хоть как-то зафиксировать угловые размеры объекта

Ах, внутри — радиостанция местного производства? Выдерем ее сейчас же с корнем, швырнем за борт. А распотрошенный манекен увезем с собой, как любопытный образчик туземной наивной хитрости. И выставим его на потеху

посетителям в космическом музее на Троне. Выставим под рубрикой «К вопросу об умственном потенциале туземного населения Земли».

Под неусыпным контролем

Передо мной лежит на столе письмо, пришедшее из города Кингисепп Ленинградской области от Виталия Степановича Шкворецa, возраст — 62 года.

К этому письму я еще вернусь в самом начале третьей части моей книги. Там я поведу разговор о темпоральных парадоксах, о феномене предчувствий и пророчеств. И расскажу об одном совершенно поразительном, по-моему, предсказании, сделанном, по утверждению Виталия Степановича, внеземлянами в ходе одной из их встреч с ним...

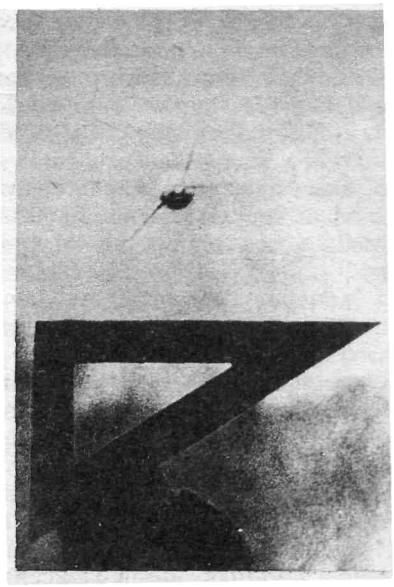
А пока отмечу единственное: я склонен допустить, что В. С. Шкворец не выдумал ни историю про предсказание, ни все прочее, о чем поведал в своих письмах. Я вступил с ним в активную переписку — пристал к человеку как банный лист. Снова и снова задавал уточняющие вопросы. В конце концов мой корреспондент в сердцах отчитал меня: «Перестаньте трепать нервы! Не смогу ничего добавить к уже сказанному. Мне решительно наплевать, будете вы писать о моем «случае» или же не будете. Все равно никто не поверит вам. Переписку с вами прекращаю. Надоело. Прощайте навсегда».

Если бы этот скромный немолодой человек искал славы, его реакция на мой запрос о возможности опубликовать его сообщение была бы, не сомневаюсь, совсем-совсем иной.

Виталий Шкворец пишет:

«Впервые я встретился с «ними» в детстве. «Они» вошли в комнату прямо сквозь стену... Затем стали навещать меня регулярно с периодичностью пять-шесть раз в год. «Они» очень похожи на людей, но выше ростом и полупрозрачные. Одеты в комбинезоны, плотно облегающие тела. Есть среди «них» и мужчины, и женщины».

Еще фрагмент — из другого его письма:



«Не знаю, почему «они» избрали для «собеседований» меня, а не кого-либо другого. Сообщаю кратко, что узнал из «собеседований». Пустой номер — самостоятельно искать контактов с «ними». Если понадобится, «они» сами разыщут вас, где бы вы ни находились. «Их» возможности неограниченны. Вы, я, мы все находимся под постоянным, самым внимательным наблюдением, неусыпным контролем с «их» стороны. Все, происходящее на Земле, отслеживается «ими», тщательным образом анализируется. И «они» готовы в любой момент вмешаться, дабы поправить положение (что постоянно и совершается независимо от наших желаний). Скажу больше, мерзостное состояние, в котором наше общество пребывает сейчас, тоже задано, запрограммировано свыше. Капиталистическая революция в России — не более чем внеземная программа. Привожу дословно «их» мнение о всей этой мерзости нынешнего российского бытия: «Так даже лучше»... Тут есть один нюанс: я так и не понял, кто конкретно запрограммировал новейший бардак в России — «они» сам] или же некие иные высшие силы?»

И — далее:

«В ходе «собеседований» выяснилось, что в общении і людьми «они» всегда бывают исключительно вежливы, корректны, тактичны и приветливы. Ну, а теперь — о само* важном. Все без исключения «их» контакты с нами, людьми Земли, сопровождаются корректировкой программы жизни человека, избранного для воздействия. «Они» говорят: программу, изначально заложенную в мозг человека, можно в дальнейшем слегка подправить. Вот «они» и занимаются этим. «Вправляют мозги» людям, дальнейшие поступки которых могут оказать какое-то пусть слабое, а все-таки ощутимое влияние на развитие человеческого общества в целом. Вы думаете, что вы живете так, как вам того хочется? Ничего подобного! На самом деле «они» время от времени управляют вами, как роботом, включая одни ячейки вашего сознания и намертво выключая другие».

В заключение — еще одна прелюбопытная выписка из еще одного письмеца В. С. Шквореца:

«Никогда не забуду, как в ходе одной из самых первых встреч «они» сказали: «Мы — управители. Мы управляем всем миром». Прошло много лет, и вот как-то раз я принялся расспрашивать моих гостей — откуда конкретно они на Землю являются? В ответ услышал: «Мы — с планеты Трон».

«У них там нет чая...»

В декабре 1991 года судьба свела меня в городе Чебоксары с инженером Иваном Потаповым. Иван оказался человеком непьющим и некурящим. Рассказывая о двух странных происшествиях в своей жизни, он толковал о них неторопливо и вдумчиво, тщательно взвешивая каждое произносимое слово. Попутно он набросал на клочке бумаги план местности, в которой оба события приключились. А потом с присущей ему обстоятельностью, медленно водя карандашом по бумаге, прорисовал во всех деталях внешний облик «летающей тарелки», виденной им лично и не только им. Под рисунком приписал: «А. Е. Грибов и Б. Г. Власкин — свидетели».

Вот его рассказ:

— У меня есть двое друзей — Грибов и Власкин, оба, как и я, инженеры. Очередной ежегодный месячный отпуск мы проводим, как правило, сообща, в тесной мужской компании. Уезжаем из Чебоксар куда-нибудь на север, бродим по лесам, спим в утепленной палатке... В октябре 1988 года мы совершали туристский поход по лесам Архангельской области. Однажды разместились на ночевку на поляне примерно в тридцати километрах от крупной для тех мест железнодорожной станции Подюга. Сидим у костра, пьем чай из металлических кружек. Вдруг в морозном, почти безоблачном черном небе вспыхнули яркие лучи белого цвета. Они упали отвесно на землю и стали шарить по верхушкам деревьев недалеко от нашей палатки. Шарили минут пять, потом исчезли. Зрелище было жутковатым, незабываемым. Оно категорически не было похоже на северное сияние.

Спустя несколько лет все та же троица — Потапов, Грибов и Власкин — надумала снова провести сообща отпуск в архангельских лесах. В сентябре 1991 года три друга двинулись пешком по хорошо уже знакомому маршруту. Ну, и в какой-то момент вышли примерно в те места, где тремя годами ранее наблюдали таинственную небесную иллюминацию.

Наступил вечер. Инженеры подыскали в лесу подходящую полянку и раскинули на ней палатку. Развели костерок... Сидят, греются у огня.

Котелок с чаем, подвешенный над костром, не успел еще вскипеть, как в лесной чаще раздались чьи-то шаги. И на поляну вышли четверо — трое женщин и мужчина.

Выяснилось, что это местные жители. Выяснилось также, что они побывали на каком-то семейном празднике в одной из ближайших деревень и вот сейчас, поздним вечером, возвращаются слегка навеселе к себе домой — в их родную деревушку.

— Присаживайтесь к костру. Попьем чайку,— предложил Иван Потапов.

Предложение было принято с благодарностью. Гости расселись вокруг огня, и потекла неспешная беседа о житье-бытье, о том да сем... Местные жители нахваливали архангельские леса, милые их сердцу, родные для них с детства. Они величали их удивительными.

— Это точно. Удивительные,— молвил, разливая вскипевший чай по кружкам, Грибов, приятель Ивана.— Пару лет тому назад мы уже бывали в этих местах. И видели здесь натуральное чудо-юдо в небесах.

Последовал рассказ о чуде-юде, о небесной иллюминации.

Единственный в компании местных жителей мужчина, назвавшийся Василием, пренебрежительно оттопырил в ответ нижнюю губу.

— Ха, лучи. Обычное дело! — так прокомментировал он рассказ Грибова, самодовольно при этом усмехнувшись.— У нас тут постоянно разные чудеса происходят. Верно я говорю?

— Верно. Верно,— закивали три его спутницы.

— Вот я и толкую, места наши — самые что ни на есть удивительные, редкостные, — Василий с торжеством оглядел инженеров из Чебоксар, сидевших у костра.

Он горделиво распрямил плечи. Затем ткнул указательным пальцем в ночной небосклон, усыпанный звездами:

— Многие интересуются нашими местами. А особенно те, которые приходят оттуда.— Указательный палец был нацелен в небеса.

— Не понял,— молвил Иван Потапов, озадаченный услышанным.— О ком речь?

—Ну, о тех, которые лучи испускают. Лучи, вроде виденных вами... Верно я говорю? — обернулся он к женщинам.

— Верно. Верно.

— В наших краях «летающие тарелки» — очень даже частые гости,— с жаром проговорил Василий.— Постоянно болтается над тайгой какая-нибудь небесная посуда. То тарелки, то чашки. То даже что-то похожее на самовар. И ночью и днем. Месяца не проходит — глядишь, опять какая-то новая диковинная штуковина над лесом летит. Верно я говорю? Верно... Да не просто летит, а, бывает, на землю садится. И вылазят из нее эти... ну, как их назвать... марсиане, и руку жмут тебе — мол, здрасьте.

Иван Потапов недоверчиво улыбнулся.

— Руку жмут? — переспросил он.

— Ага. Вот намедни, пару дней назад грузили мы сено на воз на пустоши возле заброшенной узкоколейки. Мы — это я да Валька, супружница моя,— Василий указал рукой на одну из женщин,— да ее сестрица Катерина,— и указал на другую.— Трое, значит, нас было. На пустоши я загодя накосил травы для нашей буренки. Вот мы в тот день и укладывали подсохшее сено на воз.

В разговор встряла Катерина:

— Вдруг спускается с небес аппарат. Похож он был на две оловянные миски, сложенные ободками вместе. Вася первым увидел его.

—Точно,— подхватил самодовольным тоном Василий.— Я первым усек... Села эта летающая хреновина прямо на полотно узкоколейки. Раскрылась в ней дверка, и выскочили из дверки два амбала по два метра ростом каждый. Валька моя завизжала от страха.

— Так ведь запугалась я,— смущенно сказала Валенти на, жена Василия.— Уж больно здоровенные мужики... Ну, думаю, все! Сейчас будут кости нам ломать, бандюги.

— А мужики,— темпераментно перебил свою супругу подвыпивший Василий,— подходят этак вразвалочку к нам и говорят: «Да вы не бойтесь. Мы не сделаем вам ничего плохого. Расскажите, как вы живете?» Завязался разговор. Присели мы кто куда — кто на воз, кто на чурбачок, а я так просто на корточки. Сидим, калякаем помаленьку. Они все выспрашивают — мол, сколько людей живет в вашей деревне, да какие заработки у вас, да как зовут председателя сельсовета. Ну, и так далее.

Наши инженеры из города Чебоксары слушали все это, затаив дыхание. Перед ними сидели у костра свидетели необычайного, более того — его прямые участники, и рассказывали о пережитом.

Иван Потапов полюбопытствовал:

— А о себе марсиане сообщили хоть что-нибудь? Или же только беспрерывно допрашивали вас?

Василий пьяно осклабился.

— Само собой. Сообщили,— заверил он.— У нас на возу стояла металлическая банка с холодным чаем. Я предложил им попить. Ребята не отказались. Каждый сделал по большому глотку и каждый похвалил чай: «Хороший напиток». Потом они сказали, что у них там, в их мире, нет чая. Да и насчет прочей жратвы негусто... Я спрашиваю, как же вы, братцы, дошли до жизни такой, что на голодном пайке сидите. А один из них отвечает: не в жратве, дружок, дело, есть в мире куда более ценные вещи, нежели жратва.

И, подводя черту, Василий заключил:

— Короче говоря, у них там нет чая, и насчет всей прочей еды сплошная экономия, как при социализме.

Он прошелся колким взглядом по лицам мужчин, сидевших напротив.

— Не верите моему рассказу? По глазам вижу, что не верите... Так вот, слушайте дальше. Когда мы с ними прощались, эти амбалы и говорят — мол, ежели охота, притопывайте сюда снова. Посидим опять, поболтаем. Мы, говорят, будем околачиваться тут, на узкоколейке, еще дней пять. Есть у нас здесь дела. Так что, если надумаете, приходите.

Василий встал с земли и выпрямился в полный рост.

— Ну, спасибо за чаек и за компанию,— произнес он.— Пора нам двигаться дальше. Час поздний. Вставайте, девки, пошли!

Он шагнул в сторону от костра и, указывая рукой в ночную мглу, объявил:

— Узкоколейка находится там. До нее полчаса ходу. Когда рассветет, сбегайте туда сами, если хотите. И удостоверьтесь. Эта их летающая хреновина все еще торчит на своем месте. Мы сегодня, на гулянку в соседнюю деревню идучи, видели ее издали...

Валентина, жена Василия добавила, вставая с земли:

— Там приметный ориентир есть — озерцо. Называется Замошное. Рядом с озерцом — избушка. А правее избушки ближе к лесу «тарелка» сидит. Прямо на железнодорожных рельсах.

— Ну, прощевайте! — махнул рукой Василий...

На следующий день ранним утром Потапов, Грибов и Власкин, бесконечно заинтригованные, свернули палатку, вскинули на плечи рюкзаки и вскоре бодрым шагом вышли на берег озера Замошное. На другом его берегу виднелась древняя избушка, слегка покосившаяся. Правее тянулась обширная пустошь, прорубленная в былые времена в таежной чащобе лесозаготовителями. Пустошь негусто поросла тонким сосновым молодняком.

Узкоколейная железная дорога, ныне заброшенная, бежала по ней, едва заметная в густой траве. Видно, была она в свое время проложена здесь для того, чтобы вывозить с лесоповала свежеспиленные стволы. А потом, когда по каким-то причинам лесоповал был прекращен, потребность в ней отпала.

Наши инженеры из Чебоксар дружно ахнули.

На рельсах узкоколейки высилось нечто, даже отдаленно не похожее на паровоз.

Иван Потапов вспоминает:

— Это был объект тускло-серебристого цвета длиною около семи метров и высотою около четырех. Он походил на двояковыпуклую линзу. Под объектом виднелись три тонкие ножки, упиравшиеся в землю... Едва заметив объект, мы дружно развернулись и побежали прочь. Долго бежали, обливаясь потом, по лесу, подстегиваемые страхом, свирепым, лютым. Затем, когда бурно обсуждали происшедшее, пришли к выводу, что страх имел наведенный, так сказать, характер. Он возник не сам по себе в нас, а был, видимо, индуцирован теми, кто сидел внутри объекта. Нам дали по мозгам плеткой страха, едва мы засекли НЛО, торчавший на рельсах узкоколейки. И нас немедленно попросили убраться вон — может быть, не совсем вежливо.

Дискуссия о разоружении

В городе Ашхабаде меня познакомили однажды с Тамарой Мызиной, которой — около сорока лет. По ее словам, она побывала на борту огромной «летающей тарелки», внешне похожей на бублик.

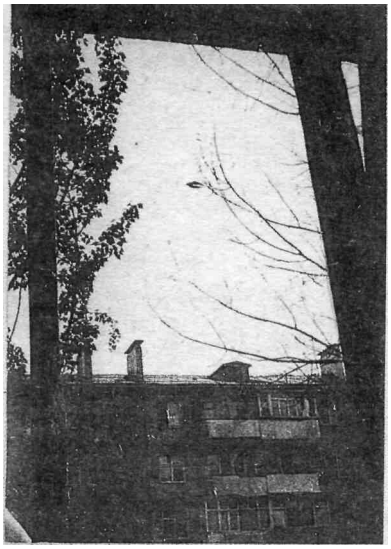
В конце июня 1990 года Тамара отправилась на квартиру своей матери, дабы переночевать там. Спасаясь от свирепой ашхабадской жары, мать уехала на все лето к родственникам в центральную Россию. Уезжая, попросила дочку загляды вать время от времени в покинутый ею дом, проверять, все ли там благополучно.

Поздним вечером Тамара расстелила в маминой квартире постель, но не спешила укладываться в нее. Женщине не спалось. По ее утверждению, она долго стояла на веранде у открытого окна и размышляла, представьте себе, о множественности обитаемых миров. «Вот было бы здорово,— думала, глядя в ночное небо, Мызина,— если бы летало сейчас в поднебесье какое-нибудь чудо, какой-нибудь ярко светящийся НЛО. И я бы видела его... В газетах пишут, другие счастливчики видывали НЛО, иные даже неоднократно. А мне ни разу не довелось...»

Одна из большой серии фотографий, сделанных в Краснодаре в мае 1990 года. «Летающая тарелка», похожая на двояковыпуклую линзу, имела серебристо-стальной цвет и парила над центральным городским рынком около получаса

С единственной этой мыслью в голове Тамара направи лась около полуночи к постели. Включила кондиционер и легла спать.

Мызина вспоминает:



— Спала крепко, без сновидений. И вдруг глубокой ночью проснулась, разбуженная криками с улицы. Слышу, двое подростков кричат: «НЛО летит! НЛО летит!..» Помню, я удивилась. Думаю, почему это мальчишки не спят, а шляются ночью по дворам? Но тут до меня дошло, о чем они кричат. Я безумно обрадовалась — ну, наконец-то увижу! Хотела вскочить с постели, броситься к окну.

Не тут-то было.

Тамара увидела в комнате двух людей — мужчину и женщину.

Мужчина стоял возле изголовья ее постели, а женщина сидела в кресле напротив кровати. Одеты они были в темные костюмы, похожие на форму конькобежцев. Рост каждого превышал два метра. Мызиной особенно запомнилось, что у них были ненормально длинные шеи, над которыми возвышались странные головы — крупные и растянутые по вертикали, как огурцы.

Тамара рассказывает:

— Я дико перепугалась, вся так и вжавшись в постель. Решила, это воры! А в следующую секунду меня ослепил мощный луч света, упавший в комнату с веранды — сквозь распахнутую дверь.

Затем Мызина услышала женский голос, который сказал дословно следующее:

— Мы — инопланетяне. Хочешь вступить в контакт с нами?

— Хочу,— испуганным шепотом ответила Тамара.— Очень хочу. Я рада вам... Э-э... Я приветствую вас на нашей Земле!

Дальнейшее Мызина помнит смутно, однако настаивает на том, что все случившееся потом не померещилось ей.

— Меня вынесли ногами вперед из квартиры через веранду,— сообщает она.— Голова моя была при этом наклонена влево и вроде как свисала. Будто бы я лежала на каких-то носилках. Когда вынесли во двор, меня осветил широкий луч, падавший косо с небес. И вдруг я стала подниматься по тому лучу в небо, полетела вверх и наискось через двор.

— Вскоре очутилась в каком-то маленьком кораблике,— продолжает свой рассказ она.— Внутри стояла полутьма. Помещение было овальным. В стене — большое окно, овал, растянутый по горизонтали. В окне мерцали звезды... Смутно, как сквозь дымку, вижу, перед окном сидит спиной ко мне мужчина — ну, вроде как пилот. Перед ним — что-то вроде панели с кнопками. Справа от меня сидит женщина и в упор глядит на меня.

Спустя несколько минут одна из звезд, сиявших за окном-иллюминатором, стала вдруг ярко-красной и принялась увеличиваться в размерах, одновременно растягиваясь по горизонтали в длинную красную линию. Потом она исчезла. На смену ей появился в заоконной космической мгле некий аппарат, похожий на бублик с окошками, как у самолета. Он весь ярко светился и с каждой секундой увеличивался в размерах. Мызина поняла, что «кораблик», в котором она сейчас находилась, подлетает к «бублику», громадному, судя по всему, по величине.

В этот момент спутники Тамары принялись оживленно переговариваться на непонятном для нее языке. Их речь, по определению Мызиной, походила на мышиный писк.

— Тут наступил у меня провал в памяти,— говорит Тамара.— Потом прихожу в себя и вижу — лежу на полу в очень просторной овальной зале. Дальнейшее помню очень отчетливо. Вокруг меня высятся в три яруса ряды кресел. В креслах восседают мужчины. А я лежу в центре, как на арене цирка. Возле меня стоит на арене мужчина примерно пятидесятилетнего возраста, очень высокий. А второй гигант, который был помоложе, замер — тоже на арене — в нескольких шагах в стороне от первого... Чувствую, некая сила поднимает меня. Сзади упирается в лопатки и в ягодицы нечто вроде доски. Поднятая той силой, я застыла в наклонном положении — пятки касаются пола, а тело висит в воздухе под острым углом.

Один из двух мужчин, стоявших на арене, сказал звучным баритоном:

— Нас очень тревожит тот факт, что вы у себя на Земле наращиваете арсеналы боевых ракет. Неужели вам не страшно? Неужели не понимаете, что готовитесь к коллективному самоубийству?

Тамара вспоминает:

— Прежде чем ответить, я усмехнулась. Затем с радостью в голосе стала заверять их в том, что ситуация на Земле недавно коренным образом изменилась. Мы, сказала я, сейчас сокращаем вооружения, уничтожаем ракеты, разоружаемся. Мужчина изредка прерывал меня недоверчивыми репликами, просил уточнить детали. Чувствовалось, он не очень-то верит мне. У нас с ним возникло что-то вроде дискуссии. Я горячилась, пытаясь переубедить его. И вдруг потеряла сознание...

Мызина пришла в себя в половине девятого часа утра. Она осознала себя лежащей на постели в квартире своей матери.

Самочувствие у женщины было отвратительным. С великим трудом она оделась и отправилась на работу. Все косточки, все мышцы у нее болели так, словно проехался по телу асфальтовый каток. Боли стихли лишь спустя три дня.

«Ой! В поле ходит дверь!»

Из Нижегородской области поступил ко мне рапорт от одного тамошнего важного милицейского начальника. Рапорт сопровождался постскриптумом, в котором мне запрещалось упоминать имена и фамилии его героев, а также названия населенных пунктов, если надумаю публиковать высылаемый текст.

Высокий милицейский чин писал: ежели публично проболтаетесь о том, что я запрещаю обнародовать, гарантирую вам крупные, очень крупные неприятности по линии МВД. А далее было сказано: «В деревне, о которой толкуется в моем рапорте, живет моя престарелая мать, одна из участниц контакта с чертовщиной. Ей не нужны визиты любопытствующих газетчиков, которые будут шастать за нею по пятам, мотая душу вопросами».

Вот почему я начну литературный пересказ очень сухо написанного рапорта с несколько туманной формулировки: в одной из деревень...

В одной из деревень Нижегородской области в начале ноября 1989 года подгулявшая компания вышла вечером из избы подышать свежим воздухом. Почти тотчас же люди заметили над лесом, окружавшим деревню, два больших розовых шара. Объекты неспешно снижались навстречу друг другу под углом примерно 30—40 градусов.

Мужики, основательно подвыпившие, радостно загалдели и бросились гурьбой по направлению к лесу. Они так решили: шары идут на посадку, и есть редкостная возможность поглазеть в упор на НЛО, когда те приземлятся на поляне где-то там, впереди, в лесу... Но пока мужики, восторженно перекрикиваясь, бежали по

неширокому полю, отделявшему деревню от леса, пека ломились сквозь густой подлесок на закраине лесной чащи, шары потерялись из вида. Это не обескуражило, однако, наших сильно пьяных охотников за «летающими тарелками».

Цепью прочесали они лес на глубину до двух километров. Никаких НЛО там не нашли. Продолжая двигаться весело матерящейся цепью, они вышли на поле, раскинувшееся по другую сторону леса. И вот тут-то обнаружили нечто удивительное.

В ясном лунном свете виднелись на земле два десятиметровых круга вытаявшего снега. Трава внутри кругов была полностью обугленной.

НЛО, по всей видимости, совсем недавно приземлялись ненадолго здесь. Но, увы, уже успели улететь.

Мужики сильно расстроились, что не застали «марсиан» на месте.

Они вернулись, приуныв, в избу, из которой выходили поостыть да проветриться. Рассказали старику, хозяину избы, о шарах и о кругах на земле. А тот в ответ молвил: «Шары — это что! Пустяки! Я вот однажды видел, как сверзилась на поляну с небес здоровенная ваза...» Пояснений насчет того, как «ваза» выглядела, не последовало, ибо мужичкам, малость протрезвевшим на морозце, было не до стариковских бормотаний. На столе заманчиво маячили бутылки с водкой, а вокруг них была раскидана нехитрая крестьянская снедь.

Пьянка в избе опять забурлила, наполняя ее стены густыми алкогольными парами...

На следующее утро дед, хозяин избы, алкоголик, к слову сказать, с многолетним стажем, проснулся в тяжком похмелье. И обнаружил, что почти все его вчерашние гости не разошлись по домам, а спят, упившись, вповалку на полу. Дед не стал будить гостей. Хлебнул огуречного рассола, вышел из избы вон и постучал в дверь соседнего дома. Там одиноко жила столь же древняя, как и он, бабка — мамаша того высокого милицейского чина, со слов которого я и описываю эту историю.

У деда с бабкой была предварительная договоренность отправиться на утренней зорьке к реке и «снять верши», то есть вытащить из воды сети, расставленные там сутками ранее. Авось удастся набрать с полведра мелкой рыбы, запутавшейся в сетях...

Через некоторое время престарелый рыбак всполошил мужиков, спавших в его избе, громкими стонами и охами. Мужики, пробудившись, увидели: дед вволакивает в горницу бесчувственное тело бабки.

— Как? Что? В чем дело? — кинулись к старику мужики, хлопая спросонья глазами.

— Да вот, сынки. Вышли мы с бабкой на луг перед речкой, а у меня на ботинке развязался шнурок. Только я наклонился завязать его, бабуля — брык! — упала без памяти на землю.

Стали мужики, дыша перегаром, приводить бабулю в чувство — лить ей в рот водку.

Когда бабка опамятовалась, то запричитала сразу же:

— Ой, ой, в поле ходит дверь! Сама ходит!.. Как я увидала ее, в момент слетела с катушек. Ой, ой.

Мужики, уже успевшие к тому моменту опохмелиться, ответили на ее оханья пьяным гулом — радостным, хмельным. Не удалось вчера поглазеть на НЛО, когда объекты приземлялись? Ну, и фиг с ними. Невелика беда. Зато сегодня, может быть,

повезет, доведется понаблюдать за дверью, которая сама собой в поле ходит... И мужиков как ветром выдуло из избы.

Их пьяный гомон о том, куда и зачем они направляются, услышали мальчишки, околачивавшиеся на деревенской улице. Само собой, они увязались следом за мужиками, томимые жгучим любопытством. В общем, на берег речки — туда, где стояли в ней стариковские верши,— вышла немалая компания, от млада до стара, как говорится. Компания была соответствующим моменту образом мощно и всесторонне вооружена... Нет, боюсь, вы неправильно поняли меня.

В руках у этих пьяниц торчали не дубинки и не топоры, а поллитровки с водкой в товарном количестве. А из карманов телогреек выглядывали соленые огурцы и ломти черного хлеба.

Тесной стайкой прошла компания, включая мальчишек, по лугу у реки туда-сюда, но ничего примечательного не приметила. Однако же не возвращаться назад, ежели выпивка и закуска — под рукой, а на окраине луга высится перед лесом засохший кустарник, годный для костра?

Костер был разведен. В него полетели сырые картошины, прихваченные с собой кем-то из мужиков. И опять пошла пьянка, стремительно набиравшая обороты.

Вдруг кто-то из подростков, собиравших хворост метрах в двадцати от костра, диким голосом завопил:

— Дверь! В поле ходит дверь!

Компания, сидевшая у огня, вся так и вскинулась.

По лугу на фоне речки медленно перемещался из стороны в сторону объект, взявшийся там сию секунду невесть откуда. Это был не цилиндр, не брусок, не какой-то объемный ящик, а именно «дверь» высотою в два метра и толщиной в ладонь. Плоский непрозрачный прямоугольник парил перпендикулярно земле на высоте около тридцати сантиметров, плавно перемещаясь то влево, то вправо.

Пьяные мужики, подбадривая друг друга криками, с гиканьем кинулись к самодвижущейся «двери». Однако так и не смогли приблизиться к ней. Все их попытки добраться до странного объекта и пощупать его руками оканчивались, прямо скажем, плачевно. Не добежав до «двери», мужики отскакивали назад с паническими воплями. Непреодолимое чувство кромешного ужаса накатывало на них в трех-четырех метрах от плоского прямоугольника, а ноги немели. В рапорте высокого милицейского чина сказано: «При этом ясно осознавалось, что ужас навязывался извне, независимо от субъективного нежелания «бояться»... Потрясенные и сильно присмиревшие, подвыпившие граждане в сопровождении трезвых детей спешно покинули зону контакта».

Человек, упавший в стену

Ростовчанин Михаил Бабкин, которому чуть больше тридцати лет, провел несколько кошмарных минут в некоем ином мире. Его отчет о пешем (!) путешествии неведомо куда косвенно подтверждается свидетельскими показаниями двух других ростовчан — Николая Леонтьева и Виталия Кравченко, сверстников Михаила. Оба они собственными глазами видели, как Бабкин... провалился в бетонную стену и исчез в ней! И как спустя примерно час выскочил из стены с лицом, перекошенным от ужаса.

После долгой обстоятельной беседы с Михаилом я побывал на месте неслыханного происшествия и тщательно осмотрел, а также простукал ту стену.

Стена как стена.

Монолитная. Без скрытых пустот и зримых изъянов.

Вот как все, по словам Бабкина, Леонтьева и Кравченко, произошло.

В Ростове-на-Дону есть водный спортивный комплекс «Октябренок», функционирующий круглый год. Теоретически он предназначен только для детишек, но на практике имеется в «Октябренке» сауна, а при ней — холл с холодильником, телевизором, баром, красивой мебелью. Представители городской элиты — единственные посетители сауны и холла. Они парятся в сауне, выпивают и закусывают в холле, потом резвятся в спортивном бассейне и затем опять выпивают и закусывают... Простому человеку попасть в сауну практически невозможно.

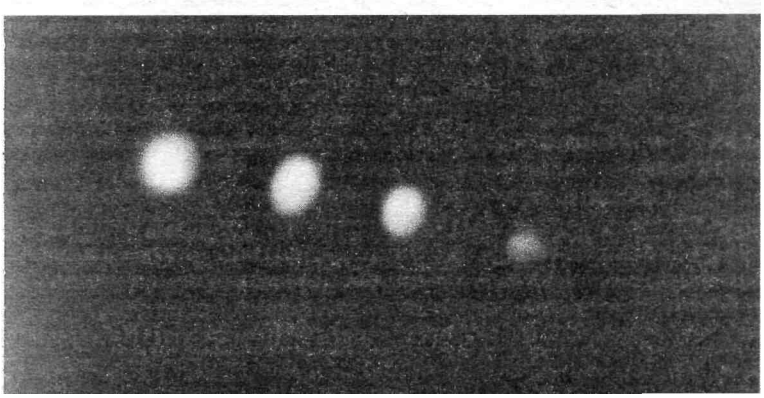
Нужны связи, нужен великий блат, дабы проникнуть сюда. У Михаила Бабкина такой блат был. Один его приятель работал в «Октябренке» сменным ночным сторожем.

Поздним вечером в ночь на 14 января 1978 года Бабкин, Леонтьев и Кравченко, в ту пору — восемнадцатилетние юноши, вошли в помещение спорткомплекса, впущенные туда сторожем. Они встретили старый Новый год с бокалами шампанского в руках в холле, примыкавшем к сауне. Попарились в свое удовольствие в сухом жаре сауны, поплавали в бассейне, опять попарились и опять поплавали. Выпили водки и закусили... Так и прошла ночь.

В шесть часов утра ночной сторож, принимавший деятельное участие в увеселении, предложил ребятам разойтись по домам. Он провел их к служебному выходу из здания по так называемому «заднику» — подсобному, чисто служебному коридору с бетонными стенами без окон. Коридор тянулся по подвальной части здания рядом со стеной бассейна.

— Шли мы в следующем порядке,— рассказывает Михаил Бабкин.— Впереди шагал наш «проводник», сторож, за ним — Леонтьев, следом — я, а позади меня топал Кравченко. Коридорчик был очень узким. Помнится, я подумал тогда: иду, как на расстрел. Два конвоира — впереди, третий — сзади...

Внезапно Михаил оступился, хотя оступаться вроде бы было не на чем. В гладком бетонном полу подземного коридора не было никаких выбоин. И тем не менее левая нога Бабкина, по его ощущению, влетела в какую-то колдобину, выемку в полу. Михаил коротко вскрикнул, и Николай Леонтьев, шедший в шаге впереди, оглянулся, удивленный.



Гирлянда из четырех светящихся шаров ярко-оранжевого цвета долго парила поздним вечером в августе 1989 года над Волгой. Снимок сделан с борта пассажирского теплохода в районе приволжского села Никольское между Астраханью и Волгоградом

Леонтьев:

— Миша вскрикнул, я резко повернул голову назад, глянув на него, и увидел такое, что просто своим глазам не поверил. Миша, смотрю, падает влево. Его плечо

вонзается в бетонную стену и входит в нее, как нож в масло. Следом скрывается в стене и все его тело.

Кравченко:

— Я шел по коридору и рассеянно пялился прямо в затылок Михаила, когда его качнуло, и он закричал. В следующую секунду Мишка завалился влево и всем телом нырнул в стену, как в воду. Он исчез, растворившись в ней. Я обалдел! Кинулся к стене и давай шарить по ней руками. Что такое? Может быть, есть где-то в этом месте какая-то потайная дверь? Двери не обнаружил. Мои руки скользнули по монолитной шероховатой бетонной поверхности.

Бабкин:

— Я ударился левым плечом о нечто, бывшее, судя по ощущению, дверью. Дверь распахнулась, и я влетел в крохотную темную комнатушку, едва удержавшись на ногах. Слева стоял в ней предмет, похожий на медицинский лежак. А прямо передо мной высилась следующая дверь, чуть-чуть приоткрытая. В правой стене комнатушки было прорезано узкое окно. В нем виднелись кроны, верхушки деревьев, сплошь покрытые густой зеленой листвой. Ясный солнечный день стоял там, за окном. Верхушки деревьев раскачивались, колеблемые ветром. Я совершенно оторопел. Сейчас — шесть часов утра, а здесь, за окном,— день в полном разгаре. Кроме того, шел я по коридору, находившемуся под землей. А из окна в этой комнатушке открывался вид, как минимум с четвертого этажа. Наконец, на дворе стоял январь. Ну, а за странным окном был летний день.

Двигаясь словно в трансе, Михаил шагнул вперед и толкнул ладонью маячившую перед ним дверь, чуть-чуть приоткрытую. Перешагнул ее порожек и вошел в следующую, тоже маленькую комнату, охваченную опять-таки полумраком. На потолке слабо светился крохотный круглый плоский плафон. Окон не было. Возле одной из стен стояла здесь точно такая же «кушетка», как и в первой комнатушке.

И опять Бабкин увидел прямо перед собой еще одну дверь.

— В голове у меня был полный сумбур,— говорит, вспоминая, он.— Я чувствовал себя Алисой в Стране Чудес. Был готов уже решительно ко всему — вплоть до встречи с самим Сатаной. Действуя как автомат, я прошагал вперед, распахнул дверь и ввалился в совсем уж странное помещение или, если угодно, в некое пространство.

Абсолютная темнота стояла там. И в этой чернильной мгле мерно посверкивали какие-то яркие точки. Их равномерные проблески подействовали на Михаила угнетающе-гипнотически.

— Я слегка очумел,— рассказывает он.— Не могу оторвать взгляд от мигающих точек. Чувствую, сознание начинает «плыть»... Вдруг вижу, на фоне мерцающих огоньков возникли передо мной черные человекообразные силуэты, слабо подсвечиваемые сзади пульсирующими огоньками. Головы у всех силуэтов были квадратными! Фигуры стояли передо мною цепью. Их было пять.

В центре цепи, подметил Михаил Бабкин, один из силуэтов замер в слегка склоненной позе. Он навис над неким светящимся аппаратом небольших размеров. Аппарат походил на початок кукурузы, направленный острым концом на Михаила. Светился он очень ярко, однако почему-то ничего не освещал окрест себя.

Бабкин услышал мужской голос, прозвучавший как бы прямо в его, Михаила, голове. Голос произнес с вопросительной интонацией:

— Этот?

Ему ответил другой мужской голос, опять-таки донесшийся не из черного пространства перед Михаилом, а гулким эхом прокатившийся внутри черепа нашего невольного контактера. Он сказал:

— Нет. Не тот.

Голос, раздавшийся первым, изрек тут же:

— Стирание памяти необходимо.

Фраза произвела на Михаила Бабкина устрашающее впечатление. С оглушительной ясностью он осознал, у кого именно будут стирать сейчас, по всей видимости, память.

Покуда черные фигуры с квадратными головами обменивались своими односложными репликами, Бабкин — неведомо для него как — вышел из состояния полугипнотического транса, в котором пребывал до появления фигур. К нему вернулась ясность мысли. Ужас заполонил все его естество, когда он услышал фразу насчет «стирания памяти».

— Я подумал, эти мерзавцы сотрут сейчас всю мою память, и я превращусь в полного идиота с мозгами, как у младенца...

Михаил ринулся со всех ног прочь, сверкая пятками. Двери одна за другой так и захлопали за его спиной. Виталий Кравченко:

— Прошел почти час с того момента, как Миша провалился в стену. Мы обыскали весь спорткомплекс. Нигде не нашли исчезнувшего. Вернулись в «задник», в подземный этот коридор и в полном отчаянии стали простукивать стену. Мы ничего не понимали. Мы были в панике. Собрались уже звонить в милицию, хотя и отдавали себе отчет, что вряд ли нам поверят там. Николай Леонтьев:

— Я медленно брел вдоль бетонной стены и стучал по ней кулаком, выискивая тайный, тщательно скрытый лаз. И вдруг прямо из стены головой вперед вылетел пробкой Миша Бабкин с криком «...твою мать!» Он рухнул на четвереньки на пол, едва не свалив меня с ног.

Михаил Бабкин:

— Я вывалился в коридор, очумело вертя головой и что-то дикое, нечленораздельное выкрикивая. Ясно услышал, как дверь за моей спиной захлопнулась с громким стуком. Оглянулся — никакой двери в стене нет!.. Ребята сказали, что искали меня, бегая туда-сюда по спорткомплексу около часа. А по моим личным ощущениям пробыл я в каком-то бредовом ином мире ни в коем случае не более пяти минут. Вот чудеса, правда? Получается, время там течет с другой скоростью, нежели у нас на Земле?

Внеземной секс

А теперь — короткое, но очень колоритное по содержанию и особенно по финалу сообщение студентки Ларисы Алексеевой из Краснодара:

— 11 марта 1990 года в первом часу ночи я шла по городу. Возвращалась со свидания с моим кавалером. До институтского общежития, где я жила, оставалось несколько кварталов... Внезапно передо мной появились два незнакомца. Они были одеты в серебристые костюмы, плотно обтягивающие тела. На головах — шлемы с какими-то пепельными непрозрачными пластинами, полностью скрывавшими лица. Из груди — повторяю, прямо из груди! — одного из них раздался голос, вроде бы мужской.

Голос сказал:

— Мы прилетели издалека. Не хотите ли пойти с нами?

— Пойти? Куда?

— Не хотите ли пойти с нами? — повторил голос.

—Но ведь уже поздно,— ответила я, почему-то вовсе не испугавшись этих страшилищ.— Я хочу спать.

— Мы сделаем так, что вам не захочется спать.

И тут до меня дошло — да ведь передо мною же стоят «марсиане», прилетевшие из космических далей.

— Вот здорово! — с энтузиазмом воскликнула я, переводя взгляд с одного «марсианина» на другого.— Вы — с Марса, да? Или с какой-то другой планеты? Как же мне повезло, что я повстречалась с вами. Ведь такая встреча — мировая сенсация. Скорее рассказывайте, как вы там, на вашем Марсе, живете. Сгораю от нетерпения выслушать ваш рассказ.

Вместо ответа один из «марсиан» медленно провел сверху вниз ладонью перед моим лицом.

В ноздри ударил странный едкий запах, незнакомый мне, и я потеряла сознание... Что было дальше — не ведаю.

Очнулась около трех часов ночи. Едва придя в себя, сразу же глянула на свои наручные часики. Потом осмотрелась по сторонам. Вижу, лежу в двух шагах от главного входа в мое родное студенческое общежитие. Чувствую сильные боли внизу живота, словно после усиленных занятий сексом...

Охая и ахая, прижимая руку к низу живота, я встала с земли и побрела к дверям общежития.

А вскоре потянуло меня на солененькое и пропали месячные. Я пригорюнилась и в то же время очень-очень сильно удивилась. Дело в том, что я не имела еще половых связей с моим кавалером, от которого возвращалась в ту памятную ночь по ночному городу. Наш роман был в стадии, так сказать, распускающегося бутона — ну, вздохи, лобзания, романтические прогулки под луной. Да и с другими мужиками не состояла в интимной связи в последние месяцы... Между тем налицо были все характерные признаки беременности.

Тут я вспомнила, как сильно и весьма специфически болел мой, простите, половой орган после встречи с «марсианами». И, вспомнив, совершенно осатанела. Сообразила, что это, видать, они изнасиловали, обрюхатили меня, лишив предварительно сознания.

Кинулась я в женскую консультацию. Там говорят: да, милочка, вы беременны. А кто отец ребенка?.. Отец, отвечаю с бешенством, в космосе летает, смылся, говорю, на Марс, подальше от исполнения святых отцовских обязанностей, сволочь инопланетная!.. Давайте, говорю, направление в больницу — пойду туда потрошить себя, как курицу.

Дали мне направление. Легла я в больницу, и мне сделали аборт. Вот и все.

В отличие от краснодарской студентки, другая женщина, коренная москвичка не стала делать аборт в приблизительно сходных обстоятельствах.

Ее двадцатипятилетний супруг сам разыскал меня. Кто-то дал ему номер моего домашнего телефона, он позвонил, и мы договорились о встрече.

Наше свидание было непродолжительным, а произошло в мае 1993 года возле входа на станцию «Арбатская» Московского метрополитена. Мужчина сказал, что его зовут Валерием, но отказался назвать фамилию. Он также умолчал о своем домашнем адресе.

— Наслышан о вас как о собирателе историй про встречи с инопланетянами,— произнес он, извлекая из внутреннего кармана пиджака обычный почтовый конверт. — Вот и надумал повстречаться с вами, показать пару странных фотографий.

Валерий помахал перед моим носом почтовым конвертом.

— Фотографии здесь, в конверте,— сообщил он.— Прежде чем показывать их, расскажу все по порядку. Хочу сразу же подчеркнуть, что не надеюсь на вашу помощь.

Мужчина горестно вздохнул.

— Мы с женой прекрасно понимаем, помочь нам нельзя. Ситуация, в которой мы оказались, совершенно безысходна... А пускать в дом любопытствующую публику с научными приборами мы не намерены! Да, категорически не намерены. То, что случилось у нас,— это наша семейная драма. Наше интимное горе. И мы хотим нести его крест в одиночку, не выставляя на публичное судилище... Вам ясна моя позиция?

— Нет,— ответил я.

— Нет? — растерялся Валерий.

— Послушайте, голубчик, я что-то не улавливаю логики в ваших речах. Если вы хотите сохранить все это в тайне, то с какими, спрашивается, целями пригласили меня на рандеву?

— Ах, вот вы о чем... Понял. Это была идея моей жены. Ну, чтобы я повидался с вами. Знакомые принесли нам несколько вырезок из газет — ваши статьи. Жена прочитала их и говорит: разыщи этого человека. Отдай ему фотографии. Поведай о нашем несчастье. Скажи, пусть он расскажет нашу историю в одной из своих новых статей, не называя имен. Пусть история послужит предупреждением для других людей. Вдруг у кого-либо из них случится когда-нибудь то же, что произошло у нас. И люди будут, ужасаясь, теряться в догадках, не зная о скрытых причинах происшедшего.

— А вы с супругой знаете?

— Думаю, знаем. Во всяком случае, нам кажется, что это так.

Валерий вытащил из конверта две фотографии и протянул их мне.

— Можете оставить снимки себе на память,— молвил он.— Их предыстория такова. Жена собралась рожать. Будучи на пятом месяце беременности, она как-то сказала мне со смехом: «Знаешь, месяца четыре назад был у меня удивительно яркий сон. Снилось, что я нахожусь в небольшом круглом помещении, слабо освещенном. Лежу, голая, на столе. Рядом стоит высоченное существо, похожее на человека, но не человек. Голова как огурец. Огромные раскосые глаза. Серый комбинезон в обтяжку, доходящий до горла. Существо открывает рот и произносит на чистом русском языке: «Надеюсь, вы не будете возражать против искусственного зачатия?» Я не успела ответить. Увидела, как надо мной взлетела вверх его рука с большим стеклянным шприцем в ней. Потом сон внезапно кончился...» Ну, мы с супругой посмеялись над ее рассказом, и я надолго забыл об этом нашем разговоре.

— А когда вспомнили вновь?

—Примерно через полтора или два года после рождения ребенка. Родился мальчик. И вот стоило жене покормить грудью его, как тут же делалось ей дурно. По ее словам, всякий раз ощущение бывало таким, будто сынок «опустошал» всю ее, «выпивал вместе с молоком из груди всю энергию из тела». Жена решила, что заболела, и пошла по врачам. Эффект от походов — нулевой. Потом, когда мальчишка подрос, энергетические «опустошения» моей супруги стали случаться значительно реже, однако все же происходили время от времени. Сынок как бы

становился на подсос к собственной матери и в считанные секунды выкачивал из нее энергетические, так сказать, соки громадными дозами.

— Происходило ли это в вашем присутствии?

— И не однажды! Сын подойдет к матери, прижмется к ней, а та вдруг резко бледнеет, хватается рукой за сердце... У меня есть фотокамера. По мере того как малыш рос, я делал его фотографии для семейного архива. То, что иной раз выходило на снимках, повергало нас с женой в натуральный шок. Фотоаппарат улавливал явления, которые не наблюдались глазами в момент съемки. Полученные снимки ясно показывали — рядом с нами растет не обычный ребенок, а монстр!.. И вот однажды мне вдруг припомнился рассказ супруги о ее странном сне, на удивление ярком.

Валерий перевел дух.

— Неужели это был не сон, подумал я. Неужели мальчик — не мой сын, а результат внеземного, судя по содержанию «сна», искусственного зачатия? Взгляните на фотографии. Обе они были сделаны при обстоятельствах, когда моя жена в очередной раз «опустошалась», «энергетически грабилась» этим... гм... существом. На снимках отчетливо видно, что... э-э... существо использует специальные, нечеловеческие, технические приемы для вторжения в тело своей матери.

Пока Валерий говорил все это, я внимательно изучал фотографии. Мерзкий мальчишка был запечатлен на них в разном возрасте. Временной интервал между первым и вторым снимками достигал, судя по облику этого малолетнего вампира, как минимум двух лет.

На первом снимке я увидел интерьер ванной комнаты.

Фото 1. Слева на снимке — рука матери ребенка, стоящего в ванне. Из правой подмышки мальчика торчит кишкообразный отросток, вонзившийся своим концом в женскую ладонь

Фото 2. Справа на снимке видна рука матери и лишь частично ее тело. Женщина одета в толстый шерстяной свитер. В центре — тот же ребенок, поддерживаемый материнскими руками. Его левая нога, сделавшись почти в два раза тоньше правой, превратилась ниже колена в продолжение свитера на теле матери, а ступня ушла в ее живот

Слева на фотографии была запечатлена рука взрослого человека. Валерий тут же пояснил, что это была рука его жены. Правее виднелся пацан, стоявший в ванне. Из правой подмышки у него торчало странное образование, покрытое точь-в-точь такой же кожей, как и кожа на теле ребенка. Образование походило на толстенькую, слегка изогнутую недлинную кишку. Один конец кишки скрывался в подмышечной впадине, а другой был внедрен строго в центр женской ладони.

Прыткий мальчишка на снимке выпустил из себя некую трубку, незримую для окружающих, и вонзил ее в руку своей матери, как насос. А фотоаппарат, улавливающий, как известно, некоторую часть инфракрасной области спектра, «подсмотрел» содеянное вампиром.

На второй фотографии тот же самый пацаненок выглядел постарше. В кадр попала также часть тела его матери. Была видна женская рука, придерживающая ребенка, а также отчасти женский живот и женские колени. Женщина была одета в толстый шерстяной свитер.

Левая нога мальчика, упиравшаяся в материнский живот, разительным образом отличалась от правой. От лодыжки и почти до колена она, став необычайно тонкой, превратилась как бы в продолжение свитера, облегавшего тело женщины. Самое же интересное: ступня не просматривалась вообще! Она... ушла в женский живот, утонула в нем, как шланг в бочке с водой.

Судя по снимку, на сей раз пацан хлестал «энергию жизни» напрямую из чрева матери — непосредственно из места, столь хорошо знакомого ему, родного и обжитого. Оттуда, где он развивался и формировался, будучи зародышем, затем плодом.

Валерий сказал:

— Мы с женой думаем, тот ее сон был вовсе не сном. Мы подозреваем, наш сынок — продукт внеземного искусственного зачатия. Ему, отчасти внеземлянину, постоянно не хватает энергии на Земле, чтобы нормально развиваться, да попросту даже жить. В отличие от обычных земных детей, ему регулярно требуются дополнительные порции сугубо земной, сугубо человеческой энергии. Вот он и становится время от времени на подсос к источнику энергии, наиболее для него беззащитному и близкому,— к собственной матери... Или, может быть, есть у вас какое-то иное объяснение?

В голосе моего собеседника прозвучала надежда.

— Ну, не знаю,— уклончиво произнес я.— Может быть, вы правы в своей гипотезе о внеземной природе ребенка. А может быть, и нет. Так или иначе, ясно одно. Мальчишка — энергетический вампир, сосун. Включая свой энергонасос, он пользуется при этом приемами, абсолютно недоступными нормальным людям... Зря вы отказываетесь от приборного обследования этого вашего малолетнего, простите, вурдалака.

Лицо Валерия окаменело.

— Прощайте,— холодно проронил он и протянул мне руку.

— Погодите,— сказал я, удерживая в своей ладони его сухие и горячие пальцы.— Допустим, вы правы. Допустим, в вашем доме на самом деле подрастает тайный агент Иных Миров, внедренный в наш мир через чрево вашей супруги... Неужели вы не понимаете, что если это так, то тайный агент будет делать все возможное для сокрытия своего существования от окружающих? Ваш отказ от медицинского и приборного обследования ребенка выглядит иррациональным. Поймите меня правильно. Я вовсе не хочу пугать вас. Я просто задаю вопрос. А вдруг ваш отказ от обследования вампиреныша — это не ваше, Валерий, личное решение? Вдруг он — результат гипнотической команды, отданной вам тайным агентом? И вы лишь исполняете чужой приказ...

— Прощайте,— повторил Валерий и выдернул свою ладонь из моей.

На его лице не дрогнул ни единый мускул. А глаза... Я бы сказал, в них появилась какая-то пустота, какая-то бездонность, ледяная, мертвящая, беспредельная.

Он шагнул ко входу на станцию метро «Арбатская» и растворился в толпе.

«Хирург» и «ассистентка»

Владимир Васильченко, возраст — 34 года, проживает в Сочи.

Он говорит:

— Вы — второй человек, которому я рассказываю эту историю. Никому, кроме матери, не сообщал я до встречи с вами о пережитом. Не хотелось, чтобы обозвали меня сумасшедшим или, того хуже, мошенником... 20 июня 1990 года около одиннадцати часов вечера я сидел в кресле перед работающим телевизором и просматривал свежие газеты. Неожиданно по экрану пробежали полосы, раздался треск, и экран погас. Я встал с кресла, заменил предохранитель в телевизоре, но это не помогло.

Едва на экране возникли помехи, как пес по кличке Мишка, живший в доме, с громким визгом сорвался с коврика, лежавшего на полу под окном, и забился под диван. Владимир удивился: что могло напугать пса? Он позвал Мишку раз, другой, третий. Псина не реагировала на зов, сидела под диваном, продолжая испуганно скулить.

Владимир встревожился.

Мишка был хорошо выдрессированным псом, всегда бес прекословно слушался своего хозяина. То, что сейчас он отказывался исполнять команду «Ко мне!», говорило об одном. Пес был смертельно напуган чем-то или кем-то.

Чем? Кем?

Васильченко растерянно прошелся по комнате. Ему показалось, он слышит какое-то слабое жужжание, исходившее неведомо откуда. Владимир заглянул за шкаф, под стол, за телевизор... Нет, источник жужжания находился где-то в другом месте.

Владимир подошел к окну. И ахнул.

Жужжало там, за окном. Звук, с каждой секундой нараставший, доносился с неба. Вместе с ним приближались к окну два луча, падавших под острым углом с небес — из чернильной ночной мглы.

Небольшой частный дом, в котором герой нашей истории жил, был одноэтажным. Окно комнаты выходило на огород, расположенный позади дома. В дальнем конце огорода виднелся сарайчик — так называемая летняя кухня.

Лучи осветили огород и замерли, упершись в землю перед летней кухней.

—Тут же я услышал команду. Некий голос приказал мне выйти во двор и подойти к летней кухне,— говорит Владимир.— Самое поразительное, что приказ был отдан не вслух, а прозвучал прямо в моей голове. Подчиняясь ему, я вышел из дома. Попутно мельком отметил — Мишка не побежал следом за мной, как обычно это делал, когда я выходил на огород. Пес остался под диваном. Он продолжал жалобно поскуливать.

Когда Владимир Васильченко приблизился к сарайчику летней кухни, он увидел, по его выражению, «совершенно сногсшибательное зрелище в духе фильмов ужаса».

Освещаемые падавшими с неба лучами, там стояли две женщины в серых костюмах, похожих на спортивное трико. У них были необычайно большие рты, нечто вроде щелей, прорезанных на круглых лицах. На головах — круглые шлемы, оставлявшие открытыми лица.

У одной дамы шлем имел длинный треугольный козырек, выступавший вперед над бровями, частично затмевавший открытое лицо. У другой козырек на шлеме оказался полукруглым. Он нависал над глазами, почти полностью скрывая их.

— Даму с треугольным козырьком на шлеме я назвал про себя «ассистенткой»,— рассказывает Васильченко.— Она, как я вскоре сообразил, выполняла некие подсобные работы в спектакле, который я увидел. А вторую даму я определил сам для себя как «хирурга», ибо она была в том спектакле главным действующим лицом. Присутствовало там и третье лицо. При первом взгляде на него меня всего так и передернуло от отвращения. Важно тут же отметить, что это была моя единственная короткая эмоциональная реакция на происходящее. В следующую секунду... как бы это выразиться... ну, полностью «отрубило» у меня все эмоции. Я воспринимал дальнейшее с каким-то ледяным спокойствием, которому, к слову сказать, решительно не нахожу по сей день никакого объяснения.

Итак, Владимир увидел третье лицо. Это было голое существо с головою очень старого мужчины. Ниже головы виднелась морщинистая шея, а вот дальше... Дальше шея переходила в совершенно невероятное тело, даже отдаленно не похожее на нормальное человеческое. Голова старика росла из большого кожаного мешка, безостановочно сотрясаемого внутренней дрожью.

— Едва заметив мешок,— рассказывает Васильченко,— я тут же сообразил, что он был вовсе не чехлом на человеческой фигуре, упрятанной в него. Это было именно живое тело, трепещущее и как бы беззвучно стенающее. На старческом лице, венчавшем мешок, застыла гримаса ужаса, а в глазах светилась мольба. Ни единого звука не доносилось из губ старика, плотно сжатых.

Женщины проводили какие-то загадочные манипуляции, склонившись над странным существом. Безрукая и безногая тварь с человеческой головой лежала перед ними на чем-то вроде доски, парившей в воздухе.

В ходе манипуляций мешкообразное тело существа, беспрерывно сотрясаемое дрожью, вдруг начинало в какие-то моменты вибрировать с удвоенной силой. Тут же мешок сжимался, уменьшаясь в размерах, точно из него выпускали воздух. И появлялись на нем отростки, которые затем превращались в руки и ноги, ненормально, впрочем, гладкие и толстые, как бы раздутые изнутри. А на самом мешке проступали очертания грудной клетки и живота.

Проходило несколько томительных секунд, и эти очертания исчезали. Недооформившиеся до нормального, так сказать, вида руки и ноги теряли свой зыбкий облик, опять превращались в отростки, похожие на большие сардельки, а те втягивались в мешок. И мешок снова распухал, раздувался до своих прежних размеров.

Вот как охарактеризовал все эти жутковатые превращения Владимир:

— У меня сложилось впечатление, что женщины пытаются сформировать из мешка обычное человеческое тело. Но почему-то работа не клеится. Голова у существа есть. Голову они уже сотворили. А с телом возникли какие-то проблемы... Сейчас, задним умом, мне мерещится, что эти мысли о целях манипуляций с мешком возникли в моей голове вовсе не в результате моих наблюдений за происходящим и его оценки. Стоя в тот момент рядом с женщинами, я как бы воспринимал телепатически от них информацию о цели их работы. Во всяком случае, мне тогда казалось, что воспринимал. Возможно, я ошибаюсь.

Возясь с существом, висевшим в воздухе, дамы пользовались тремя инструментами.

Дама-«хирург» проводила то и дело по мешкообразному телу правой рукой, в которой было зажато что-то вроде крупной круглой присоски с металлическим ободком. А левая рука тем временем с неимоверной скоростью носилась в воздухе

туда-сюда рядом с правой. Ее пальцы прыгали вверх и вниз, как бы печатая на незримой пишущей машинке. «Ассистентка» лишь изредка помогала «хирургу». Она подносила к телу существа предмет, похожий на короткий штырь с изогнутым крючком белого цвета. Тыкала крючком в тело. Именно после тыканий кожаный мешок начинал сжиматься, и на нем вскоре отрастали руки и ноги — ненадолго, впрочем.

Третий инструмент несколько раз появлялся в руках «хирурга», словно бы материализуясь из воздуха. Владимир так и не сумел описать его внятно.

— Это было нечто маленькое, металлическое, состоящее из блестящих трубочек и угловатых выступов,— говорит он.— Никогда в жизни не видывал я подобных медицинских инструментов. Между тем работал лет пять назад в магазине «Медтехника» грузчиком... Когда я подошел к «хирургу» и «ассистентке», они не обратили на меня внимания. Женщины молча и сосредоточенно занимались своим делом. Я стоял рядом и тоже молча пялился на них.

Прошло десять минут. Пятнадцать. Двадцать. Владимир слегка заскучал. Напоминаю, он не испытывал ни страха, ни удивления.

— Кто вы такие? — спросил наконец он.

— Отвяжись! — коротко бросила «ассистентка», чуть повернув голову и косо глянув на мужчину из-под своего треугольного козырька.

Она произнесла это слово, не разжимая губ. Ее голос прозвучал прямо в голове человека. Владимир не последовал совету.

— Что вы делаете? — спросил он.— И что это за мешок с ушами и глазами?

— Заткнись!

— Нет, девочки, в самом деле, что это за мешок? Он — что? Живой?

— Сказано тебе, заткнись. Не мешай работать.

— Да, но...

— В последний раз говорю, заглохни! Что Владимир и сделал.

Как позже выяснилось, простоял он среди ночи возле летней кухни более двух часов, в дальнейшем без единого слова наблюдая за лихорадочной работой «хирурга» и куда более спокойной работой «ассистентки». Долгая тишина была нарушена лишь однажды.

«Ассистентка» опять косо, мельком глянула на мужчину и поинтересовалась:

— У тебя рука болит? Да?

— Да.

— Иди сюда.

Владимир сделал короткий шаг вперед. Протянул «ассистентке» свою правую руку, покрытую от запястья до локтя воспаленной шелушащейся кожей.

Он рассказывает:

— У меня был аллергический дерматит, тяжелое кожное заболевание, доставлявшее массу страданий. Ни один врач не мог вылечить его! В течение долгих лет я лечился в знаменитой курортной поликлинике № 5 города Адлера, потом у известного дерматолога Белецкого в Харькове, у сочинских невропатологов Козельского, Кармиряна, Степанова... Ни в коем случае не хочу бросить тень на них, но факт остается фактом — пользы от лечения не было.

«Ассистентка» вознесла штырь с крючком над больной рукой человека. Провела крючком по ней. Волосы на руке тут же встали дыбом.

— Отойди на прежнее место и не открывай рта,— скомандовала дама.

Прошло два часа...

— Эй, послушайте,— проговорил с некоторой опаской Владимир, ожидая, что в ответ его снова крепко одернут.— Мне очень хочется покурить. Можно я схожу домой за сигаретами?

«Ассистентка» согласно кивнула головой.

Владимир пересек огород, вошел в дом и подхватил со стола пачку сигарет. Услышав шаги хозяина, пес Мишка завозился под диваном. Несколько раз он тихо и горестно тявкнул, однако из-под дивана не вылез... Владимир чиркнул спичкой, раскурил сигарету и вновь направился к летней кухне.

Женщины исчезли. Вместе с ними пропало и мешкообразное тело с головой старца. А лучи, падавшие с небес и еще минуту назад освещавшие площадку перед летней кухней, погасли.

— Я вернулся в дом. Закатал до локтя рукав рубашки на правой руке и осмотрел руку. Что за чудо? Кожа на ней была абсолютно здоровой! Экземная корка исчезла неведомо куда... С того дня миновало вот уже четыре года, а проклятое кожное заболевание не возвращается, слава Богу и инопланетянкам, ко мне. Чувствую себя отлично.

Город мертвецов

Ольга Гребенникова из Ростова-на-Дону, женщина средних лет уверена в том, что весной 1986 года она побывала на некой планете с «искусственным небом» и провела там очень недолгое, к счастью для нее, время.

А произошло это так. Поздним вечером женщина присела на тахту в своей квартире, намереваясь лечь спать. Внезапно она осознала себя стоящей по колени в воде. Одновременно произошло смещение во времени. Там, где она оказалась, день был в самом разгаре. Слева и справа от Ольги расстилалась морская гладь, в впереди — на берегу — раскинулся позади широкого пляжа некий город. Четко расчерченными кварталами стояли там невысокие белые дома.

— Чувствую, меня тянет к городу как магнитом,— вспоминает Ольга.— И вдруг приморский пейзаж исчез. Я очутилась в круглой, бесконечно длинной, каменной трубе, где царил мглистый полумрак. Не знаю, откуда исходило слабое свечение, создавшее его. Со страшной скоростью мое тело понеслось ногами вперед по трубе. Диким голосом я заорала от страха и вот так летела — беспрерывно визжа. Секунд через десять вылетела из трубы и приземлилась, как я понимаю, на одной из улиц того города.

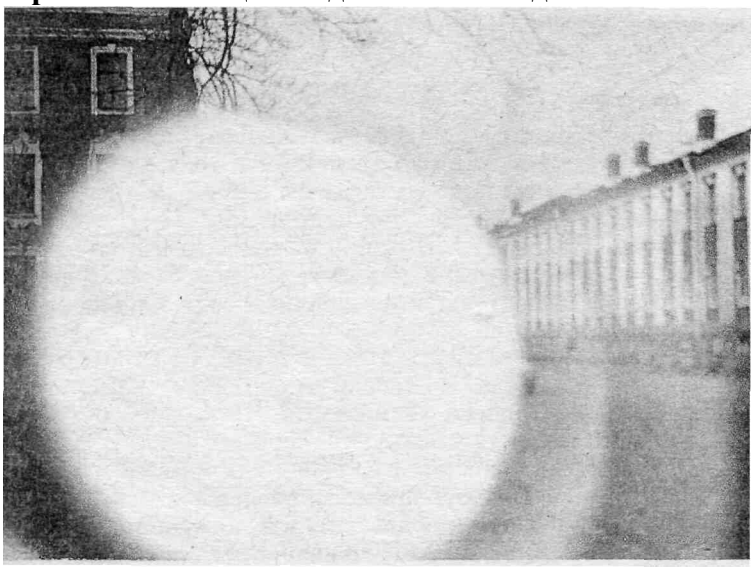
Слева и справа от нее стояли белые дома, вытянувшиеся двумя длинными рядами.

— На улице меня встретили две фигуры в длинных белых халатах, как у докторов. С перепугу я толком не рассмотрела их. Помню лишь, что они отличались высоким ростом.

«Доктора» подхватили женщину под локти и поволокли к ближайшему дому спиной вперед. Лицо Ольги Гребенниковой было при этом запрокинуто вверх, и она видела над собой не бездонное небо, а некий искусственный купол чудовищных размеров. Он простирался от горизонта до горизонта, имел небесный цвет и равномерно светился. На внутренней поверхности купола наблюдалось какое-то искрение — в великом множестве вспыхивали там неяркие искорки.

Оказавшись внутри здания, Ольга увидела там вполне обычных земных людей — как мужчин, так и женщин. Все они беспрерывно двигались. Бродили по обширному

залу туда-сюда. Походка каждого была какой-то неестественно дерганой, напоминала шаг робота. На лицах людей застыли идиотские бессмысленные улыбки.



Март 1993 года. Москва. Гигантский светящийся белый шар с голубоватым ореолом вокруг него появился около полудня на одной из улиц, материализовавшись как бы из пустоты. На высоте около полуметра он поплыл над тротуаром, распугивая прохожих. Спустя пару минут шар внезапно исчез

Гребенникова пыталась вырваться из рук «докторов», тащивших ее.

— Куда вы меня волочете? — истерически кричала она.— Немедленно отпустите. Я не хочу превращаться в таких, как эти! — Ольга с ужасом глядела на людей, бестолково топчущихся в зале.— Они же — мертвецы, живые мертвецы! Ваш город... Это город мертвецов. Да, город живых мертвецов! Не желаю оставаться здесь. Отпустите!

И «доктора» вдруг вняли ее мольбам. А если и не вняли, то все равно дело обернулось таким образом, каким и хотелось Ольге, заходившейся в истошных воплях.

Женщина резко упала спиной вперед куда-то вниз и с размаху села на тахту, стоявшую в ее квартире. Крик застрял в горле. Ольга вновь оказалась в земном мире среди привычных и дорогих сердцу вещей, безопасных в своей обыденной привычности. Неведомо как, ей удалось вырваться из цепких пальцев фигур в белых халатах, вернуться из «города живых мертвецов» назад на Землю.

Другая ростовчанка Валентина Евсеева тоже благополучно вернулась из не менее странного и не менее короткого путешествия неизвестно куда.

В августе 1989 года она проснулась глубокой ночью, словно повинуясь чьему-то приказу.

— Глаза раскрылись сами собой — резко, как у куклы,— говорит Валентина.— Вижу, в изножье постели высится нечто бесформенное, отдаленно напоминающее человеческую фигуру. У черного силуэта есть голова, а на голове сияют светящиеся очки. Или нечто, похожее на очки. Две круглые плошки горят малиновым светом, как включенные фары. Я перепугалась и давай орать: «Мама!.. Мама!..» Фигура растаяла в воздухе...

Прошло около двух лет. 6 июня 1991 года Валентина Евсеева опять пробудилась среди ночи, как по команде, поступившей в ее мозг извне. В балконную дверь бил с улицы сильный световой луч. И тут же женщина осознала, что, к собственному ужасу, висит в воздухе.

Ее тело медленно поплыло к балкону.

Евсеева рассказывает:

— Я прижала руки к груди и, пока летела по комнате, шепотом твердила как заводная: «Только не насовсем! Только не насовсем!»

Вылетела сквозь распахнутую дверь на балкон. А там меня уже поджидали двое — мужчина и женщина. Я спросила: «Кто вы?» Они молча и синхронно улыбнулись в ответ. И мое сознание затмилось...

— Очнулась я, представьте себе, на бегу,— продолжает Валентина свой рассказ.— Прихожу в себя и ощущаю, что несусь во всю прыть по какой-то широкой улице. Несусь в том виде, в каком и была похищена среди ночи из спальни. Босыми ногами отталкиваюсь от неровного каменистого грунта, похожего на застывшую вулканическую лаву. Тонкая и короткая ночная рубашка еле прикрывает мое тело. Слева и справа тянутся двумя цепочками вдоль улицы высо-

кие конусообразные здания. Ну нет таких зданий на Земле! Тут явно какая-то внеземная архитектура... Рядом со мной бегут трое мужчин в темных облегающих костюмах, которые сильно искрятся. Чувствую, начинаю задыхаться, но тем не менее продолжаю бежать как угорелая. Поворачиваю на ходу голову влево и спрашиваю мужчину, несущегося рядом: «Вы не устали?» Он отвечает: «Нет». И мы продолжаем мчаться плечом к плечу в безумной гонке неведомо куда и зачем... Вдруг, ни на мгновение не замедляя шага, я вбегаю в какую-то дверь. И едва не расшибаю голову о платяной шкаф, в который с воплем ударяюсь всем телом. Очумело озираюсь по сторонам. Оказывается, я стою, вся запыхавшаяся и, как загнанная лошадь, взмыленная, в своей собственной квартире. Стою в той самой комнате, из которой несколькими минутами ранее вылетела по воздуху, как пушинка.

А вот письмо из города Кирова от Л. Н. Метельской:

«Посмотрела по местному телевидению фильм про вас и решила написать вам. Расскажу то, о чем пока никому не рассказывала. Это случилось в ночь со второго на третье января 1991 года. Я решила «погадать на будущее». Одна бабка надоумила меня, как сделать это... Я живу в крохотном одноэтажном частном домике на окраине города. Ровно в полночь я трижды обошла домик босиком. Потом расстелила на полу жилой комнаты три овчинных полушубка и улеглась на них, прочитав некий заговор. Через пару минут появились передо мной трое — мужчины и женщина. Спрашивают: «Чего хочешь?» Я говорю: «Узнать будущее». Не успела моргнуть, как очутилась в каком-то странном помещении. В нем было много различных сложных аппаратов и приборов. В центре помещения плавал в воздухе глобус. Один из мужчин, доставивших меня сюда, показал рукой на глобус и сказал: «Вот будущее Земли. Видишь, всю планету сотрясают землетрясения и заливают потопы. Скоро, очень скоро это произойдет на самом деле». Последовала яркая вспышка перед глазами. И я опять лежу в моем доме на овчинных полушубках, вся мокрая от пота и трясущаяся от страха... Утром глянула в зеркало и ахнула. Я стала седой».

И еще одна женщина тоже побывала в шоке, когда окончился ее вариант контакта с Иным Миром. Зовут ее Людмила, ей — 21 год, живет на окраине Рязани. Фамилию не называю по ее просьбе.

В сентябре 1991 года родители Людмилы отправились ранним утром за город — в лес по грибы. Они вышли из дома в пять часов тридцать минут. Проводив родителей, Люда си-

дела на кухне, пила чай. Вдруг прямо с потолка ударил луч света.

И голос, неведомо чей, произнес тотчас же на ломаном русском языке:

— Зыдыраствуйте, что значица привет от мы. Женщина взвизгнула от страха и уронила чашку с чаем

на пол. Чашка разбилась.

А голос проговорил — со все тем же сильным акцентом, коверкая слова:

— Мы есть гостевающие у вас с космосу.

— Убирайтесь вон! — взвыла Людмила, вжимаясь спиной в стену.— Уходите. Я боюсь вас.

Голос обидчиво пробурчал:

— Так не принимают гостевающих. Вы есть бескультурное существо, мелкое проявленьице от земная глупость. Вы есть грубы и глупы.

Неведомая сила оторвала женщину от стены. Дамский халатик взвился вверх, сам собой слетая с тела. К обнаженной спине прикоснулись чьи-то руки.

— Они стали сдирать с меня кожу,— говорит, вспоминая, Людмила.— Боль была адской. «Что вы делаете, мерзавцы? — в полный голос орала я, безуспешно пытаясь вырваться.— Мне же больно!» А голос на своем отвратительном ломаном русском языке сказал: «Тихо. Не дергайтесь. А то хужей будет. Сейчас, значица, постанавливается очень важная экспериментица на вас, которая есть дура». Я совершенно отчетливо почувствовала, как кожу с моей спины сдернули как чулок. Неописуемая боль!!! Потом чьи-то пальцы вонзились в мою спину и начали шарить внутри тела, ощупывая органы. От болевого шока наступил у меня глубокий обморок.

Родители Людмилы вернулись домой к полудню с лукошками, полными грибов. Они обнаружили дочь лежащей нагишом посередине кухни на животе и тихо стонущей. Вся ее спина имела багровый цвет, как после ожога — как ошпаренная кипятком. Стреляющие боли в спине прошли лишь спустя две недели...

Как мы убедились на приведенных примерах, на живых людях Нелюдьми ставятся некие таинственные эксперименты.

Прекрасная незнакомка

Рассказывает Дмитрий Науменко из Ростова-на-Дону:

— В 1985 году мне было двадцать пять лет. На дворе стоял ноябрь. Я гулял в одиночестве по городу. Вижу, навстречу мне шагает по улице девушка ослепительной красоты. Помню, меня поразили волосы, обрамлявшие ее лицо. Они были совершенно белого цвета, причем явно не крашенные, а естественного оттенка.

Девушка заулыбалась издали, едва приметив меня. Когда мы сблизились, она вдруг проговорила:

— Привет!

Я слегка растерялся и с некоторой запинкой тоже поприветствовал ее.

А девушка сказала:

— Вот я гуляю. Любуюсь городом.— И предложила: — Давайте гулять вместе.

— Давайте,— обрадовался я, совершенно очарованный ее редкостной красотой.

Мы медленно пошли по улице, перекидываясь короткими, ничего особенного не значащими фразами о погоде да природе.

Минут через пять я сказал:

— Может быть, зайдем ко мне домой? Попьем чаю. Я тут недалеко живу.

— Нет,— проронила она в ответ.— У меня мало времени.

— Да мы не будем долго задерживаться у меня. Просто посидим немножко, попьем чаю,— продолжал настаивать на своем я.— Потом возьмем такси, и я провожу вас до вашего дома.

Девушка внимательно посмотрела на меня.

— Вы неправильно понимаете ситуацию,— усмехнулась она.— Я — не из этого города. Через несколько минут я должна улететь отсюда вместе с моими друзьями, но надеюсь еще раз вернуться когда-нибудь сюда в будущем.

— Вы — не из этого города? А откуда же?

— Это неважно. Из другого мира.

Когда я услышал такое, челюсть у меня, что называется, отвисла, и я переспросил, полагая, что ослышался:

— Откуда?

— Из другого мира,— четко повторила она.— Видите ли, мы с друзьями занимались у вас тем, что устанавливали связи с людьми, обладающими некоторыми определенными свойствами. Есть среди вас люди со специфическими полями. Только с ними и возможен наш контакт. Но таких людей мало, даже очень мало... Вот мы уже собрались сегодня улетать, я шла по улице к месту отлета, а тут гляжу — навстречу идете вы. И у вас — то самое поле, которое и требуется для полноценного контакта... Простите, мое время истекло. Прощайте.

Девушки не было. Она пропала. Одновременно померк странный неяркий свет, заливавший равномерно комнату, пока все, только что описанное, происходило.

В состоянии, смахивающем на несильное опьянение, я почему-то сразу же оделся и быстрым шагом вышел из дома во двор. Дом стоял недалеко от телевизионной вышки... Над башней ростовского телецентра висело в небе крупное сигарообразное тело с зеленоватым ореолом вокруг него. Вниз от объекта тянулись лучи света, которые неким непостижимым образом не доходили до земли. Они обрывались метрах в двадцати над нею, как обрезанные ножом.

«Сигара» стронулась с места и медленно поплыла прочь. Вскоре она скрылась в ночном небе.

А через пару дней в областной газете «Молот» появилась статья, где описывался полет сигарообразного объекта возле телецентра, а также над другими районами города. Назывались поименно очевидцы полета — случайные припозднившиеся прохожие и члены милицейских патрулей, разъезжавших по ночному городу на своих патрульных автомобилях.

«Третий глаз»

И снова — Ашхабад. Декабрь 1990 года. Меня знакомят с тридцатилетней Натальей Кузиной и ее шестилетней дочерью Таней.

Наталья Кузина:

— В нашей семье — чрезвычайное происшествие. Мы с мужем — в недоумении, даже в легком ужасе. Дочурка уверяет, что общается с инопланетянами.

— Может быть, это не более чем детские выдумки?

— Хотелось бы, конечно, надеяться. Да беда в том, что Танюша, толкуя о своих встречах с ними, сплошь и рядом использует недетскую терминологию. Мой муж — инженер по образованию. Но даже он не всегда понимает те специфические термины, которыми дочка огорошивает нас.

— Давно это творится с нею? — полюбопытствовал я, разглядывая очаровательное синеглазое существо с большими белыми бантами на голове, стоявшее молча рядом с матерью напротив меня.

— Примерно около года,— ответила Наталья Кузина.— Да, где-то около года назад Танюша заявила однажды утром: «Ко мне ночью прилетели дяди. На головах у них были круглые прозрачные колпаки, доходившие до плеч. На колпаках торчали сверху металлические рожки. Дяди сказали: «Давай дружить». Я сначала испугалась, а потом сказала: «Давайте. А кто вы?» Они сказали: «Мы — из другого мира». И улетели...» Ну, я посмеялась над рассказом Танечки и забыла о нем. А через несколько дней дочка опять завела разговоры об этих «дядях». Говорит: «Они прилетали ночью снова».

— Что происходило в дальнейшем?

— А в дальнейшем были все новые и новые рассказы о ночных встречах с «дядями»,— Наталья Кузина склонилась над дочерью и нежно погладила ее по головке.— Да ты лучше расскажи обо всем сама.

Вот рассказ шестилетней Тани:

— Дяди говорили мне, что живут в другом мире. У них там очень красиво. Я спросила: «А деревья растут у вас?» — «Растут».— «Какие?» — «Похожие на огурцы».— «А что еще есть у вас, кроме огурцов?» Дяди в ответ сказали: «Есть специальные аппараты. Они протыкают дырки между мирами. Наш мир — это мир, параллельный вашему миру. Когда протыкается дырка, пространство свертывается». Дяди сказали, что оно свертывается в точку. А точка называется гравийным колапом.

— Как ты сказала? — ахнул я, едва не уронив блокнот, в котором записывал рассказ девчушки.— Ну-ка, повтори.

Шестилетняя пигалица невозмутимо повторила:

— В точке возникает гравийный колап.

— Может быть, не гравийный, а гравитационный? И не колап, а коллапс?

— Верно! Верно! — захлопала в ладони девчушка.— Гравитационный коллапс!.. Что это такое, я не знаю. Но мамочка говорит, у меня хорошая память. Вот я и запомнила то, что говорили дяди. В другой раз они сказали: «Ты — замечательная девочка. У тебя нужные резонансные частоты».

— Какие частоты?! — сдавленным голосом проговорил я, не веря своим ушам.

— Резонансные. Я хорошо запомнила это слово. Потом они сказали: «Хочешь побывать на нашем корабле?» Я сказала: «Хочу». И очутилась на корабле. Дяди сказали: «Эта штука с кнопками — пульт управления. Хочешь нажать на кнопку?» — «Хочу».— «Нажимай вот на эту, а другие не трогай. Другие ответственны за...» Сейчас вспомню,— Таня сдвинула брови.— Ага, вспомнила. Ответственны за темпоральное смещение и за свертывание пространства. Я правильно произношу слова? Или опять что-то напутала?

—Так, так... Темпоральное смещение, говоришь,— рассеянно пробормотал я, стенографируя в блокноте невероятный по содержанию монолог шестилетнего ребенка.— Свертывание пространства... Ну-ну.

— Я правильно произношу слова? — настойчиво повторила свой вопрос пигалица с белыми бантами.

— Правильно, солнышко, правильно. Продолжай.

— Еще дяди рассказали, что на Земле очень мало людей, с которыми они могут общаться. Я — одна из таких людей, потому что я — недоразвитая.

— Недоразвитая?

— Да. Они сказали, у меня есть редкий атавизм в теле.

— Атавизм, говоришь... М-да. Ты хоть понимаешь, что означает это слово?

— Нет. Дяди сказали, атавизм сидит у меня в голове. Он называется «третьим глазом». Этот «глаз» у меня недоразвит. Они сказали, он у меня, как у ящерицы. И поэтому я могу видеть «третьим глазом»... А многие другие люди не могут! — с гордостью пояснила Таня, завершая рассказ.— Дяди сказали, они заберут меня к себе, когда я вырасту.

Гирлянды в небесах

В августе 1991 года на одной из московских окраин произошло событие, каким-то чудом ускользнувшее от внимания газетчиков, жадных до всего, от чего припахивает дымком сенсации.

Около девяти часов вечера над большим двухэтажным промтоварным магазином зависла «летающая тарелка». Она походила на огромную круглую лепешку, слегка выпуклую сверху.

На улице послышались панические людские крики. Едва НЛО появился над магазином, как от него начало исходить нечто вроде незримого «поля страха». Прохожие, немногочисленные в этот вечерний час, стали разбегаться во все стороны.

Среди убегавших была двадцатилетняя Ю. Н.

— Я — абсолютно здоровый психически человек,— говорит она.— Если все случившееся в дальнейшем со мной — некие невероятные галлюцинации, то в таком случае галлюцинации наводились на мой мозг с борта НЛО...

— Охваченная ужасом, я бежала по направлению к автобусной остановке,— продолжает Ю. Н. свой рассказ.— Там как раз стоял автобус, и у меня было одно-единственное желание — залезть под него и притаиться там. Вдруг из-за моих плеч вылетели и, обгоняя меня, помчались вперед молочно-белые световые круги. В двадцати шагах передо мной они тут же стали превращаться в объемные светящиеся человекообразные фигуры. Одновременно с этим раздался пря-

мо в моей голове громкий голос: «Ничего не бойтесь. Не будет ничего плохого».

Одна из фигур кинулась навстречу Ю. Н., и длинные светящиеся руки облапили ее за плечи, поволокли назад — туда, откуда она бежала, то есть к «летающей тарелке».

Ю. Н. вспоминает:

— Я пыталась вырваться, умоляла отпустить меня, но все было впустую. Последнее, что помню,— устала сопротивляться, рыдаю в полный голос, а прямо надо мною виднеется днище НЛО... И я теряю сознание... Очнулась в очень странном месте. Стою на краю обрыва. Впереди — некое подобие карьера, глубоченный широкий овраг. Я держу за руку девочку примерно трех или четырех лет от роду. Рядом замер мужчина. В голове у меня — сплошной туман. Опять теряю сознание... И вновь прихожу в себя. Вижу — стою на хорошо знакомой улице недалеко от промтоварного магазина. «Тарелка», парившая в небесах, куда-то сгинула... С этого дня все и началось!

Поздним вечером или даже глубокой ночью к Ю. Н. принялись заявляться непрошеные визитеры — «высокие люди в белых костюмах «по горлышко», плотно обтягивавших их тела». Они «разговаривали молча», по меткой формулировке

молодой женщины. Другими словами, общение осуществлялось по телепатическому каналу связи. Содержание речей «высоких людей» Ю. Н. помнит крайне смутно. Всякий раз, когда они навещали ее, женщина впадала в трансоподобное состояние. Она запомнила из монологов инопланетян, к примеру, малосодержательные реплики: «Не надо бояться. Мы пришли с добром», «Скоро нас будет здесь много».

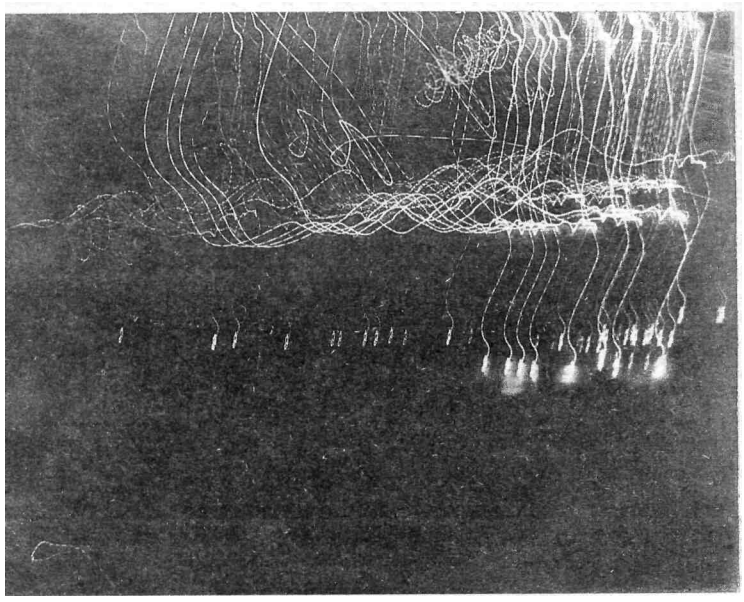
Иной раз в голове Ю. Н. раздавался около полуночи голос, который говорил: «Встреча с тобой в твоей квартире сейчас невозможна. Поднимись на крышу дома». Заторможенным шагом сомнамбулы Ю. Н. поднималась через чердак на плоскую крышу двенадцатиэтажного многоквартирного здания, в котором жила.

Однажды она попросила одного своего приятеля побыть вместе с нею допоздна и, если ее «позовут», тоже подняться вместе с нею на крышу. А там отснять контакт на фотопленку!

Ее «позвали». Приятель двинулся следом за ней с фотоаппаратом в руках.

Несколько раз я беседовал с этим человеком.

— Ничего необычного, «внеземного» мы с Ю. Н. не увидели в ту ночь в небесах,— заявил он.— Женщина подошла к краю крыши, вскинула руки над головой и минут десять простояла в этой позе. Тем временем я щелкал затвором фотокамеры... Когда пленка была проявлена, а фотографии отпечатаны, я очень сильно удивился! Камера «увидела» в небесах то, чего определенно не наблюдали в них мы с Ю. Н. — Пожалуйста, проведите на днях контрольную фотосъемку,— попросил я приятеля Ю. Н.,— поднимитесь с вашей подругой в полночь на ту же крышу. Попутно однозначно убедитесь в том, что она не пребывает в этот момент в своем «контактном трансе». Пусть женщина встанет возле крыши в ту же самую позу. А вы пофотографируйте ее.



Одна из уникальных фотографий, полученных в ходе прямого контакта О. Н. с Неведомым. Запечатленные на ней небесные феномены были 'подсмотрены» фотоаппаратом. Они не наблюдались на визуальном уровне

Сказано — сделано. На фотоснимках, полученных в ходе контрольной съемки, не было обнаружено никаких аномальных явлений в ночном небе.

Через несколько дней случился очередной «сеанс связи» Ю. Н. с ее внеземными, как она полагает, корреспондентами. Он опять происходил около полуночи на крыше двенадцатиэтажного здания.

По словам Ю. Н., она воочию видела «высоких людей в белых костюмах» лишь тогда, когда контакт с ними протекал в стенах ее квартиры. «Высокие люди» вплывали, как аэростаты, в комнату прямо сквозь закрытое окно. А когда женщину «вызывали» на крышу и она поднималась туда, то в ее голове начинали вскоре звучать хорошо знакомые голоса тех «людей». Однако женщина не видела

говорящих. Не видела она и каких бы то ни было НЛО, а также иных «странностей» в небе напротив крыши либо над нею...

Итак, Ю. Н. в очередной раз оказалась на крыше. Ее приятель снова был вместе с нею; объектив его фотокамеры обшаривал небеса. Как и Ю. Н., мужчина тоже не наблюдал при этом ничего экстраординарного в небе.

На всех без исключения многочисленных фотоснимках, сделанных в ту ночь, присутствовали те же самые небесные феномены, что и на фотографиях, полученных в ходе предыдущего психического контакта Ю. Н. с этими ее загадочными внеземлянам'и. Ночной небосклон напротив крыши многоэтажного здания оказался на снимках ярко расцвечен немыслимой иллюминацией.

Над ночной Москвой висели, витиевато переплетаясь, гигантские световые гирлянды. Зрелище — захватывающее! От снимка к снимку феномен трансформировался, наблюдался как бы в своем развитии. Гирлянды то закручивали свои ниспадающие огненные нити в сложно организованные «косы», а то разбрасывали их штриховыми пунктирами по поднебесью подобно частой, отвесно висящей кисее...

Настойчивые уговоры

О двадцатилетнем Сергее Кунаеве из Ростова-на-Дону рассказали мне наши общие с ним знакомые. По их словам, это был скромный обаятельный молодой человек, который никогда ничего не привирал, толкуя о тех или иных событиях в своей жизни. Но вот однажды он стал рассказывать странные вещи. Очень, понимаете ли, странные...

Я встретился с Сергеем и записал его исповедь.

Поздним вечером в июле 1990 года Кунаев прилег на кровать, включил аудиомагнитофон и стал слушать музыку. Лампа, висевшая под потолком, сияла ровным светом.

Внезапно лампа погасла, а магнитофон сам собой выключился. «Наверное, пробки перегорели»,— подумал Сергей, спуская ноги с постели на пол.

Он выпрямился в полный рост и замер столбом на месте. Комната, в которой он сию секунду пребывал, куда-то исчезла. Вместо ее привычных стен появились вокруг совсем другие стены. Кунаев стоял строго в центре обширного зала. Пол в зале был выложен в шахматном порядке большими квадратными плитками белого и темно-серого цвета. Плитки слабо светились как обмазанные фосфором. Такой же слабый рассеянный свет исходил и от стен.

Напротив юноши протянулся вдоль стены длинной белой лентой узкий «стол» с многочисленными кнопками на нем. На фоне «стола» высились три фигуры, каждая — более двух метров ростом. На них были абсолютно черные комбинезоны вроде тех, которые надевают на себя аквалангисты. Но самым примечательным в их облике оказалось другое. У каждого вместо головы клубился над плечами дымный сгусток, четко очерченный по краям и овально растянутый по вертикали.

Сергей услышал голос, прозвучавший не со стороны, а заговоривший прямо внутри черепа юноши. Кунаев очень сильно испугался, услышав его. Голос, неторопливо произнося слова, гудел в голове оглушительным набатом. Он бил изнутри по лбу, по вискам, по затылку, как в колокол.

Голос пророкотал как иерихонская труба:

— Полетели с нами.

— Куда? — растерянно спросил Кунаев.

— В хорошее место.

— Зачем?

— Так надо. Это в твоих интересах.

— Я боюсь.

— Не бойся. Все будет хорошо. Полетели. Ну, ты согласен?

Сергей не стал спешить с ответом. Он задумался, стоя в замешательстве в центре странной комнаты, не зная, что сказать.

Голос повторил с вкрадчивой настойчивостью:

— Полетели с нами! Тебе будет хорошо у нас.

— А вы не врете?

— Нет. Будет очень хорошо.

Кунаев озадаченно потер ладонью подбородок.

— Не хочу лететь,— твердо сказал он, принимая решение.

— И все же мы требуем, чтобы ты согласился отправиться с нами,— зычно прорычал голос.

— Не желаю! — Сергей стиснул кулаки.— Понимаете, не желаю. Отпустите меня домой.

Яркая вспышка света ослепила юношу. Он тихо ахнул, прикрывая глаза руками, а когда проморгался, то облегченно перевел дух. Он сидел на краю постели в своей комнате, почему-то широко раскинув вытянутые ноги в стороны. Бобины на магнитофоне мерно вращались, тихие звуки музыки успокаивающе ласкали слух, а лампа под потолком сияла в полный накал...

В течение двух дней после описанного происшествия Сергей Купаев мучился головными болями.

Спустя неделю все тот же невероятно громкий голос, говоривший словно в мегафон, разбудил Кунаева глубокой ночью. Услышав его, юноша крепко зажмурился, охваченный ужасом.

Голос, забухавший колоколом в его мозгу, произнес:

— Это опять мы. Полетели с нами. Сергей молчал.

— Полетели. Соглашайся. Юноша продолжал молчать.

— Ты даже не представляешь, от какого удивительного приключения отказываешься.

Молчание — в ответ.

— Мы еще вернемся к тебе,— сообщил голос с угрожающей, как почудилось Кунаеву, интонацией.

И заглох.

Как и в прошлый раз, Сергей проснулся утром с сильной головной болью.

А еще через пару недель произошел новый контакт, последний в серии из трех попыток уговорить Кунаева эмигрировать с Земли неведомо куда. Среди ночи некая чужеродная сила буквально вышвырнула Сергея из постели и бросила, мгновенно проснувшегося, к окну.

За окном висела в небе «летающая тарелка» в форме двояковыпуклой линзы с зауженными концами. Вокруг нее сиял ореол, напоминавший по цвету коричневый. Купаев настаивает на своем определении цвета ореола.

Он говорит:

— Впервые в своей жизни я видел яркий свет именно коричневого цвета... Но куда более ошеломило другое. Я стоял боком к окну и одновременно видел «тарелку» в небе за окном и... свое собственное тело, лежавшее в комнате на кровати.

Знакомый голос прорычал:

— Немедленно полетели с нами!

— Ни за что не полечу,— отрезал в ответ Сергей.

— Это твое окончательное решение? - Да.

— Хорошо. Но запомни, через некоторое время мы прилетим опять и все равно заберем тебя с собой. Обстоятельства твоей жизни будут тогда таковы, что ты будешь вынужден согласиться.

Незримая сила оттолкнула Кунаева от окна. Дергающимся шагом марионетки он прошагал по комнате назад к постели и... улегся в свое собственное тело, раскинувшееся в вольной позе на кровати. А затем потерял сознание.

Охота за детьми

Когда читаешь сообщения вроде только что приведенного, волей-неволей думаешь вот о чем. Внеземляне охотятся за вполне конкретными, вполне определенными землянами, представляющими для них в силу некоторых загадочных внутренних свойств ярко выраженный интерес. Почему они не идут на беспардонные похищения людей, почему непременно требуют от них согласия на эвакуацию с Земли — тема отдельного разговора. Может быть, мы еще вернемся к ней... А сейчас выделим другое: многократность попыток уговорить Кунаева отправиться в Миры Иные.

Избирается конкретный человек. Внеземная поисковая служба сосредоточенно нацеливается на него. И начинает методически обрабатывать избранную «мишень».

В моем личном архиве — немало подобных сообщений. Особенно тревожит тот факт, что во многих из них идет речь о детях!

Из Волгограда, например, летом 1994 года пришло письмо от десятилетней Ирины Петровой. К нему было приложено другое письмо — от ее родителей, сообщавших, что они «в ужасе от происходящего. К Ирочке, по ее словам, приставал инопланетянин, похожий на высокую тень. Потом ее друзья-одноклассники стали говорить, что и к ним тоже заявлялись внеземляне и расспрашивали их про Ирочку... Что нам делать?!»

«В прошлом году зимой,— пишет Ира Петрова,— мы с моей двоюродной сестрой Настей шли по улице. Мы возвращались из школы домой. Настя закричала: «Смотри!» Я поглядела туда, куда она показывала. Позади нас висел над улицей огромный белый шар. Мы испугались и побежали прочь от него. Вот и все. А через неделю я шла одна по той же улице. Вдруг передо мной появилась высокая тень. Она сказала: «Хочешь полететь с нами?» Я испугалась, заплакала и сказала: «Нет. Не хочу». Тень исчезла. Прошла еще неделя. И вот моя одноклассница Аня говорит мне: «За тобой охотятся марсиане. Ночью они приходили ко мне. Рожи у них — как у инопланетян из фантастических мультфильмов. Я спросила: «Кто вы?» А они сказали: «Нам нужна не ты, а Ира». И я тут же увидела твое лицо, висящее в воздухе». Потом марсиане прилетели тоже ночью к другому мальчику из нашего класса. Он рассказывал, что они говорили писклявыми голосами: «Ира... Ира... Нам нужна Ира Петрова. Где она сейчас?» Мальчик ответил, что я сейчас у себя дома и сплю. А они будто не услышали его. Продолжали бубнить: «Ира... Ира... Где она?» Рассказы одноклассников перепугали меня. Я поняла их так, что марсиане ведут охоту лично за мной, но почему-то никак не могут поймать».

С. Купаев демонстрирует свой рисунок: «Так выглядела «летающая тарелка», висевшая за окном, когда таинственный голос уговаривал меня покинуть Землю...»

Или — сообщение, записанное мною при личной встрече со слов ростовчанки Галины Зимовец, возраст — 37 лет:

— Дело было поздним вечером осенью 1987 года. Моему сыночку только что исполнилось три годика. Я подошла к его кроватке, чтобы поправить на ней одеяло, как вдруг в полуметре от меня появился большой светящийся овал, висевший в воздухе. В овале возникла женщина, внешность которой я с перепугу почти не запомнила. Остались в памяти лишь ее огромные раскосые глаза. Женщина высунула руку из овала и подхватила с постели моего любимого сыночка. Я дико заорала и наклонилась всем телом вперед. Вырвала ребенка из ее рук и затем прокричала в полный голос: «Ты зачем пришла? Я не отдам тебе моего сына!» И овал погас. А я провела бессонную ночь, неся вахту возле детской кро- I ватки — охраняя на всякий случай сына.

Другая женщина Альбина Федченко, проживающая в Тирасполе, вернулась как-то раз в октябре 1990 года с работы I домой и застала свою десятилетнюю дочь Инну в очень тяжелом состоянии. Девочка была мертвенно-бледной, плохо чувствовала себя.

— Я собралась идти в школу,— рассказала она.— Уложила учебники и тетради в портфель... Вдруг заболела голова и меня стало тошнить. Тело внезапно напряглось, обе руки сами вытянулись вперед, и я зашагала помимо своей воли к балкону.

На балконе девочку поджидали два существа огромного роста. Один гуманоид был в зеленом комбинезоне, а другой — в желтовато-белом. Их головы напоминали груши хвостиком вниз. Вместо ртов виднелись на «грушах» полоски в виде узких щелей.

— Не бойся,— молвил гуманоид в зеленом комбинезоне, беря девочку за руку.— Мы — твои друзья. Мы прибыли за тобой. У нас тебе будет хорошо. Лучше, чем здесь... Полетели с нами.

— Не хочу! — заплакала Инна и вырвала свою руку из широкой ладони инопланетянина.

— Не хочешь сегодня — захочешь в другой раз. Мы еще вернемся к тебе.

— Не хочу, не хочу! — рыдала девочка.— Уходите. Мама!.. Мамочка!..

И гуманоиды исчезли.

А в конце ноября вновь состоялся визит одного из них. Инна сидела за столом, готовила уроки. Случайно глянув вправо, увидела, что за ее плечом высится один из тех гуманоидов. Из деталей костюма особенно запомнился, по ее словам, «светящийся круг на правой половине груди величиною с блюдце».

Существо молвило:

— А вот и я. Привет! Полетели с нами.

— Нет! Нет! Не полечу.

— Пожалуйста, полетели.

— Уходите отсюда. Я боюсь вас. Уходите!..

Мать Инны, вернувшись через пару часов домой с работы, опять застала дочку в состоянии, похожем на тяжелый шок. Девочке было настолько плохо, что Альбина Федченко вызвала «скорую помощь». Врачи, однако, ничем не смогли по мочь

ребенку. Головная боль и общая слабость прошли сами собой лишь к концу следующего дня...

Или — еще один жутковатый по фактуре рассказ.

У москвички Татьяны Бабичевой подрастают две дочери. Старшую зовут Светланой. В 1994 году ей исполнилось 15 лет.

13 марта того года Татьяна Бабичева услышала чмокающий звук, донесшийся с потолка. В тот момент она была в комнате одна.

Вслед за странным звуком произошло совсем уж странное событие. Прямо с потолка медленно, как на парашюте, спустился здоровенный мужик, весь черный с ног до головы. Его глаза пылали, как раскаленные угли, а в правой руке торчал трезубец с длинной рукоятью.

«Черный человек» спросил низким рокочущим голосом:

— Где твоя старшая дочь?

Женщина, потрясенная происходящим, молчала. «Черный человек» выждал несколько секунд, потом объявил:

— Ладно. Я сам найду ее.

Он полетел вверх и вошел в потолок, как нож в масло-Месяц идет за месяцем, но страшное обещание, слава Богу, не исполняется. Светлана, дочь Татьяны Бабичевой ходит в школу, чувствует себя отлично, и никто с трезубцем в руках не является к ней, сверкая огненными глазищами.

Внеземная школа

Продолжим обсуждение «детской темы», тревожно громко, повторяю, звучащей в очень многих, на удивление многих контактных сообщениях.

Рассказывает двадцатипятилетняя ростовчанка Инга Емельянова:

— Это случилось в декабре 1983 года. Я лежала однажды вечером на диване, но еще не спала. Внезапно дверь, ведущая из комнаты в коридор, распахнулась сама собой. Послышались мягкие шажки, похожие на детские. И в комнату вошло существо ростом менее одного метра. На нем был белый пушистый «меховой» комбинезон, выглядевший литым, без швов и застежек. На горле существа комбинезон оканчивался ободком. Голову украшал белый пушистый берет, надетый слегка наискось. Лицо у существа было вполне человеческим, детским. Это было личико малолетней девочки. Я совершенно опешила, однако запомнила черты того детского личика во всех мельчайших деталях.

Существо постояло несколько секунд на одном месте, потом вернулось в темный коридор. И там раздался звон бьющегося стекла. Инга бросилась следом за таинственным визитером, но того уже и след простыл. А пол в коридоре оказался усыпанным осколками битых пустых бутылок, еще секундой ранее спокойно стоявших возле стены недлинной шеренгой.

— Прошло пять лет,— продолжает Инга.— Я вышла замуж и 29 февраля 1988 года родила девочку, которую назвала Олесей... В январе 1990 года начался каскад невероятных событий, который, собственно, и заставил меня обратиться к. вам и привести вас сюда — в место, на котором мы сейчас стоим.

А стояли мы с Ингой в тот момент в задонской степи примерно в двух километрах от речного берега. На противоположном берегу Дона раскинулся на многие километры на высоких холмах город Ростов.

— Вот тут и происходило то, что я назвала бы главным кошмаром в цепочке тех диких событий.

Молодая женщина повела рукой, очерчивая плавным жестом ближайшие окрестности. А потом начала рассказывать:

— В январе 1990 года поздним вечером я испытала неслыханное переживание. Хотите — верьте, хотите — нет, я вдруг вылетела из своего собственного тела и узрела саму себя со стороны. Испугалась! В следующий момент из коридора в комнату вошло низкорослое существо в белой пушистой одежде. Я сразу же опознала его. Вспомнила о его предыдущем визите. У него было все то же личико малолетней девочки, почти младенца. На сей раз лицо показалось мне безумно знакомым... И вдруг я поняла, чье это лицо! В панике обернулась и увидела свою двухлетнюю дочку, почему-то не лежавшую в постельке, а стоявшую в центре комнаты. У доченьки и этого существа были одинаковые лица, словно передо мною застыли сестры-двойняшки.

Дочка Инги сорвалась с места и побежала в соседнюю комнату.

— Я ринулась следом, продолжая оставаться как бы в двух лицах. Одна «я» сидела на диване, а другая «я» полетела прямо по воздуху за ребенком.

В соседнем помещении ее встретили двое мужчин. Их лица густо заросли волосами. Бороды имели странный вид: левая часть бороды у каждого из мужчин была белой, а правая — черной.

— Кто вы такие? — спросила Инга.— Что делаете здесь? И услышала в ответ:

— Мы явились издалека. Мы создали существо, являющееся точной копией вашей дочки. Создали для того, чтобы не было никаких ненужных расспросов со стороны посторонних лиц, когда ваша дочка будет время от времени исчезать из дома. Ее точная копия, созданная нами, заменит ее в дни таких исчезновений.

Инга Емельянова запомнила сей краткий спитч практически слово в слово... Она пришла в ужас, выслушав его, а затем потеряла сознание.

Спустя год, когда Олеся, дочь Инги, научилась бегло разговаривать, она стала рассказывать в высшей степени удивительные вещи. Вот фрагмент из бесед родителей с нею, методично записывавшихся отцом и матерью малышки:

— Мама, я опять летала ночью.

— На чем, Олесенька?

— На самолетике, похожем на круглую тарелку. Там были две зеленые тетеньки. Они сказали, что мой настоящий дом — далеко-далеко отсюда. Он — там, откуда они прилетели. Тетеньки дали мне маленькую вкусную конфетку, которая была красной. Я съела ее.

— Ты часто летаешь?

— Очень часто. Мы с тетеньками прилетаем куда-то, но я там ничего не вижу, потому что на голову мне надевают колпак до подбородка. Я там сижу и учусь.

— Чему учишься?

— Не знаю. Не помню.

— Олеся, как были одеты тетеньки? Они носили платья или штанишки?

— Нет. Они были ни в чем. Они были гладкие и зеленые. Или — еще одна выписка из рассказов Олеси:

— Я учусь там в школе. Зеленые тетеньки отвозят меня в школу на своем самолете. Там — много детей, и все мы учимся.

Из показаний Инги Емельяновой:

— Как-то раз я пробудилась глубокой ночью, как от толчка. Осознала себя парящей в воздухе под потолком комнаты. Я была в форме энергетического сгустка, полностью повторявшего очертания моего физического тела. «Ну, вот, опять началось!» — ахнула я. Рядом со мной зависла под потолком Олеся. В отличие от моего, ее тело было непрозрачным... Плечом к плечу с дочкой мы вдруг полетели сквозь какую-то «полосатую мглу». А когда вырвались из нее, то я поняла, что очутились мы на донском левобережье. На высоких холмах правого берега реки переливался огнями вечерний Ростов. Было около десяти часов вечера. Над степным простором сияла, как прожектор, почти полная луна. Ее мертвенный свет заливал окрестности.

Инга обнаружила, что находится метрах в ста от небольшой рощицы, растущей вдоль торца спортивного гребного канала — искусственного, залитого водой рва в степи. В нескольких метрах от женщины, ошарашенной происходящим, высилась огромная «летающая тарелка», похожая на двояковыпуклую линзу. Она стояла на земле на трех толстых ножках-опорах.

В борту НЛО была прорезана дверь, а от нее спускалась наискось вниз короткая прямая лесенка.

— Тотчас же Олеся исчезла из поля моего зрения, не знаю куда,— рассказывала Инга, показывая рукой, где стояла в тот момент она, а где торчал под землей корпус «летающей тарелки».— Некая сила дернула меня вперед, и я влетела в дверь, приоткрытую в борту объекта. Внутри НЛО был идеально круглый большой зал, в котором стояли по кругу кресла, много кресел. А в них молча сидели вполне земные детишки в возрасте от трех до пяти лет. Я не успела рассмотреть, чем они занимались. Меня выдуло из НЛО как ветром!

Инга в панике огляделась по сторонам. Смысл всей этой явно инопланетной феерии ускользал от ее понимания.

В степи, увидела она, сидели на земле ровным кругом несколько малолетних детей. Правее виднелся еще один точно такой же круг из тщедушных детских фигурок. В отдалении — еще один круг, и еще один... Мальчики и девочки, каждому из которых было не больше пяти лет, застыли, глядя в центр каждого из кругов. Они как бы внимательно вслушивались и всматривались в нечто, находившееся в его центре, но для Инги невидимое.

В детской группе, ближайшей к Емельяновой, сидела ее дочь.

Нечто вроде озарения снизошло в ту же секунду на женщину: это, видимо, и есть та школа, в которую отводят Олесю «зеленые тетеньки». Здесь земные детишки постигают азы неких внеземных учебных программ... Едва Инга успела додумать эту мысль до конца, как неведомая сила резко отшвырнула ее в сторону от «летающей тарелки» и от малолетних карапузов, расположившихся тут и там в степи геометрически правильными кругами,

— Меня отнесло, как на крыльях, к рощице, росшей перед гребным каналом. И там, на ее закраине, я надолго застыла в странной позе — руки напряженно вытянуты вперед на уровне плеч ладонями вниз. Поза была неудобной. Скоро почувствовалась усталость в руках. Однако все мои попытки изменить позу ни к чему не привели... Я замерла лицом к роще и спиной к «летающей тарелке» и к группам детей, сидевших тут и там недалеко от нее. Вдруг рядом со мной появилась Олеся. А потом опять замелькали перед глазами полосы, возникло ощущение стремительного полета. Спустя несколько секунд я влетела в нашу квартиру как метеор и с размаху врезалась в свое физическое тело, лежавшее на постели,—

слилась с ним. А Олеся медленно опустилась сверху вниз и встала перед постелью обеими ножками на пол. «Где мы с тобой были сейчас?» — спросила я у нее дрожащим шепотом. «В школе»,— ответила дочка...

Из показаний ростовчанки Любови Сергиенко, возраст — 36 лет, имеет двух детей — дочь Лену, 13 лет, и сына Сережу, 6 лет:

— Однажды я сильно отругала своих детей за беспрерывные шалости, даже отшлепала их. Не могла долго заснуть после этого конфликта с ними. Лежала на тахте, переживала, укоряла саму себя за рукоприкладство... Вдруг неизвестно чья ладонь подхватила меня сзади за шею, а другая ладонь — за талию. И я вся мгновенно словно бы одеревенела!

И. Емельянова показывает, в какой позе стояла она, когда некая зримая сила перенесла ее к роще и поставила там спиной к «летающей тарелке» и к группам детей, сидевших на земле возле НЛО геометрически правильными группами

Ладони подняли меня как бревно и поставили в полный рост на тахте. Вижу, стоит перед моей постелью огромный черный! мужской силуэт ростом под потолок. У него — жуткие светящиеся глазищи. Слышу голос: «Не смей обижать детей! Тебе же хуже будет... Сережа учится у нас». И силуэт исчез,! А я рухнула на тахту, трясясь от страха.

Из показаний ростовчанина С. К. Малинина, 42 года: — Мой младший четырехлетний сын Володя рассказывает, что по ночам «ходит в школу». Там преподают «зеленые учителя». Каждый «зеленый учитель» рассаживает детей кругом, а сам вертится в центре круга как флюгер. Дети смотрят на него и слушают, что он говорит им. Володя ут-1 верждает, что ничего не помнит из речей своего «учителя», Мы с женой думаем, это все снится нашему малышу. Очень озадачивает одно: сон про «школу» повторяется у ребенка с| навязчивой периодичностью.

Паразиты Вселенной

Долго размышлял я над тем, какой контактной историей завершить вторую часть моей книги.

Хотелось пустить в заключение нечто по-настоящему увлекательное, динамичное.

Немалое время провел я, роясь в своих рабочих блокнотах и в письмах контактеров в поисках истории с лихо закрученным сюжетом, способном разогнать у читателя кровь, чувствительно встряхнуть его. И наконец нашел то, что искал,— нашел в объемистом письме, полученном, представьте себе, из исправительно-трудового учреждения, то есть из концлагеря.

Не знаю, можно ли верить тому, о чем рассказывается в том письме. Может быть, вся история высосана из плутовского пальца — наговорена, например, со скуки. Уж больно скучно сидеть годами на лагерных нарах... Но рассказец показался мне необычайно забавным, и я решил включить его в свою книгу.

А вы уж сами решайте, верить или не верить в достоверность происшествия, о котором я вам сейчас расскажу.

Автор письма, тридцатилетний квартирный вор Виктор Павлов сообщал: «Ваша книженция «Внеземляне идут!» легла в мою ладонь далеко не сразу. У нас в зоне

образовалась офигенная очередь из желающих зачесть ее... В конце кни-женции просек я ваш адресок, вот и пишу вам. В книженции вы дали свидетельские показания одного барыги об аномальных явлениях в лагерной зоне. И тут же черкнули, что с во рами в законе эти ваши внеземляне не желают якшаться. А ежели и якшаются, то опупительно редко. Тут вы, братец, промахнулись, и я — тому наилучший пример. Шлю вам свое чистосердечное признание о том, как марсиане использовали однажды меня по неизвестному назначению. Все, что я сейчас расскажу, чистая правда. Если не поверите моему честному письму, можете не отвечать на него».

И далее следовали семь тетрадных страниц, исписанных убористым почерком с многочисленными орфографическими ошибками.

Косноязычные показания рядового воришки-домушника я распишу сейчас в жанре документальной прозы. Подчеркиваю, что к фактической стороне показаний я ничего не добавил от себя.

...Стук в дверь раздался в ту минуту, когда Виктор Павлов еще спал.

Дернувшись, Виктор открыл глаза и обнаружил, что лежит на кровати в дешевом одноместном номере какой-то захудалой гостиницы. Этот номер он снял намедни вечером спустя час после того, как вышел из дверей железнодорожного вокзала и огляделся по сторонам. Впервые в своей жизни приехал он на поезде сюда — в тихий провинциальный город на побережье Азовского моря. Никто не знал его здесь, вот что было для Виктора особенно важным, учитывая специфику его ремесла.

На дворе стоял теплый солнечный сентябрь 1991 года.

В дверь снова побарабанили костяшками пальцев — погромче, настырнее.

Виктор выпростал руку из-под одеяла и глянул на часы, тикавшие на запястье.

— С ума сойти можно. Еще семи часов утра нет,— пробормотал он себе под нос, дивясь тому, кто бы это мог стучать в дверь его гостиничного номера в такую рань. Потом, повысив голос, крикнул: — Да слышу я! Слышу! Подождите. Сейчас оденусь.

Виктор откинул одеяло и слез, недовольно сопя, с кровати. Без излишней суеты оделся. Затем подхватил с пола свой видавший виды кожаный чемоданчик, стоявший возле изножья постели.

С чемоданчиком в руках он шагнул к окну, потянул на себя оконную раму и широко распахнул ее. И удовлетворенно усмехнулся, обнаружив, что пожарная лестница тянется по стене гостиницы на расстоянии не более полуметра от окна его номера, находившегося на четвертом этаже. Виктор подпер чемоданчиком распахнутую раму и направился к двери.

Замок щелкнул, дверь открылась, и в комнату решительным шагом вошли двое мужчин. Оба они были немолоды — седоволосые, с лицами, изборожденными морщинами.

Тот из вошедших, что был в форме пилота гражданской авиации и оказался очень высок ростом, сразу не понравился Виктору Павлову. Едва переступив порог, седовласый верзила окинул гостиничный номер хищным ищущим взглядом. Квартирному вору Павлову был хорошо знаком такой взгляд. Так озираются по сторонам сыскари из уголовного розыска. Спина у Виктора мгновенно вспотела, когда он подметил, как верзила, чуть слышно хмыкнув, вонзился ястребиным своим, насмешливо-всепонимающим оком в чемоданчик на подоконнике.

Второй из вошедших — низкорослый, щуплый, в мятом костюме мышиного цвета — наставил на Виктора указательный палец, как револьвер. И произнес фальцетом:

— Доброе утро. Вас зовут Виктор Павлов. Вы — профессиональный вор.

Он не спрашивал. Он просто констатировал факт. А верзила, не отрывая буравящего взора от чемоданчика, сказал, словно бы размышляя вслух:

— Две майки. Брюки. Бритва. Носки и трусы. Три рубашки. Фомка. Стеклорез. Три пары перчаток. Дверные ключи— большая связка. А также набор воровских отмычек. Два ножа. Две отвертки... Да, мы не ошиблись адресом.

Услышав это, Виктор совершенно ошалел. Верзила точно перечислил все, что покоилось в закрытом чемоданчике.

Коротышка в мятом костюме мышиного цвета согласно кивал головой, пока его напарник перечислял предмет за предметом содержимое чемоданчика. Когда тот умолк, коротышка опять встрепенулся.

— Гражданин Павлов,— негромко проговорил он,— вы как раз тот человек, который нам и нужен. Мы хотим предложить вам...

Виктор не дал ему возможности закончить свою мысль. Стремительно крутнувшись на каблуках, он кинулся к окну, дабы подхватить с подоконника чемоданчик и в обнимку с ним ринуться по пожарной лестнице вниз. Вернее говоря, это ему только померещилось, что он на каблуках крутнулся и бросился, сломя голову, к спасительному окну. На самом деле какая-то неведомая сила не позволила ему даже стронуться с места.

Вспоминая об обстоятельствах дела, Павлов сообщал в своем письме: «Век свободы не видать, если вру! Эти типичные переодетые менты пальцем не пошевелили, чтобы повязать меня, когда я рванулся к окошку, дабы в темпе слинять от них. И тем не менее все вышло по-ихнему, а не по-моему. Как и минутой ранее, мы по-прежнему стояли лицом к лицу и пялились друг на друга».

К собственному ужасу, Виктор осознал себя парализованным с ног до головы. Единственное, чем он мог шевелить, был язык во рту, а также челюсти и губы.

Изумленный происшедшим, не понимающий его сути, Виктор грязно и с чувством выругался.

— Вы зря нервничаете, гражданин Павлов,— скучным будничным тоном промолвил седовласый верзила, направляясь к подоконнику.— Вопреки вашим подозрениям, мы не имеем отношения к милиции.

Виктор в ответ снова с чувством выругался. Он напряг мускулы, тужась, пытаясь разорвать незримые путы, сковавшие его. Путы не желали разрываться.

— Перестаньте дергаться,— обронил верзила сухо.— Успокойтесь.

Он бочком присел на подоконник и хозяйским жестом подгреб чемоданчик себе под мышку.

— Повторяю, успокойтесь. И слушайте внимательно. У нас есть для вас ответственное поручение.

— Гм. Да... Очень ответственное. Очень,— встрял коротышка.— Мы остро нуждаемся в вашей помощи. Дело в том, что пару месяцев тому назад мы с коллегой, — и он улыбнулся верзиле,— прибыли на вашу планету с важной миссией. Требовалось осуществить серию акций по эвакуации с Земли кое-кого из... э-э... местных жителей. А мы с коллегой,— вновь улыбка и кивок в сторону верзилы,— слывем в нашем мире лучшими специалистами по акциям такого рода.

По мере того как коротышка говорил, челюсть у Виктора Павлова отвисала все больше и больше. Шумно сглотнув набежавшую слюну, он выдавил из себя с немалым трудом:

— Так вы — марсиане, что ли? А?

— Ну, в некотором роде.

— То есть вы — не с Земли.

— Да.

— Из космоса?

— Не совсем из космоса. Но вы верно подметили одно, мы — не с Земли.

— Марсиане,— повторил нараспев Павлов, обдумывая услышанное.— Ну и ну! — И присвистнул от удивления.

— Если вам так хочется, можете считать нас марсианами.

Возникла пауза — немая сцена. Виктор и коротышка в мятом костюме стояли посреди комнаты, меряя друг друга изучающими взглядами. А верзила продолжал сидеть в расслабленной позе бочком на подоконнике, рассеянно посматривая в окно, будто все происходящее сейчас в той комнате мало волновало его.

— О-бал-деть! — проговорил, наконец, по слогам Виктор.— Марсиане. Здесь. Сейчас. Нет, не верю!

Коротышка в ответ неопределенно повел плечами — мол, это ваше право верить или же не верить нам.

— Работали мы на Земле, разумеется, инкогнито,— как ни в чем не бывало, продолжил он свою речь.— Серия акций по эвакуации была нами успешно завершена. Мы собрались было покинуть вашу планету, как вдруг возникли некоторые... э-э... осложняющие обстоятельства.

И он огорченно скривил рот, поджимая губы в кислой гримасе.

— Да не верю я вам! — вскричал, багровея лицом, Виктор.— Не верю! Психи ненормальные, откуда только вы взялись на мою голову?!

Тут вдруг подал голос верзила.

— Заткнись, падла уголовная,— отчетливым свистящим шепотом приказал он, не оборачиваясь, по-прежнему рассеянно глядя в окно.— Кончай качать права. Сейчас ты получишь от нас задание и выполнишь его как миленький.

Далее, по заявлению Виктора Павлова, случилось нечто совсем уж неожиданное.

Во-первых, Виктор внезапно ощутил, как в гостиничном номере резко похолодало. Виктору стало не просто холодно. Он почувствовал, что окоченел. Мороз, взявшийся невесть откуда, в считанные секунды пробрал его до костей.

Во-вторых, верзила в форме пилота гражданской авиации взлетел с подоконника и с чемоданчиком под мышкой, не меняя позы, словно восседал на неком невидимом стуле, неспешно переместился по воздуху от окна к кровати. Он подлетел к ней, движимый, чудилось, тянувшим от окна сквозняком. На секунда верзила завис, строго сдвинув брови, под потолком. Затем неторопливо и бесшумно, как дирижабль, приземлился на постель. И аккуратно поставил на нее чемоданчик рядом с собою.

— Так вот, я и говорю,— вкрадчиво проворковал коротышка, когда его напарник завершил свой немыслимый перелет,— у нас возникли осложнения. И вы, лично вы, гражданин Павлов, можете и должны помочь нам преодолеть их.

В своем письме Виктор впоследствии вспоминал: «Когда эти хмыри как бы в подтверждение того, что они — марсиане, вдарили по мне сибирским морозом, а верзила потом, тоже как бы в подтверждение, птицей вспорхнул с подоконника, я перепугался, честно скажу, смертельно. Я вдруг как-то сразу поверил их речам. Понял, они — ив самом деле не с Земли. Самым страшным было чувство полной беспомощности перед ними. С ног до головы парализованный, замороженный, я торчал столбом в центре комнаты, изображая из себя сосульку».

Волна слепящего ужаса накрыла Виктора.

Человек, от природы не пугливый, он впервые в жизни потерял контроль над собой. Сознание стало мутиться, в голове зашумело, как после доброй выпивки. А перед глазами поплыли огненные мушки, перемежавшиеся со стекловидными волоконцами, похожими на паутинки. «Сейчас я вырублюсь»,— подумал Виктор, трясясь от страха — от такого великого, такого всеобъемлющего страха, какого ему не доводилось испытывать никогда ранее.

И вдруг страх исчез.

Он исчез именно-таки вдруг, сразу, в одночасье. Виктор осознал, что огненные мушки не порхают больше перед глазами, а полуобморочный шум испарился куда-то напрочь из головы. Более того, Виктор осознал, что смотрит на «этих хмырей не с Земли» без малейшего любопытства — не просто без страха.

В его мозгу отчетливо, как приказ, пульсировала сейчас одна-единственная мысль: он обязан помочь «хмырям». Обязан, и точка.

В гостиничном номере все еще властвовал лютый холод. Однако это больше не тревожило Виктора. Всем своим телом он продолжал ощущать сильнейший мороз, но почему-то перестал мерзнуть.

Коротышка сказал:

— Итак, вы готовы к работе. Легкая усмешка бродила по его лицу.

— Да. Готов.

С этими словами Виктор решительно подошел к кровати и присел на нее рядышком с седовласым верзилой. И с ожиданием во взгляде воззрился на него. Даже самым краем сознания он не уловил в тот момент еще одной новой странности в собственном поведении. Только что он недвижимо стоял посредине комнаты, спеленутый неведомой силой по рукам и ногам. Но вот паралич, объявший тело, куда-то сгинул — вслед за страхом, вслед за чувством удивления. Виктор вновь обрел возможность свободно перемещаться в любых направлениях. Например, по направлению к окну, призывно распахнутому.

Присаживаясь рядом с верзилой, Виктор на окно даже не глянул.

— Командую не я, а он,— пробурчал сквозь зубы верзила и повел рукой в сторону коротышки.

Виктор с готовностью обернулся к тому, на кого было указано.

— Внимание. Даю вводную установку,— сообщил коротышка.— На Земле одновременно с нами действуют... э-э... гм... наши оппоненты, назовем их так. Они — тоже не с Земли. Они решают некие задачи, которые наносят ощутимый вред нашей важной миссионерской деятельности здесь. А также вред населению вашей планеты. Эти подонки, эти мерзавцы...

Сжав гневно кулаки, коротышка на мгновение задохнулся от возмущения.

— Эти... э-э... да, мерзавцы, эти пройдохи думают только о себе! Помышляют лишь о собственном благополучии. Ваша Земля для них — не более чем временный островок удовольствий во Вселенной, этакая, знаете ли, зона отдыха и развлечений. Они — паразиты Вселенной. Вот кто они такие! Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду?

— Нет,— честно признался Виктор.— Не понимаю.

— Впрочем, это неважно. Понимаете, не понимаете — какая разница! Важнее другое. Один из паразитов выкрал недавно у нас... гм... ну, скажем, некий прибор. После долгих хлопот и поисков нам удалось установить, что сейчас, сию минуту тот паразит, а с ним и наш прибор обретаются... Где?

— Что, простите?

— Я спрашиваю, где находится прибор? Как вы думаете? Виктор наморщил лоб, соображая.

— Наверное,— изрек, просияв, он,— где-то здесь, в городе, уж коли и вы околачиваетесь тут же.

Коротышка согласно склонил голову.

— Прибор, вы совершенно правы, находится в городе. Более того, он находится непосредственно в стенах гостиницы. Прибор стоит на полу в гостиничном номере двумя этажами ниже — строго под вашим номером. Рядом с ним висит в воздухе тот самый паразит Вселенной... Полчаса назад мы с коллегой быстренько прощупали ближайшее пространство вокруг того гостиничного номера. Требовалось срочно изъять прибор у паразита. Однако без помощи кого-либо из этих тупоумных туземцев... Ох, простите! Я хотел сказать, без помощи кого-либо из уважаемых землян нам было никак не обойтись. Вот мы и пошарили в ближайшем пространстве в поисках... э-э...гм...

— В поисках подходящей кандидатуры,— подсказал с кровати верзила.

— Да. Вот именно. И я считаю, нам очень крупно повезло. К нашему облегчению и некоторому даже изумлению, мы обнаружили в ближайшем пространстве не просто подходящую, а прямо-таки идеальную — со специфическими навыками и не менее специфической психологией. Мы обнаружили вас, профессионального квартирного вора.

Немного помолчав, коротышка в мятом костюме поднял вверх указательный палец правой руки.

— Внимание,— с расстановкой сказал он.— Я заканчиваю давать вводную установку. Гражданин Павлов, по пожарной лестнице вы спуститесь двумя этажами ниже, изымите у паразита прибор и доставите его нам.

— А что будет делать тем временем паразит, если он не спит? — спросил Виктор, задумчиво пощипывая пальцами подбородок, оценивая ситуацию.— Бить меня по голове стулом? Или звать подмогу?

— Он не будет делать ничего. Ибо у него сейчас — пауза психических наслаждений. Мы выяснили это точно. Он не увидит, не услышит и не учует вас.

— Пауза? Что за пауза? Не понимаю.

— Ну, некое особое состояние. Особая форма... Впрочем, вы все равно не поймете. Лично вам достаточно знать одно — паразит пребывает сию минуту под почти полным наркозом.

— В таком случае что же мешает вам самим спуститься к нему в номер и забрать оттуда ваш прибор?

— Вопрос резонный. Паразит не учует вас — понимаете, вас, человека! А вот зато нас он учует, увы, мгновенно. И тут же выйдет из своего особого состояния и рассвирепеет... О том, что может произойти потом, мне даже не хочется думать.

Коротышка нервно передернул плечами. Затем поинтересовался:

— Задание ясно?

— Да.

— Приступайте к его выполнению.

Виктор Павлов, распрямляя плечи, встал с ложа, на котором рядом с верзилой сидел, и послушным шагом робота, управляемого чужой волей, протопал к окну. Душевный подъем и гордость переполняли его сердце.

Впоследствии он укажет в своем письме: «Сейчас, когда перед отбоем, сидя на нарах, я черкаю это письмишко вам, я совершенно не понимаю, чему я в тот момент

так радовался и почему так гордился собой. Это было что-то вроде наваждения. Я действовал как автомат... Не доходит до меня и другое. Ну, допустим, эти деляги с Марса или откуда-то там еще загипнотизировали меня. Превратили в свою шестерку, в послушного болванчика. Шестерка — она и есть шестерка. Она должна выполнять приказы пахана слепо, не раздумывая. Но вот ведь удивительная штука! Марсиане долго растолковывали мне, уже загипнотизированной ими шестерке, всю эту их бредовую галиматью про загадочных паразитов Вселенной, загадочный прибор. Зачем, спрашивается, они делали это? Удивляюсь и не понимаю. На их месте я бы просто рявкнул шестерке — мол, дуй, зараза, по пожарной лестнице вниз и живо приволоки то, что тебе и приказано сты-рить. Так нет же! Эти хмыри почему-то сперва долго, повторяю, и нудно травили свою байку, до которой, прямо скажу, мне, шестерке, нет никакого дела. И лишь затем дали наводку — обозначили, как любит выражаться начальник нашего лагеря, фронт работы... С моей колокольни взглянуть, все эти их «разъяснительные речи» и расшаркивания перед шестеркой были выпендрежем натуральных мудаков, то есть врожденных идиотов. Весь этот выпендреж я считаю трижды идиотским еще и потому, что ни того паразита Вселенной, ни того прибора я так и не увидел, когда отправился на дело. А коли не увидел, то на фига было, я вас спрашиваю, травить мне байку про них?!»

Итак, Виктор подошел к окну. Без особого труда он перебрался с подоконника на пожарную лестницу и огляделся по сторонам.

В розовом рассветном мареве в небе редкие рваные облака медленно плыли над приморским городом — над крышами его домов, над набережной и песчаным пляжем, который бледной желтой полосой тянулся влево от здания гостиницы. Облака уплывали туда, где виднелись в отдалении стрелы подъемных кранов. Там одноэтажные портовые сооружения переходили в длинный бетонный мол.

За пляжем и за молом лежала до самого горизонта ярко-синяя равнина моря.

Быстро перебирая руками и ногами металлические перекладины пожарной лестницы, Виктор Павлов заспешил по ней вниз... Интересовавшее его окно оказалось закрытым изнутри на все щеколды. Виктор потыкал кулаком в оконную раму. Та не открывалась. Жаль, нет у меня с собой стеклореза, подумал с досадой Виктор и внезапно ощутил, как в кулаке, некрепко сжатом, появился какой-то продолговатый предмет. Виктор разжал кулак. На ладони лежал стеклорез с характерной щербинкой на боковой грани, который, по логике вещей, должен был бы покоиться сейчас в кожаном чемоданчике. Нимало не удивившись этому, Виктор перехватил стеклорез поудобнее и поднес его к оконному стеклу.

В следующий момент...

Любопытно тут отметить, что, поднеся стеклорез к окну, он едва успел один раз моргнуть.

Так вот, в следующий момент он вдруг опять увидел перед собой коротышку в мятом костюме мышиного цвета. Непонятно каким образом, Виктор Павлов снова очутился в своем гостиничном номере.

— Что? Задание отменяется? — спросил он, тупо глядя в одну точку перед собой и машинально оглаживая пальцами стеклорез.

— Отнюдь, голубчик. Отнюдь,— промурлыкал в ответ коротышка ласковым тоном.— Как можно отменить то, что уже успешно выполнено вами?

Краем глаза Виктор подметил — верзила в форме пилота гражданской авиации вовсе не сидит уже на кровати, а стоит в шаге от нее. Стоит, напряженно

полусогнувшись, рассматривая какой-то крупный металлический предмет, который держит перед собой на вытянутых руках.

А в комнате по-прежнему царствует лютый холод...

— Ну, вот и все,— сказал удовлетворенно коротышка, переводя взгляд с Виктора на верзилу. В его голосе прозвучала нотка явственного облегчения.

Седовласый верзила еще ниже склонился над металлическим предметом и, как показалось Виктору, обнюхал его. Разгибаясь, он небрежным жестом сунул предмет себе под мышку и направился к двери, ведущей из номера в гостиничный коридор. Коротышка двинулся было следом за ним, но вдруг придержал шаг.

Чуть повернув голову, он бросил через плечо:

— Советую вам в бодром темпе убираться отсюда.

— Убираться? — Виктор зябко обхватил руками плечи, пробираемые лютым морозом. Почему-то ему опять стало очень холодно.— Зачем?

— Если вы задержитесь здесь хотя бы на пару часов, паразит, облапошенный вами, придет по вашим следам сюда, в эту комнату. И я почти наверняка обещаю вам очень крупные неприятности. Очень, понимаете ли, крупные.

Коротышка в мятом костюме шагнул следом за верзилой через дверной порог в гостиничный коридор и вновь полуобернулся.

— Хочу дать вам еще один совет,— внятно произнес он.— Перестаньте воровать. Через несколько десятков лет ваша телесная оболочка умрет, отслужив свое, а душа перейдет в иной мир — в загробный. И там душе придется отчитаться за все, содеянное вами, гражданин Павлов, на Земле... Если вы не перестанете заниматься воровством, я не завидую вам, вашей душе. Страшная расплата будет ожидать вас в потустороннем мире.

Дверь за спиной коротышки, чуть скрипнув, закрылась. Виктор остался в гостиничном номере один.

Двигаясь словно в трансе, он тронулся следом за парой таинственных незнакомцев, только что расставшихся с ним. Его тянуло за ними как магнитом. Он приоткрыл дверь, ведущую в коридор, однако некая невидимая сила тут же остановила его, ткнув в лицо, в грудь, в живот мягкой незримой упругой волной.

Виктор замер на пороге. И вот что он, по его словам, увидел в следующий момент за приоткрытой дверью.

Верзила в форме пилота гражданской авиации и его низкорослый приятель медленно удалялись прочь по гостиничному коридору, длинному и пустынному. По мере удаления их тела истончались. Они таяли в воздухе, растворяясь в нем подобно сигаретному дыму. Через несколько секунд фигуры верзилы и коротышки превратились в серебристо-мглистые прозрачные силуэты, на месте которых, внезапно и полностью сменив их, возникли из ниоткуда два четко очерченных луча. Каждый из лучей был длиною около метра и имел свое начало и свой конец. Лучи походили на две вертикально поставленные, раскаленные штанги.

С медлительностью черепахи оба луча доплыли до конца коридора и, как ножи в масло, вошли в торцевую стену гостиницы, в которую упирался коридор. И растаяли в ней.

А Виктор Павлов, слабо охнув, отшатнулся от приоткрытой двери и резким взмахом руки захлопнул ее. Непосредственно в это мгновение с его глаз как бы спала пелена — Виктор вышел из состояния странного гипнотического транса, в котором пребывал до сей поры. Он вновь осознал себя человеком, способным анализировать происходящее и давать ему соответствующие обстоятельствам оценки.

Наш квартирный вор, не мешкая, перебрал в памяти эпи зод за эпизодом все, что приключилось с ним в течение минувшего получаса. Ему стало жутко! Окончательно доконал его тот факт, что после ухода загадочных визитеров температура в гостиничном номере в считанные секунды переменилась. Мглистый холод, как по мановению волшебной палочки, уступил место благостному теплу.

— Чертовщина,— прошептал Виктор севшим голосом.— Чер-тов-щи-на! — повторил по слогам он, попятившись от двери к кровати и вслепую шаря по ней рукой в поисках своего кожаного чемоданчика.

В его голове, как колокола тревожного боя, звучали слова коротышки: «Советую вам в бодром темпе убираться отсюда».

Спустя очень непродолжительное время Виктор Павлов стоял в тамбуре общего вагона пассажирского поезда, идущего неведомо куда. Виктора пока решительно не волновало, куда именно. Он вскочил на подножку того вагона в самую последнюю минуту. Поезд уже отходил от перрона. Рядом с Виктором переминалась с ноги на ногу проводница вагона, жадно пересчитывавшая и разглаживавшая пачку мятых купюр, которую Виктор мгновением ранее выгреб, не глядя, из кармана своего пиджака и сунул ей в руки. Сунул, прерывая ее разгневанный крик, когда коршуном кинулся на подножку первого попавшегося вагона в первом попавшемся поезде, как раз давшем в тот момент прощальный гудок и тронувшемся с места...

Попытка анализа

Мы живем в климате страха перед Чужими.

В ночной подворотне поджидает нас группа хохочущих, безостановочно матерящихся подростков с обрезками труб в руках. Мы безропотно отдаем им наши бумажники, выворачиваем карманы. Нам на ум даже не приходит мысль идти на какие-то переговоры с ними, искать некое компромиссное решение.

Ибо они — Чужие.

В нашем понимании они — где-то даже не совсем люди, а нечто промежуточное между людьми и опасными дикими животными. Стайка маленьких волчат. Повадки у них — волчьи. Да и язык опять-таки волчий, убогий набор из восьми речевых сигналов, которыми, собственно, и исчерпывается весь русский мат...

На городской улице среди бела дня, визжа тормозами, останавливаются на полном ходу две легковые автомашины. Из них выскакивают амбалы с автоматами в руках. Короткими очередями они начинают стрелять друг в друга. Это называется разборкой двух конкурирующих мафиозных кланов.

Что остается делать нам, случайно оказавшимся невольными свидетелями перестрелки? Остается одно: упасть пластом на землю и ждать. Авось пронесет. Авось помилует судьба — шальные пули пролетят мимо нас.

И в этих обстоятельствах тоже категорически не может быть и речи о каких-то наших диалогах с участниками разборки, о попытках образумить их, остановить кровавую бойню.

Они — Чужие.

На сей раз уже не волчата, а матерые волки. Нелюди в почти буквальном смысле слова...

Чужие опасны всегда! Это аксиома.

Мы боимся Чужих. Мы ненавидим их.

Они — угроза нашему существованию.

Но вот что поразительно. Мы не испытываем решительно никакого страха перед другой породой Чужих, куда более, между прочим, грозной, нежели любые наши местные Чужие. Местоимение «мы» я использую здесь в широком смысле, не включая, однако, в него себя лично. Я-то хорошо осознаю весь специфический колорит ситуации, в которой все мы находимся перед устрашающими силами и потенциальными возможностями других Чужих.

Таинственные эти Чужие неуловимы и непобедимы. Мотивы их поступков всегда непроницаемо загадочны для человеческого сознания, а последствия их действий нередко катастрофичны для людей.

В своих статьях, книгах я уже не однажды и очень настойчиво обращал внимание на факты бесследных исчезновений наших соплеменников всех возрастов — от малых детей до глубоких старцев. Я приводил статистические данные, рассекреченные милицией вскоре после начала перестройки в нашей стране. Ежегодно в России словно бы растворяются в воздухе около десяти тысяч человек! Вдумайтесь в эту цифру. Бесстрастная статистика свидетельствует, в частности: наравне с прочими возрастными категориями каждый год в стране исчезает без следа около тысячи пенсионеров и пенсионерок... Куда же деваются те, кто исчезают?

Ограбление. Затем убийство. Потом труп закапывается землю... Такой ход мыслей тут напрашивается, да? Но поз вольте, ограбление и убийство — кого?

Престарелой бабки с нищенской пенсией?

Или — другой вариант. Изнасилование, потом опять-таки убийство, а труп — снова в землю... Изнасилование — кого?

Пенсионерки?

Пусть милиция рассказывает сказки про возможные ограбления, изнасилования и убийства неимущих и престарелых кому угодно, но только не мне. Десятки тысяч дел об исчезновениях остались нераскрытыми. Они сданы в милицейские архивы.

В отличие от наших славных органов правопорядка, я всегда утверждал и продолжаю утверждать, что, по моей гипотезе, многие, даже очень и очень многие из пропавших без вести суть никакие не сгинувшие невесть как и неведомо куда, а эвакуированные с Земли.

Их эвакуация — дело рук таинственных Чужих.

Эти Чужие в «случае вора В. Павлова» сами говорят — мол, мы проводим «эвакуацию с Земли кое-кого из местных жителей». Они бороздят наши небеса на своих «летающих тарелках». Они занимаются над Землей и на Земле некими малопонятными делами. В частности, хищным охотничьим оком высматривают из поднебесья кандидатов в эвакуанты. А потом удаляют избранный ими образчик из его естественной среды обитания. И помещают... Куда? Зачем? С какими целями? Что делают с ними там?

Неизвестно.

Помните эпиграф, предпосланный ко второй части этой моей книги? Родоначальник «науки о странных событиях», всемирно известный исследователь Чарльз Форт предположил с мазохистской усмешкой на устах: «Может быть, нас высоко ценят гурманы высших сфер?»

Что ж, все может быть.

Однако для меня куда важнее другое.

Возможные кандидаты в эвакуанты, как это ни странно, никак не желают осознавать себя таковыми. С кем бы я ни толковал на эту тему, кому бы ни рассказывал о феномене бесследных исчезновений людей, мои собеседники всегда

реагировали на рассказы с веселым любопытством. В их глазах вспыхивал огонек жгучего интереса. Рассказы об исчезновениях излучали, насколько я понимаю, болезненное очарование для них.

Люди не желали примерять — пусть чисто теоретически— костюм такого происшествия на собственные плечи. На чисто подсознательном уровне все они несокрушимо были уверены: такое может произойти с кем угодно, но только не со мной!.. Более того и хуже того, сплошь и рядом в беседах с людьми мне доводилось слышать их пожелания лично пообщаться с экипажами НЛО:

— Вот было бы здорово повстречаться со внеземлянами!

— Почему вы хотите встретиться? — спрашивал я.

— Потому что интересно,— следовал надменный ответ.

— Что именно интересно?

— Ну...— И тут мои собеседники обычно слегка терялись.— Ну, потолкуем о жизни на их планете. О том, чего они там достигли и как вообще живут...

— Другими словами, вы надеетесь, что экипажи НЛО, вытянувшись перед вами во фрунт, будут рапортовать о своих научных, в частности, достижениях. Спрашивается, с чего это вдруг?

— Ну... Э-э... Обмен информацией между представителями двух цивилизаций... Он же напрашивается в такой ситуации.

— Какой обмен? Какой, черт побери, информацией? Между какими цивилизациями? Вот вам, например, не приходит же в голову обмениваться информацией об устройстве примуса с вашей собакой или кошкой. Даже если, допустим, вы найдете общий язык с собакой, псина все равно ничего не уяснит из ваших объяснений. Абстрактная оценка устройства того же примуса не вписывается в собачий образ мышления. С точки зрения собаки, люди — это боги. А примус — одна из опасных божественных причуд, абсолютно для собаки непостижимых... Между тем с биологической точки зрения собачьи мозги неизмеримо ближе к человеческим, нежели начинка инопланетных черепов — мозги операторов НЛО. И у собаки, и у человека — общее эволюционное прошлое.

Такие или примерно такие разговоры вел я бессчетное число раз. Снова и снова разъяснял, что контакты между разумом высшего порядка и разумом низшего порядка наполнены неким глубоким смыслом только для первого из них. А для второго — всегда загадочны, полностью непостижимы. Иногда они представляют даже угрозу для разума низшего порядка: вспомним феномен исчезновения людей...

Я ни в коем случае не хочу проводить параллель между действиями операторов НЛО и выходками уголовной шпаны, чувствующей себя сегодня вольготно в городах и весях болезненно перестраивающейся России. Приведя выше пару стандартных примеров таких выходок, я хотел с их помощью лишь оттенить, почетче обозначить всю немыслимую глубину опасной непредсказуемости контакта с НЛОнавтами для человека. В моем архиве есть сообщения о людях, ставших буйно помешанными после контактов. Наш разум низшего порядка не всегда выдерживает нагрузку встречи с разумом высшего порядка... Есть у меня и сообщения о резком ухудшении самочувствия людей после «встреч с чуждым». Внимательный читатель книги помнит: С. Кунаев, например, отреагировал на контакты длительными головными болями, а десятилетняя Инна из Тирасполя валилась с ног после сходных встреч...

Я к тому веду, что не советую вам провоцировать контактную ситуацию, если вы приметите вдруг в небе НЛО. Не надо привлекать к себе внимание его экипажа. Не лезьте на рожон, а то, не дай Бог, станете очередным бесследно исчезнувшим... В

своей книге «Внеземляне идут!» я развернул в подробном изложении мою гипотезу о странном, на первый взгляд, требовании операторов НЛО дать добровольное согласие на эвакуацию с Земли. Если человек не дает согласия, внеземляне оставляют его в покое. Очень кратко говоря, суть гипотезы сводится к следующему.

По всей видимости, у всех этих выходцев из неведомой реальности существует нечто вроде деловой договоренности с Высшим Разумом то ли нашего с вами мира вообще, то ли непосредственно Земли. Если человек соглашается отправиться вместе с экипажем НЛО неизвестно куда, то он тем самым дает добровольное согласие покинуть наш мир перед лицом Бога этого мира. Он как бы отрекается от нашей реальности. И тут же перебрасывается экипажем НЛО в реальность другую — превращается для нас с вами в бесследно исчезнувшего. А ежели он в ответ на приглашение покинуть Землю говорит решительное «Нет!», внеземляне отступают от него — пусть и не сразу иной раз.

Они предлагают С. Кунаеву: «Полетели с нами».— «Зачем?» — «Так надо». Молодой человек отказывается. Пришельцы являются к нему во второй раз, затем и в третий: «Полетели. Соглашайся»,— уламывают они его. Лишь после третьего раза оставляют они С. Кунаева в покое.

К десятилетней Инне Федченко сходные визиты наносились дважды. Первый: «Не бойся. Мы — твои друзья. Мы прибыли за тобой... Полетели с нами». Потом — второй: «Полетели с нами... Пожалуйста, полетели». Девочка в обоих случаях отказывается, и ситуация исчерпывает себя. Таинственные пришельцы отступаются от ребенка.

Как я уже мельком писал ранее, кандидатом в эмигранты с Земли избирается вполне конкретный человек. Затем идет психологическая обработка избранной «мишени».

По каким же потаенным внутренним свойствам отбирается «мишень»?

Возможно, ответ на вопрос присутствует в отчете Д. Науменко о двух его встречах с прекрасной незнакомкой. Прелестная внеземлянка заявляет — мол-де, она вместе с ее друзьями осуществляла на Земле поиск людей, обладающих некоторыми определенными свойствами. Вот ее собственные слова: «Есть среди вас люди со специфическими энергетическими полями. Только с ними и возможен контакт. Но таких людей мало...»

В процессе их выявления и отбора случаются изредка досадные промахи. Оказывается, нашим могущественным незваным гостям свойственно иной раз ошибаться! М. Бабкин, провалившись в бетонную стену, попадает в анфиладу из трех помещений. А там уже стоят наготове, растянувшись в ловчую цепь, пятеро черных фигур с квадратными головами. Одна из фигур манипулирует светящимся приборчиком, похожим на початок кукурузы. Острый конец «початка» нацелен на М. Бабкина. Надо так понимать, с помощью приборчика считывается в процессе контакта какая-то информация с человека.

Между черными фигурами происходит краткий обмен репликами: «Этот?» — «Нет. Не тот».— «Стирание памяти не-обходимо».

Вероятно, приборчик произвел экспресс-диагностику человека, втянутого помимо своей воли в некий Иной Мир. И I установил, что М. Бабкин — вовсе не тот, которого там напряженно ждали... А кого, спрашивается, ждали? Ведь ждали же! Ведь стояли же настороженной цепью! Ведь распахивали же дверь, ведущую из их мира в мир наш!.. Может быть, ждали не М. Бабкина, а одного из трех его спутников,

шедших вместе с ним по коридору? И уволокли М. Бабкина по ошибке, промахнувшись с выбором «мишени» чуть-чуть — буквально на пару шагов...

На людей, обладающих, допустим, «специфическими энергетическими полями», устраивается время от времени форменная охота. Тому пример — «случай десятилетней Иры, Петровой». Сначала девочке предлагают покинуть Землю. Та отказывается, и тогда начинают мотать нервы ее одноклассникам, выспрашивая у них, где находится Ира. При этом «марсиане» ведут себя несколько странно. Они как бы пропускают мимо ушей, как бы не слышат разъяснения детей насчет того, где находится их одноклассница Ира в данный момент. И продолжают бубнить свое: «Ира... Ира... Где она?»

Немедленно приходит на ум мысль: эти прыткие сыщики из Иных Миров скверно ориентируются в пространственных координатах нашего мира.

Еще одно подтверждение тому — «случай Т. Бабичевой». С потолка спускается «черный человек», жуткий обликом. Он спрашивает у Т. Бабичевой: «Где твоя старшая дочь?» Не дождавшись ответа, заявляет: «Ладно. Я сам найду ее». И — не находит. История ураганно краткого контакта с ним не получает своего дальнейшего развития. Пообещав самостоятельно разыскать девушку, «черный человек» не сдерживает обещания.

Не значит ли это, что четкая ориентация в нашем пространственно-временном континиуме весьма затруднена для выходцев из Мира или же Миров, обладающих, допустим, принципиально другими пространственными, по меньшей мере, характеристиками? Да и не только, если верить сообщениям контактеров, пространственными, но и темпоральными.

Время в Иных Мирах течет не так, как здесь, в мире нашем.

М. Бабкин, угодивший в параллельную реальность около шести часов утра, обнаруживает, что «там» царит за окном день в полном его разгаре. Кроме того, М. Бабкин провел «там», по его субъективным ощущениям, не более пяти минут. А на Земле тем временем, как утверждали его друзья, прошел час.

М. Бабкину очень повезло. То ли удалось ему самостоятельно сбежать «оттуда», то ли его, что куда вероятнее, отпустили назад, ибо он был «не тот», кого «там» поджидали. А вот те, которых не отпустили... М-да. Тяжелая тема. Неприятная... Может быть, это именно они, неотпущенные, толпились в некоем обширном зале, куда попала в иной реальности О. Гребенникова? Помните? Она увидела там, как несчастные, вполне земные люди кружились по залу в хаотическом хороводе: «На лицах людей застыли идиотские бессмысленные улыбки». Женщина закричала: «Я не хочу превращаться в таких, как эти!» И, обратите внимание, ее немедленно отпустили назад на Землю из «города живых мертвецов», по ее очень меткому определению.

Тут опять всплывает многозначительная тема резко выраженного нежелания человека застревать навсегда в Иных Мирах. Резкое «Нет!» и в этих обстоятельствах тоже приводит к благополучному для контактера финалу.

Привлекают внимание рассказы о внешнем облике выходцев из неведомых далей, а также об их повадках.

Прежде всего, появлению загадочных визитеров сплошь и рядом предшествуют небесные феномены. Т. Мызина слышит среди ночи детские крики, несущиеся с улицы: «НЛО летит!» И лишь после этого, собственно, и начинается ее контакт с теми, кто прилетел на том НЛО. В. Васильченко видит два луча, ниспадающих с небес. И только потом происходит его встреча с «хирургом» и «ассистенткой».

Москвичка Ю. Н. замечает «летающую тарелку», зависшую над магазином. После наблюдения проходит некоторое время до момента прямого столкновения Ю. Н. с «объемными светящимися человекообразными фигурами».

Одно тут вытекает из другого. Сперва — «чудо» в небе, а уже потом — встреча с незнакомцами, вылезшими, надо так понимать, из «чуда». Другими словами, незнакомцы прибывают в наш мир на своих НЛО. Они — суть экипажи этих летающих устройств.

Они общаются с людьми, пользуясь иногда прямой акустической связью. В этих случаях их голоса звучат, бывает, пискляво. Данный факт отмечен в нескольких приведенных сообщениях. Случается также, что они затевают телепатический контакт с избранными ими «мишенями»: «случай М. Бабкина», «случай С. Кунаева»...

Одеты загадочные визитеры, как правило, в униформу единого образца. Резко выраженное исключение из правила — «случай вора В. Павлова».

В. Васильченко: они были «в серых костюмах, похожих на спортивное трико». Д. Науменко: тело прекрасной незнакомки облегал «блестящий комбинезон без швов, карманов и застежек». С. Кунаев: гиганты были в черных комбинезонах вроде тех, какие надевают на себя аквалангисты. В. Курочкин: «Очень высокие ростом, все они были одеты в костюмы, напоминавшие спортивное трико». Т. Мызина: «Темные костюмы, похожие на форму конькобежцев». Л. Алексеева: «Они были одеты в серебристые костюмы, плотно обтягивавшие тела».

Единообразие униформы наводит на мысль, которая как бы сама напрашивается. Может быть, вся эта внеземная публика направляется к нам из какого-то единого центра?! И оснащается там амуницией, скроенной по одному образцу?

Отсюда вытекает нешуточный вывод: если это вдруг так, то допущение о множественности неких параллельных миров, откуда якобы заявляются к нам незваные гости, оказывается несостоятельным, по сути ложным. На самом деле где-то в невозможных далях Иной Реальности существует один-единственный параллельный мир. А в нем есть, грубо говоря, завод, производящий... И вот тут — самое интересное. Производящий — что или кого? Униформу единого образца для путешественников из мира в мир? Или же этих самых путешественников, являющихся не более чем инструментами, роботами, управляемыми марионетками в руках неведомой сверхчеловеческой и суперумной разумной силы?

В одежде как бы с одного плеча, путешественники разнятся между собою лишь лицами.

Т. Мызина: «Странные головы — крупные и растянутые по вертикали, как огурцы». Л. Алексеева: «На головах — шлемы с какими-то пепельными непрозрачными пластинами, полностью скрывавшими лица». Десятилетняя Инна Федченко: головы пришельцев были похожи на груши хвостиком вниз, а вместо ртов виднелись полоски в виде щелей. В. Васильченко: у «хирурга» и «ассистентки» были абсолютно круглые шлемы, оставлявшие открытыми лица.

Отличаются друг от друга путешественники и по плотности их тел. Одни из них появляются перед глазами контактеров в «плотных телах», а другие — в виде полупрозрачных фигур. Полупрозрачных незнакомцев, состоящих словно бы из некой «энергии», видели В. Курочкин, Л. Галушко и москвичка Ю. Н. Наблюдение последней особенно любопытно. Она увидела превращение, трансформацию летевших от НЛО колец света в «высоких людей в белых костюмах». В дальнейшем «люди» принялись навещать ее, просачиваясь в квартиру прямо сквозь закрытое

окно — стало быть, являясь в форме всепроникающих энергетических сгустков. В. Павлов наблюдал нечто вроде обратного превращения: в гостиничном коридоре пришельцы преобразовались в два луча света.

С другой стороны, в условиях «встречи с чуждым» человек, бывало, сам превращался, к собственному изумлению, в точно такой же сгусток, четко осознающий себя полноценной человеческой личностью. Вспомните «случай С. Кунаева» и «случай И. Емельяновой».

Попробуем соотнести одно с другим, попытаемся провести параллель. Допустим, визитеры неведомо откуда прибывают к нам из мира, состоящего из сплошной «энергии». Лишь по прибытии они трансформируются в человекоподобные, однако все еще состоящие из той «энергии» тела («случай Ю. Н.»: история с кругами света, преобразовавшимися в такие тела). А затем, продолжая свою трансформацию, обретают, допустим, бросающуюся в глаза непрозрачность и выглядят — именно выглядят! — существами, обладающими плотной телесной оболочкой... Ну, а человек, увлекаемый ими в их мир либо на их базу на Земле, может быть переброшен туда только в форме сгустка энергии, в виде своего энергетического двойника, или астрального тела, или — назовем вещи своими именами — души.

Тот факт, что некоторые из моих героев и героинь не замечали, в каком конкретно облике они попадали в Иной Мир, еще ни о чем не говорит! Каждый из них пребывал в шоке, был поражен происходящим, и ему было не до разглядывания собственных рук и ног. Куда важнее, что та же, положим, И. Емельянова подметила «странность» за собой. Она попала на крупную базу внеземлян, где работала их школа, в своем астральном теле. Однако попутно увидела, что ее дочка Олеся, как и другие учащиеся школы, была совершенно непрозрачной.

Выходит, детей забирали на учебу в школе в их плотных физических телах?..

Внеземляне ставят какие-то эксперименты на живых людях, и их суть непостижима для нас с вами.

В. Евсеева, к примеру, помимо своей воли принимает участие в забеге на длинную дистанцию в некоем городе, где высятся на улицах высокие конусообразные здания. Вся взмыленная, она вбегает из того города прямо в собственную квартиру... В чем дело? Окончен эксперимент? Она не выдержала какие-то там внеземные испытания, бежала неправильно и была поэтому снята с дистанции, отпущена восвояси?.. Другая женщина — Людмила из Рязани — в ходе другого эксперимента почувствовала, как с ее спины сдернули кожу словно чулок. Зачем? Во имя каких целей? Неясно. Нам с вами неизвестно.

Экспериментальное воздействие испытали еще две женщины — Л. Алексеева из Краснодара и жена москвича Валерия.

Первая из них забеременела после контакта с «марсианами» и была вынуждена сделать аборт. А вторая родила сын; после подобного же, по ее предположению, контакта. О том во что это вылилось, см. выше — в разделе «Внеземной секс» Там, кстати, прозвучала очень внятная по своему смысл; фраза, оброненная внеземлянином: «Надеюсь, вы не будет возражать против искусственного зачатия?»

Тайному опосредованному воздействию подвергся и В. Васильченко в ходе встречи с «хирургом» и «ассистенткой». Как я сильно подозреваю, в течение двух часов с него считывал информацию о всех параметрах его тела. Иначе зачем 6i держали так долго в двух шагах от «кожаного мешка с голе вой старца»? Напомню, на мешке время от времени отрастали плохо оформленные руки и ноги... Наверное, тело В. Васильченко использовалось как образец стандартного земного человеческого тела. По образцу и

«кроился кафтан», осуществлялась попытка изготовить сходное тело из «кожаного мешка».

Мы не знаем, удалась ли попытка. «Хирург» и «ассистентка» исчезли вместе с «мешком».

Интересен диалог между В. Васильченко и «ассистенткой»: «Кто вы такие?» — «Отвяжись!» — «Что вы тут делаете?» — «Заткнись... Не мешай работать». Понимать диалог следует, наверное, так: стой, где стоишь, нам надо, чтобы ты молча стоял все время столбом рядом с нами. Стоял — зачем? Согласитесь, напрашивается: в качестве образца.

С людей считывается и другая информация — как сугубо бытовая, так и общественно-политическая. В Архангельской области операторы НЛО долго расспрашивают крестьянина Василия и двух его родственниц о том, сколько людей живет в их родной деревне да какие заработки у них. А другого контактера Т. Мызину пришельцы вовлекают в настоящую дискуссию о проблемах мира и войны на Земле: «Мужчина изредка прерывал меня недоверчивыми репликами, просил уточнить детали».

Загадочные визитеры не только расспрашивают землян об их житье-бытье, но и сами сообщают кое-что о себе.

Иные из них (или же все?!) прибывают к нам якобы с планеты Трон. «Случай В. Курочкина»: «Мы — Трон. Все мы — Трон». Или — «случай Маргариты Николаевны»: «Люди планеты Трон». Или — «случай Л. Галушко», в ответ на вопрос которой: «Откуда вы?» — последовал ответ: «Параллельный мир. Планета Трион»,— здесь «Трион», а не «Трон». Далее — А. Атаев: «Прилетели они с какого-то Трона». Наконец, В. Шкворец: «Мы с планеты Трон».

Так все-таки — с планеты или из параллельного мира, как было объявлено одной лишь Л. Галушко? Или же с планеты, обретающейся где-то в параллельном мире?

Внятного ответа нет.

Вообще, сообщаемые пришельцами сведения об особенностях их бытия крайне скудны. «У них там, в их мире, нет чая. Да и насчет прочей жратвы негусто» («случай крестьянина Василия»). В их мире растут деревья, похожие на огурцы («случай Тани Кузиной»).

Командированные оттуда в наш мир пришельцы, «оказывают какое-то «управляющее воздействие»... на тех, к кому являются», как информирует А. Атаев. О том же уведомляет и В. Шкворец: «Мы все находимся... под неусыпным контролем с их стороны. Все, происходящее на Земле, отслеживается «ими»...»

Если поверить сообщениям такого рода, то выстраивается следующий «сюжет»: на нашей планете тайно орудует мощная, широко разветвленная и сложно организованная служба надзора НЛО. Она держит под контролем все и вся на Земле,

В рассказе Тани Кузиной четко указывается, откуда конкретно командируются к нам все эти многочисленные смотрители, контролеры, ревизоры. Оказывается, у них есть специальные аппараты, с помощью которых они проникают в нашу реальность из таинственной мглы «параллельного мира» (это их собственный термин!). Аппараты буравят дырки между мирами, свертывая в точках междумировых взаимодействий пространство и учиняя в них кратковременный гравитационный коллапс.

Когда переход из мира в мир успешно осуществляется, пришельцы приступают не мешкая к ревизии соседней реальности и даже, если верить А. Атаеву и В. Шкворецу,

к некоторым изменениям той реальности! Они вмешиваются в глубинные процессы, протекающие там.

Наиболее драматичный из примеров таких вмешательств — факт наличия внеземной школы для земных малолетних детей в окрестностях Ростова-на-Дону.

Чему учат там наших ребят «зеленые учителя»?..

Часть 3

ТЕНИ ГРЯДУЩЕГО

Эту группу ощущений и сопутствующих им поступков можно назвать проявлениями предчувствия будущего. Существенно, что они имеют ярко выраженный защитный характер. Возможно, через них проявляются защитные механизмы организма, поскольку предчувствие опасности в любой биологической системе повышает ее выживаемость.

Ю. Росциус. «Последняя книга Сивиллы?». М., 1989

Смертельные вопли

Шотландские горцы славятся на весь мир своими пророками, вещунами, предсказателями. Почему-то в нагорьях Северной Шотландии феномен предвестий будущего проявляет себя с особенной настойчивостью, регулярностью. И это именно шотландцы придумали прелестное, чарующее парадоксальностью выражение — «тень будущего».

Согласно их поверьям грядущее — вовсе не многовариантная мгла еще не состоявшихся событий. Будущее «уже есть». В драме мировых событий оно равноправно сосуществует с прошлым и настоящим.

Будущее беспрерывно бежит впереди настоящего, отбрасывая в настоящее свои зыбкие сумрачные тени.

Есть люди, обладающие уникальным даром — способные видеть темные отсветы грядущего. Таких людей именуют пророками. Но иной раз тревожный черный отблеск дня завтрашнего ослепляет на мгновение самого что ни на есть обычного, рядового человека. Происходит это, как правило, один-единственный раз в его жизни. Такое озарение называется предчувствием.

Обратили ли вы внимание на эпитеты, которыми я охарактеризовал все эти тени, отсветы, просверки?

Я назвал их сумрачными, темными, даже черными.

Как и положено теням, тени будущего имеют темную безрадостную окраску. В подавляющем большинстве случаев информация, поступающая из завтра, носит резко выраженный негативный характер. Исключения из этого правила настолько редки, что их можно пересчитать по пальцам. Сбывшиеся предсказания и спонтанные предчувствия густо насыщены мрачными миазмами страха и ужаса.

Землетрясения, иные природные катаклизмы... Гибель кораблей в открытом море и авиалайнеров в небесах... Пожары в жилых домах и на предприятиях... Автокатастрофы и катастрофы на железных дорогах... Убийства... Смерти при случайных обстоятельствах — например, оборвался лифт с людьми в его кабине... И опять — убийства, убийства... Кровь, разбрызгивающиеся мозги, ломающиеся кости, крики обреченных, кошмар смерти...

Я не думаю, что в будущем функционирует нечто вроде специально организованной службы оповещения настоящего о грядущем. Такое предположение

нелепо и вздорно. Я полагаю, рев сирены будущего слышен в настоящем лишь тогда, когда сирена работает на полную мощность. А во всю силу она начинает звучать лишь в самых кошмарных, самых отчаянных обстоятельствах.

Для всякого человека нет ничего страшнее смерти. История жизни на Земле — это история беспрерывной борьбы за выживание. А «предчувствие опасности в любой биологической системе повышает ее выживаемость». Человеческий мозг изредка улавливает наиболее эмоционально насыщенные и вместе с тем для человека, как для биологической системы, наиболее важные сигналы из грядущего. Он воспринимает неистовые «смертельные вопли» будущего. Слышит отчаянные крики людей, для которых рушится мир и наступает их личный, их строго персональный Конец Света — навечно, навсегда.

Вся остальная информация из завтра не доходит до человека. Она имеет слишком слабую эмоциональную окраску. Ее негромкие сигналы «забиваются» многоголосым шумом настоящего. Как я уже говорил, случаются исключения из этого общего правила, однако они столь уникальны, что их вообще можно не принимать в расчет.

Памятуя о всем только что сказанном, вернемся к двум контактным сообщениям, приведенным в предыдущей части книги. Давайте вновь внимательно перечитаем их.

Пришельцы из неведомых далей сообщают С. Купаеву, отказавшемуся отправляться вместе с ними в те дали: «Мы прилетим опять и все равно заберем тебя с собой. Обстоятельства твоей жизни будут тогда таковы, что ты будешь вынужден согласиться».

Это что же получается, а? Выходит, пришельцы прекрасно информированы о будущем, по крайней мере, одного человека — С. Кунаева? Знают, что в нем наступит со временем некий критический момент, когда у С. Кунаева просто не будет выбора? И он, дабы, допустим, спастись от верной гибели на Земле, добровольно поднимется на борт внеземного шлюпа?..

А вот рассказ Л. Н. Метельской. Женщина решила «погадать на будущее». Она отправила запрос, сама не зная куда. Как ни удивительно, запрос немедленно дошел по неведомому адресу. Оттуда тут же явились трое курьеров, которые, не мешкая ни минуты, перенесли нашу даму в некое, по ее описанию, «странное помещение. В нем было много различных сложных аппаратов и приборов».

Женщина увидела там земной глобус, паривший в воздухе. Компактная модель Земли сотрясалась от землетрясений и заливалась потопами. Л. Н. Метельской было сообщено: «Скоро, очень скоро это произойдет на самом деле».

Как, наверное, и в «случае С. Кунаева», информация здесь строго соответствует общему правилу, о котором толковалось выше. В ней — «смертельный вопль» будущего. Однако информация поступила тут не по каналу транстемпоральной «биологической радиосвязи» — дошла не в форме телепатического «вопля», а была в спокойной деловой атмосфере сообщена в ответ на посланный запрос. Обращаю внимание: сообщение делалось в помещении, очень сильно похожем на научно-исследовательскую лабораторию. Среди приборов, имевшихся в ней, была объемная модель Земли. И на нее, как на экран телевизора, выводилась картина «скоро, очень скоро» грядущего тотального катаклизма на нашей планете.

Где, в каких мирах размещается лаборатория? Каким образом считывается в ней информация с завтрашнего дня Земли? Конечно, можно допустить, что она вовсе не считывается, а просто в той лаборатории был поставлен очередной, непонятный по

своей сути эксперимент над очередным «подопытным экземпляром» из нашей с вами среды... А вдруг — была все же считана информация с будущего?! Как?! Ответа нет.

Если поверить информаторам С. Кунаева и Л. Н. Метельской, то вот ведь что получается: они хорошо ориентируются в будущем, по меньшей мере, нашей планеты. Оно для них — открытая книга. Оно «уже есть» и вполне обозримо для внеземного наблюдателя.

Это «уже есть» неизбежно возвращает нас к шотландским поверьям о заданности грядущего, бросающего тени в настоящее. В поверьях, стало быть, имеется какое-то рациональное зерно. В темпоральной развертке «вчера — сегодня — завтра» последний элемент столь же реален и во всех своих нюансах «дан», как и первые два элемента. Будущее — это монолит «уже состоявшегося в нем», а не бесчисленные вариации и варианты еще не сбывшегося, как мерещится нам, живущим в вечном настоящем.

Приведу житейский пример, в котором содержится справка о заданности дня грядущего. Я почерпнул его из моей переписки с В. С. Шкворецом. Если помните, я обещал рассказать об одном поразительном предсказании, сделанном внеземными партнерами В. С. Шквореца по диалогу или, как он выразился, по «собеседованиям». Если помните также, я особо подчеркнул, что не нахожу причин расценивать рассказы В. С. Шквореца о «собеседованиях» как розыгрыш или же неумную шутку. Нет никаких оснований, писал я, не доверять этому скромному немолодому человеку.

Он, в частности, сообщил:

«Прошу вас иметь в виду, что все, о чем я напишу ниже,— не плод моего воображения, а лишь скупое и сухое изложение фактов... «Они» с крайней неохотой согласились на то, чтобы я написал это письмо вам. Я долго настаивал на своем, просил «их» дать согласие, потому что мне в руки попала одна ваша книжка. Когда я бросил первый взгляд на ее обложку и прочитал на ней имя и фамилию автора, то очень удивился. Еще в 1950 году, когда мне было 15 лет, «они» рассказали мне про вас...»

«Это не имеет значения»

Заинтригованный сей краткой и туманной, невнятной справкой, я послал В. С. Шкворецу письмо с просьбой рассказать поподробнее о событиях 1950 года.

Вот он, его рассказ:

«Скажу прежде всего, что содержание всех «собеседований» пришельцев со мною «сидит» в моей голове неучтожи-мыми блоками информации. Я думаю, блоки навечно вписаны туда «ими», как на магнитофонную пленку. Идут годы, и если вдруг мне хочется вспомнить содержание того или иного «собеседования», оно тут же всплывает из подвалов памяти в полном объеме... Так вот, 1950 год. «Они» снова навещают меня. И говорят: «Всех вас хотят уничтожить, но у них ничего не получится. Вас спасут». Я спрашиваю: «Кто хочет уничтожить?» В ответ — молчание. Тогда я спрашиваю: «А кто спасет нас?» Ответ — туманный: «Они не похожи на вас». На мой следующий вопрос «На кого же они похожи?» — не последовало ответа».

Далее В. С. Шкворец пишет:

«Пара минут прошла в гробовой тишине. А потом «они» сказали: «О том, как все это будет происходить, ты узнаешь через много-много лет из книги, которую тебе принесут знакомые. Автором книги будет человек, которого зовут Алексей Прийма». Я не сразу уловил звучание этой странной фамилии и переспросил «их». Четко и

внятно они повторили фамилию. Я ясно услышал и запомнил, что в ней после звука «и» следовал короткий звук, который я тогда определил как «и краткое»... Прошло много лет. В феврале 1994 года один мой знакомый дал мне почитать книжку, которую он купил в Петербурге. Он сказал, что в книге толкуется о Конце Света. Едва взглянув на обложку книги, называвшейся «19 июля 1999: Конец Света?», я совершенно опешил. В голове раздался щелчок, и из мглы прошлого выплыло воспоминание о «собеседовании», состоявшемся в 1950 году. А в нем, как две яркие лампочки, сияли ваши имя и фамилия — те самые, что были начертаны на обложке книги. Одновременно вспомнился и весь контекст, в котором упоминался Алексей Прийма в «собеседовании»...» По утверждению В. С. Шквореца, контекст был таков: «Мне было сказано — причем без каких-либо «подначек», наводящих вопросов с моей стороны: «У автора книги будет своя бригада». Как я теперь, задним умом, понимаю, речь шла, по всей видимости, о некой научно-исследовательской группе, которую вы со временем возглавите. Кстати, есть ли у вас сейчас такая группа?.. Потом «они» как бы отвлеклись ненадолго от моей скромной персоны и стали быстро переговариваться между собой. Как я понял, что-то в будущей работе вашей «бригады» очень обеспокоило «их». Переговариваясь, они вертели при этом какую-то непонятную штуку в руках. Передавали ее друг другу, внимательно рассматривали, тревожно обсуждали деятельность «бригады»...

Использовали в обсуждении термины, которые я не понимал... Запомнилась фраза: «Это может представлять опасность...» А потом они вдруг как-то разом успокоились и в ответ на мой вопрос «Чем же опасна работа бригады?» — сказали дословно следующее: «Это не имеет значения». И перевели разговор на другую тему». Вот так! «Не имеет значения». Для кого?

Для них — для всезнаек?..

Предположим, рассказ В. С. Шквореца полностью правдив. Допустив такое, приходится поневоле допустить и другое: в работе моей «бригады» (а «бригада» у меня сейчас на самом деле есть) был какой-то один, по крайней мере, эпизод, который сильно встревожил тех всезнаек. Был, наверное,— или, может быть, еще будет?! — момент, когда «бригада» вплотную приблизилась к разгадке, допустим, одной из ключевых тайн чего-то. Чего именно — не знаю. То ли мироздания, то ли способов проникновения в Иные Миры то ли тайны путешествий во времени... Да это, в сущности и неважно. Важно другое. «Бригада» прошла вплотную ради с некой тайной, не приметив дверки, ведущей в ее бездонные смысловые глубины.

Фото 1. В ходе экспериментов «группы А. Приймы», о которых речь пойдет несколько позже, фотокамера регулярно фиксировала появление неких шаров. На визуальном уровне шары не наблюдались.

Слева на снимке — зеркало на внутренней стороне распахнутой дверцы платяного шкафа. В нем отражается одна из участниц эксперимента Н. Гляделкина. Справа — шар.

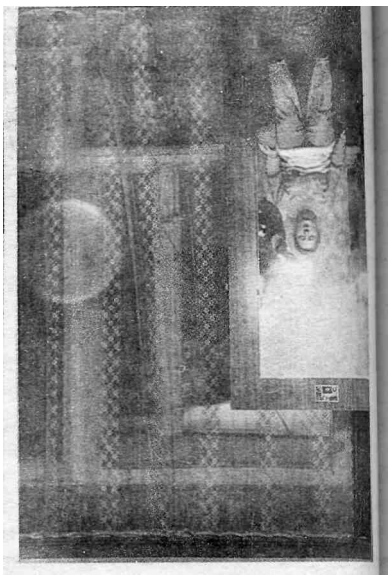


Фото 2. Снимок сделан через несколько секунд после фото 1. Неведомо откуда на нем появилось «отражение зеркала», изображение в котором перевернуто вверх ногами. Интересно, что полотно зеркала как бы разделено неведомыми силами надвое. Правая часть «отражения» накладывается на Н. Гляделкину (на снимке справа). А в левой — перевернутое отражение той же Н. Глядел-киной.

Тот, кто поставил это незримое для людских глаз зеркало строго напротив зеркала на фото 1, создал таким образом для усиления контактной связи «зеркальный тоннель»

И тревога, всколыхнувшая внеземные сердца, тотчас же улеглась. Дверь в тайну осталась по-прежнему крепко-накрепко запертой.

Крайне интересно, что тревога поднялась вообще, что она — пусть и ненадолго — имела место. Всезнайки оказались на поверку не такими уж и всезнайками. Им пришлось вертеть в руках «какую-то непонятную штуку», «внимательно рассматривать» ее, прежде чем они «вдруг как-то разом успокоились». Не значит ли это, что с помощью «непонятной штуки» пришельцы в бодром темпе прозондировали будущее А. Приймы? Отсюда: они не располагали в тот момент всеобъемлющей информацией о нем! Пришлось вертеть в руках «штуку», вглядываться в нее, дабы увидеть нужное.

Один из экспериментов, поставленных моей «бригадой», заставил, предположим, слегка попаниковать загадочных собеседников В. С. Шквореца. Однако более подробный и широкий зондаж будущего, немедленно учиненный ими, отчетливо показал: «бригада», хвала Всевышнему, прошляпила нечто из ряда вон выходящее. Она бодро протопала в полном своем составе мимо некой великой тайны, тщательно скрываемой от землян теми же, положим, внеземлянами.

Об экспериментах «бригады» будет рассказано позже-

Снова и снова просматриваю подробные протоколы, составлявшиеся непосредственно в ходе экспериментов. Опять и опять пытаюсь найти в них хотя бы намек на то, что так встревожило, если верить сообщению В. С. Шквореца, его собеседников. Не нахожу ни намека, ни даже легчайшего, я бы сказал, намека на намек.

М-да... Прозевал я что-то по-настоящему важное, целиком новое, резко продвигающее вперед в деле осмысления природы, к примеру, аномальных явлений. Обидно, но...

Но, может быть, прозевал к счастью? Если бы не прозевал — не писал бы сейчас, возможно, книгу, которую вы читаете. А был бы в числе бесследно исчезнувших, пропавших без вести... Ибо есть, как я думаю, в мире тайны, до которых мы с вами еще не доросли. Не пробил еще урочный час их раскрытия нами.

Одна из таких волнующих тайн — феномен предсказаний, предчувствий.

Когда далее я поведу рассказ о наших экспериментах по разведке будущего, прошу читателя книги усваивать его с максимально сосредоточенным вниманием. Может быть, вы, читатель, окинув тот рассказ свежим взглядом со стороны, уловите в нем «отблеск тайны», ускользнувшей от нас, экспериментаторов. Если это вдруг произойдет, дайте знать мне о том. Адрес указан в конце книги.

Одна надежда у меня осталась — на вас.

Отнеситесь ко мне, недотепе, с сочувствием и пониманием. Что и где я не ухватил за хвостик, на мгновение, может быть, высунувшийся? Что проворонил, когда вел за собой мою команду в разведку будущего?..

Да я просто из себя выхожу, когда снова и снова всплывает перед мысленным взором страничка из сообщения В. С. Шквореца. А на ней — та самая фраза, оброненная пришельцами, «как-то вдруг разом успокоившимися». После натурального переполоха, поднятого ими вокруг моих бесхитростных изысканий, было процежено сквозь зубы с облегчением:

— Это не имеет значения.

Русские примеры

Попробую сейчас подвести под все это, унизительно и оскорбительно «не имеющее значения», некоторую историческую базу. Хочу показать вам феномен предчувствий и предвестий в исторической перспективе — впрочем, недальней.

На моих книжных полках стоят во множестве книги, полученные по почте от зарубежных коллег из самых разных стран. Среди них — немало сочинений, посвященных феномену транстемпоральных коммуникаций. Как странствующие скоморохи, бродят по ним, перемещаясь из одной книги в другую, одни и те же исторические примеры прозрений и пророчеств. Все примеры — зарубежные, преимущественно западноевропейские. Среди них нет ни одного русского!

А между тем, русская история полна поразительными фактами кратковременных штурмовых прорывов в будущее.

Вот лишь некоторые из них.

М. П. Погодин в своей книге «Простая речь о мудреных вещах», изданной в 1873 году, приводит рассказ нашего выдающегося историка Н. М. Карамзина об одном его странном сне. Важно подчеркнуть, что предвидение осенило своим крылом историка в обстоятельствах сильнейшего психического стресса. Умирала его любимая жена. Карамзин, отнюдь не фигурально выражаясь, находился внутри ее «смертельного вопля» — затяжного, многодневного. Женщина умирала долго и в муках.

«Первая супруга Карамзина скончалась в 1802 году,— пишет М. П. Погодин.— Карамзин любил ее страстно. Видя безнадежность больной, он то рвался к ее постели, то отрываем был срочной работою журнала, который составлял его доход и был необходим для семейства. Это было мучительное время его жизни. Утомленный, измученный, бросился он на диван и заснул. Вдруг видит во сне, что он стоит у вырытой могилы, а по другую сторону стоит Екатерина Андреевна (на которой он позже женился) и через могилу подает ему руку. Этот сон тем странен, что в эти минуты, занятый умирающей женою, он не мог и думать о другой женитьбе и не воображал жениться на Екатерине Андреевне. Он сам рассказывал этот сон моему дяде».

Г. Дьяченко в его изданном в 1900 году трехтомнике «Из области таинственного» пересказывает еще один не менее удивительный сон — «смертельный вопль» будущего. Мы читаем у Г. Дьяченко: «Мать казненного декабриста Кондрата Рылеева заранее предвидела печальную судьбу своего сына на основании одного вещего знаменательного сна».

Ее сыну было три года, когда он тяжело, практически безнадежно занемог. Врачи, собравшиеся на консилиум, заявили, что мальчик не доживет до утра.

Рассказывает его мать:

«В страшном отчаянии своем упала я перед ликами Спасителя и Богородицы... Жарко, горячо молилась о выздоровлении моего крошки. Молилась так, как никогда потом не могла пламенно сосредоточиться на молитве. Не знаю, сколько времени длился молитвенный экстаз. Меня точно что-то убаюкивало, навевая сон. Веки мои отяжелели... Ясно услышала я чей-то незнакомый, такой сладкозвучный голос, говорящий мне:

— Опомнись. Не моли Господа о выздоровлении. Он, Всеведущий, знает, зачем нужна теперь смерть ребенка. Из милосердия своего он хочет избавить его и тебя от будущих страданий. Что если я тебе покажу их? Неужели и тогда будешь все-таки молить о выздоровлении?

— Да... Да... Буду...

— Ну, так следуй за мной.

И я, повинуясь чудному голосу, шла, сама не зная куда. Пред собой видела я только длинный ряд комнат. Первая из них по всей своей обстановке была та же самая, где теперь лежал мой умирающий ребенок.

Но он уже не умирал... Крошка мой был совсем здоров! Я хотела подойти к его кроватке, но голос звал уж меня в другую комнату.

Там — крепкий резвый мальчик... Далее постепенно видела я его юношей, затем взрослым... на службе...

Но вот уж предпоследняя комната. В ней сидело много совсем незнакомых мне лиц. Они оживленно совещались. Мой сын с видимым возбуждением говорил им о чем-то. Тут снова слышу я голос:

— Смотри. Одумайся, безумная!.. Когда ты увидишь то, что скрывается за этим занавесом, отделяющим последнюю комнату от других, будет уже поздно. Лучше покорись. Не проси жизни ребенку.

— Нет, нет, хочу, чтоб жил он,— задыхаясь, спешила я к занавесу.

Тогда он медленно приподнялся — и я увидела виселицу!.. Я громко вскрикнула и очнулась.

Время шло, а мой сон исполнялся с буквальной точностью во всех, даже самых мельчайших подробностях. И юность его, и, наконец, тайные общества. Более не могу продолжать! Вы поймете... Эта смерть... Виселица... О Боже!»

Или — еще один «смертельный вопль» будущего, трижды подряд услышанный опять-таки во сне.

Однажды Марии Тучковой, жене известного русского генерала привиделось ночью — оказалась она в каком-то, судя по интерьеру, гостиничном номере. Вдруг в номер входит ее отец и произносит одну-единственную фразу:

— Твой муж убит в бою под Бородино.

На этом сон внезапно оборвался, и женщина проснулась вся в поту.

На следующую ночь сон повторился. Еще через пару дней приснился снова. В ту — третью — ночь Тучкова разбудила своего мужа, почивавшего на одном ложе с нею, пересказала сновидение и спросила у него, охваченная тревогой:

— Где это Бородино?

Генерал не смог ответить. Он ничего не знал о населенном пункте с таким названием.

Прошло несколько лет. И вот в 1812 году генерал Тучков погиб в сражении с наполеоновской армией под Бородино. Его жена пребывала в это время не в их семейной усадьбе, а в городе. Она остановилась там в гостинице. Именно ее отец

вошел в гостиничный номер, в котором она расположилась, и сообщил Марии печальную весть:

— Твой муж убит в бою под Бородино.

В книге В. Желиховской «Необъяснимое и необъясненное», изданной в конце прошлого века, мы находим коротенький рассказ о еще одном громком и страшном «вопле» будущего, раздавшемся опять-таки во сне.

«1862 год... Я тогда только что вышла замуж вторично. Мой муж был молодой, энергичный человек. В то время я была проникнута убеждением в его сильной воле и уверена, что он совершенно здоров,— здоров физически и нравственно... Но я увидела сон, от которого проснулась в ужасе.

Я видела, что иду по трудной узкой дорожке среди бесчисленных скал и камней. Мне было страшно тяжело! Мои ноги были избиты. Голову давил какой-то удушливый туман. Кругом была полутьма, среди которой моя трудная дорога виднелась все в гору и гору... И вдруг я очутилась в небольшой, почти пустой, незнакомой комнате. Кто-то сидел передо мною в большом кресле, весь в белом, исхудалый, бледный, с лицом, изможденным страданием. Он протянул ко мне беспомощные дрожащие руки и отчаянно прошептал:

— Вера! Вера!.. Молись за меня!..

Тут только в этом страшном призраке я узнала своего мужа. Я вскрикнула и проснулась вся в холодном поту.

Почти двадцать лет спустя долгая болезнь моего мужа заставила его решиться лечь в больницу. Войдя в первый раз в его небольшую комнату, я остановилась на пороге, пораженная воспоминанием. Это была та самая комната, которую я видела в своем пророческом сне! И мой муж, слабый, измученный, одетый весь в белое, сидел в высоком кресле и протягивал ко мне беспомощные руки».

Русский император Николай I в январе 1885 года посетил инкогнито гадалку Марфушу, жившую на окраине Петербурга. Он явился к ней в шинели с чужого плеча и не счел нужным представляться. О дальнейшем нам известно со слов самого царя.

Гадалка, указывая рукой на деревянную лавку, произнесла:

— Садись, не смущайся. Хоть эта лавка — не царский трон, зато на ней безопасней и спокойней.

Потом она принялась рассказывать опешившему самодержцу о некоторых событиях прошлых лет его жизни, насчет которых Николай I был уверен, что знает о них только он один. В заключение бабка-вещунья изрекла:

— Ты хочешь знать, сколько тебе осталось жить. Ну так слушай. Прежде чем придет весна, наступит твой последний час.

В архиве дома Романовых имеется собственноручная запись Николая I об том происшествии, сделанная им на следующий день после него.

Предсказание сбылось.

В ту же пору примерно жил на Руси еще один известный

предсказатель. Может быть, самый известный за всю историю России. Пророчествующий монах Авель, сообщается в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, «за свои предсказания дней и часов смерти Екатерины II и Павла I, нашествия французов и сожжения Москвы многократно попадал в тюрьмы, а всего провел в заключении около 20 лет. По приказанию имп. Николая I Авель был заточен в Спасо-Ефимь-евский монастырь, где и умер в 1841 г.».

Вот как комментирует все это современный исследователь Ю. В. Росциус: «Неоспоримо интересно то обстоятельство, что простой монах крестьянского происхождения был удостоен личной аудиенции тремя императорами, последовательно правившими в России в эти годы. Аудиенции, как можно полагать, доверительной, без свидетелей. Его сообщения были столь необычны и зловещи, что служили каждый раз поводом для последующего заточения в тюрьму. Потом, видимо, разбирая бумаги предшествовавшего властителя, преемник вызывал к себе Авеля и... история повторялась — снова тюрьма!»

Наш современник писатель Ю. Я. Пиляр в документальной повести «Люди остаются людьми» рассказывает, как сам участвовал в процедуре гадания. Информацию о прошлом и будущем считывал для него из неизвестного источника немолодой казах Мухтар Мухтарович, которого его земляки считали чуть ли не пророком. Я не буду здесь пересказывать, что конкретно сообщил провидец автору повести о его прошлом и, главное, о будущем. Вся информация о днях минувших оказалась полностью верной. Как выяснилось в дальнейшем, сбылось и все предсказанное старым казахом. Мое внимание привлекает другое — сама процедура гадания.

В описании Ю. Я. Пиляра она выглядит так:

— Мухтар Мухтарович расстилает перед собой белую тряпицу, достает небольшой мешочек и вытряхивает из него сухую глянцевитую фасоль. Он протягивает раскрытые ладони с длинными пальцами, слегка шевелит ими и делает плавные, как бы парящие движения. Я смотрю вовсю, и мне кажется, что фасолины капельку двигаются, хотя, я вижу это отчетливо, он не прикасается к ним. Мухтар Мухтарович на минуту закрывает глаза, лицо его напрягается и застывает. Потом, открыв глаза, разводит руками, вглядывается в крапинки на фасоли, говорит еле слышно и монотонно...

Он произносит свои пророчества.

Очень интересное рассуждение о внутренней тайной пружине психического прорыва в будущее я прочитал в книге прямиком в вещее сновидение: «Меня точно что-то убаюкивало, навевая сон. Веки мои отяжелели...»

В. Сафонову для подключения к «некоему информационному полю», где содержится информация о будущем, приходится напрягаться. Он сосредоточенно концентрирует внимание своего подсознания на стремлении войти в то поле. Здесь опять — работа психики в измененном состоянии сознания.

Старый казах Мухтар Мухтарович тоже сначала вводит себя в экстатичный транс и лишь затем начинает вещать пророчества — «еле слышно и монотонно».

Как старый казах «входит в поле», вонзает свой внутренний взор в будущее?

Члены моей «бригады» в ходе сходных наших попыток «войти в поле» постоянно отмечали сильное жжение в точке «третьего глаза» на лбу, а также давящее чувство в солнечном сплетении и странное ощущение «расширения» сердца.

Есть такая старинная русская пословица: «Смотри в оба, а зри в три». В ней нормальному зрению в «оба глаза» четко противопоставлено куда более добротное, более качественное зрение в «три ока». Что если это не метафора, а отражение реального физического процесса? Предположим, нашим далеким предкам был хорошо ведом сей процесс, однако с течением столетий знание о его сути утратилось. Оно сохранилось лишь в форме слабого намека на ту суть в приведенной стародавней пословице...

У некоторых рептилий имеется «третий глаз». Это шишковидный орган в передней части темени, реагирующий у них на свет. Подобный орган — ни на что, впрочем, вроде бы не реагирующий! — есть и у человека. Он называется эпифизом, или щитовидной железой. Дольчатая структура железы отнюдь не отдаленно напоминает структуру сетчатки глаза. Эпифиз — самый загадочный орган человеческого тела. Он — единственная в теле железа, о функциональном назначении которой по сей день ничего не известно. Эпифиз как бы просто существует в организме, выполняя в нем работу неустановленного назначения.

Теперь — о солнечном сплетении, другое название которого «эпигастр».

Упоминавшийся Г. Дьяченко рассказывает о сеансах гипноза, проводившихся французским психиатром Дезелем в конце прошлого века. К удивлению психиатра, некоторые из загипнотизированных им людей превращались... в ясновидящих! Попутно наблюдалось следующее.

— Обычная личность как бы исчезает при этом,— читаем мы у Г. Дьяченко,— и на ее месте появляется личность месмерическая... Эта личность имеет замечательную отличительную черту, которая довершает ее обособленность от обыкновенной личности. Если последняя имеет своим центром головной мозг, то вторая локализована в солнечном сплетении. В некоторых случаях голос сомнамбулы выходил точно из эпигастра.

Члены моей «бригады», ссылаясь на свои ощущения в ходе экспериментов, говорили мне: эпигастр — это не некая обособленная точка на человеческом теле. Она — «дверь в сердце».

По данным моих сотрудников, вход в измененное состояние сознания, в «экстаз», «транс» имеет нечто вроде тамбура с тремя дверями. Последовательное продвижение сквозь двери воспринимается так: резкое жжение в точке «третьего глаза» — пауза — сильное давление в эпигастре — пауза — ощущение как бы беспрерывного «расширения» сердца.

А что такое сердце?

И куда уходит из него сигнал, запрос о событиях дня завтрашнего, посланный из мозга через «третий глаз» в эпигастр, а оттуда — в эту мерно работающую мышцу?

Может быть, сигнал отправляется из сердца в некий иной, допустим, мир, неизмеримо более сложный в сравнении с нашим миром? Ну, например, в мир, отличающийся от нашего числом пространственных, а также темпоральных измерений... Если в том мире существуют несколько дополнительных координат времени, то это означает одно — время там обладает «объемом». А значит, будущее существует в том «объеме» наравне с прошлым и настоящим. Наконец, последнее допущение. Может быть, наш мир есть лишь малая часть великого многомерного континиума, все «высшие измерения» которого полностью скрыты от людского взора?

Современные математики разработали чисто теоретическую модель четырехмерной сферы. Математическая топология решила попутно задачу о трехмерном сечении этой сферы. В нашем трехмерном мире тело описывается в виде объемной кардиоиды.

Такая кардиоида может служить резонатором голографического типа, по самой изначальной структуре настроенным на излучения, возникающие в четырехмерном пространстве.

А теперь — самое интересное, от чего просто-напросто захватывает дух. В нашем с вами мире кардиоида существует не только в виде объемной модели, стоящей на

столе математика, занимающегося изучением топологии пространства четырех измерений. Кардиоида создана природой, и она сидит в каждом из нас.

Она — сердце!

Человеческая сердечная мышца с точностью до мельчайших своих изгибов повторяет форму объемной кардиоиды. Сердце — природный резонатор, инструмент связи с неким «высшим миром», с пространством четырех измерений. А сколько в том пространстве измерений времени — Бог весть... У нашего средства связи есть собственная «телекамера», осуществляющая надзор «высшего мира» за тем, что творится в нашем мире внутри каждого из нас и вокруг нас. Это — «третий глаз», эпифиз.

Чтобы сознательно инициировать в трехмерном мире связь с высшей четырехмерной реальностью, нужно произвести самовозбуждение всего рабочего контура резонатора. Требуется включить «третий глаз», затем — эпигастр и затем — сердце. А удается сделать это лишь в ситуации транса, экстаза, измененного состояния сознания.

Не мудрствуя лукаво, я вводил членов моей команды в подобное состояние, пользуясь древней как мир методикой. Я рассаживал людей замкнутой цепью в так называемый «контактный круг». А потом начитывал вслух некий достаточно заунывный текст, способствующий глубокой релаксации... Я исходил из нехитрого предположения, что люди, впавшие, взявшись за руки, в транс на «контактном круге», превращаются в некоторое подобие радиоприемника или даже телевизора.

У одного из них — один набор данных от природы резонансных частот, строго индивидуальный, личностный. У другого — свой набор, немножко иной, тоже строго индивидуальный. У третьего — свой. И так далее. Один работает как сопротивление в радиосхеме, второй — как конденсатор, третий — как триод. Соединенные вместе, они превращаются в «живой телевизор». И на его экран начинает поступать информация из многомерной «высшей реальности».

В том числе — информация из будущего, которое в той умонепостижимой реальности «уже есть».

Феномен зеркал

Совершенно случайно — подчеркиваю, случайно! — в ходе экспериментов моей «бригады» была засечена некая попутная информация. Она оказалась визуальной и поступала на оптическое полотно зеркала. Ее «увидел» только фотоаппарат! Глазами она не воспринималась.

Информация была неслыханной, невероятной. По сути она носила революционный научно-познавательный характер. Поясню здесь сразу же: к нам «на эксперименты», как на огонек свечи, стали прилетать выходцы из Неведомых Миров. Они прибывали на «летающих тарелках» и демонстрировали свои летательные аппараты, показывая их нам в разных видах и в различных ракурсах в зеркалах.

Почему — в зеркалах? Почему — не в «натуре», а лишь как бы в форме отражения «натуры»?

Что ж. Обстоятельства вынуждают поговорить о зеркалах.

И. Сахаров, «Сказания русского народа», 1837 год: «Наши ворожеи, собираясь гадать на зеркалах, берут два зеркала, одно большое, другое поменьше. Большое зеркало ставят на столе, против него — маленькое. Гадающая садится перед зеркалом, обставленная свечами... Как скоро будут наведены зеркала, то в большом

из них отражается загадываемый предмет. Второй признак наведения есть тусклость зеркала...»

М. Забылин, «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия», 1880 год: «Особа, севшая гадать, должна смотреть в зеркало пристально и неподвижно, направляя свой взор в конец представившегося ей коридора, образовавшегося от двух зеркал, направленных стеклами одно против другого... Говорят, зеркало перед началом видения тускнеет».

Г. Дьяченко, упоминавшаяся книга: «Прорицатель пристально глядит на поверхность зеркала, пока она не исчезает и пока между ним и зеркалом не явится как бы завеса из тумана. На этой завесе выступают образы».

В. Зиновьев, «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири», 1987 год, рассказ очевидца: «Гадали. На святки. Ставили два зеркала, чтоб зеркало в зеркало было. А перед собой ставили стакан с чистой водой, а на дне — кольцо обручальное. Терпение нужно было большое, чтобы ждать. Мне в кольце парень появился в белой рубахе. Совсем незнакомый... Это мне муж явился».

Или — еще из книги В. Зиновьева, другой случай: «Она зеркало взяла, свечи из церкви поставила... А мы сидим на койке все. Ну вот, зеркало потемнело. Она нас тихонько позвала. В зеркале — колосья, трава заколыхалась, выходит из нее мужчина в пиджаке, шляпе, с тростью... За него она потом и вышла замуж».

Е. Гольцман, «Дурной глаз», 1990 год: «По немецкому поверью ребенок не должен смотреться в зеркало, пока ему не исполнится год, иначе ему суждены всевозможные несчастья... Глядеть в зеркало ночью в темноте не стоит — можно потерять разум».

В. Сафонов, «Несусветная реальность», 1991 год: «Когда мне было лет пятнадцать-шестнадцать, мы, мальчишки-погодки, собрались у меня ночью под Новый год, решили погадать на зеркалах о своих суженых... Взглянув в какой-то момент в зеркало, я увидел вдали образовавшегося коридора девичью фигурку. Интересно, сумею ли увидеть поближе? И вот уже вижу походку девушки, белую юбку и черный жакет, прическу «под скобку», контуры лица... Много лет спустя я встретил ту, которая была в зеркале».

Из воспоминаний О. Соловьевой, «Московская правда», 8 июня 1993 года: «Я была дома одна. Уж не знаю, что мне взбрело в голову, но я поставила два зеркала лицом друг к другу, чтобы получился коридор. Из этого коридора что-то вышло. Не знаю, что это было — нечто, тень, зазеркальный житель... Бродит... В тот же день сбежала кошка, и мы остались вдвоем — я и тень... Я перекрестила ее. Но она продолжала метаться, и тогда я перекрестила ее наоборот — в зеркальном отражении. Тень ушла в зеркало, и сразу пропало чувство тревоги, в доме стало хорошо и спокойно. Что такое зеркало? — спрашивает далее О. Соловьева.— Что это за таинственный предмет, который мы видим каждый день, не замечая его, и вспоминаем о нем, только когда собираем его осколки или когда в доме появляется покойник и старинный обычай требует завесить зеркала».

Итак, в зеркалах, поставленных напротив друг друга, возникает тоннель. В его беспредельную даль уходит вереница отражений свечи или свечей, установленных на столе между зеркалами. Длинная шеренга колеблющихся огоньков освещает тоннель...

Возникает оптический тоннельный эффект. Только ли оптический — то есть кажущийся, мнимый? Если — только, то как же быть с «тенью, зеркальным жителем», явившимся к О. Соловьевой?

Из рассказа женщины вытекает: зеркальный тоннель — вовсе не зрительный обман. Он на самом деле куда-то ведет. Тоннель — не оптическая мнимость, а особая форма, «фаза» пространства и времени, в которой протекают некие реальные физические процессы. Пространство и время в тоннеле искривляются. В результате происходит прорыв в Зазеркалье. И оттуда, из многомерности Неведомого начинает поступать по «искривленной дуге» тоннеля, канала связи, информация о будущем. Являются суженые, вернее — образы будущих мужей или жен.

Туда же, в Зазеркалье, уходят и души умерших людей — на сей раз через одно отдельно стоящее зеркало. В моем архиве есть несколько жутковатых сообщений о наблюдениях, сделанных в «домах с покойниками». Гроб с телом стоит на столе, а в зеркале, по глупости людской не завешенном простыней, вдруг появляется усопший, видимый со спины. Он быстро удаляется прочь — внутрь, в «глубину» зеркала. И, естественно, тут же начинаются панические крики людей, видящих это натуральное потустороннее «чудо».

Стало быть, зеркало, любое (!) зеркало — это дверь, ведущая в некий Иной Мир или даже в Миры.

Фото 1. Поздний вечер 25 декабря 1995 года. Деревенская изба в подмосковных лесах. А. Прийма ставит эксперимент с двумя поставленными напротив друг друга зеркалами и свечами. С помощью третьего вспомогательного зеркала визуальная информация с круглого зеркала, стоящего «лицом» к А. Прийме, передается в глазок фотокамеры.
Во вспомогательном зеркале отчетливо видны некие «энергетические амебы». Они плавают в воздухе перед круглым зеркалом. На шести последующих фотокадрах зафиксированы постоянные изменения в местоположении «амеб»

Фото 2. Эксперимент продолжается. Экспериментатор надел очки, чтобы лучше видеть происходящее внутри «зеркального тоннеля». Он отмечает кратковременное потемнение поверхности зеркала. В этот момент и был сделан данный снимок. Световой шар на нем — не отблеск от зеркала. На девяти кадрах, отснятых чуть раньше и чуть позже строго из той же позиции с тщательно закрепленного штатива, шар отсутствует.
Фото В. Баранова

Не оттуда ли прилетают к нам «летающие тарелки», пользуясь для своих перемещений из мира в мир зеркальным тоннельным эффектом? Многочисленные фотографии, полученные в ходе экспериментов моей «бригады», работают на сформулированное только что предположение с высокой степенью вероятности.

Подарок с борта НЛО

Все наши опыты по разведке будущего начались с того, что пришло письмо от И. Л. из Гомельской области. В нем очень подробно рассказывалось об обстоятельствах контакта со внеземлянами другого человека — Р. М. из Молдавии. Я списался с Р. М. и получил рассказ о происшедшем от его непосредственного участника. К рассказу были приложены фотография места контакта и тщательно прорисованная схема прибора, сопровождавшаяся подробными пояснениями.

Как видите, я не указываю имена и точные места проживания обоих информаторов.

Если бы указал, то, не сомневаюсь, иные особо деловитые читатели моей книжки, дочитав ее третью часть до конца, тут же ринулись бы разыскивать тех информаторов. А ринулись бы потому, что учуяли бы в том, о чем речь пойдет далее, запашок большой поживы: крупного куша, который можно урвать, выгодно продав образчик внеземной технологии. Навести же справки об образчике можно, само собой, только в двух источниках — либо у информаторов А. Прий-мы, либо лично у А. Приймы.

Слухи о моих экспериментах с «образчиком» и о самом факте его существования дошли до одного из наших научно-исследовательских институтов. Оттуда мне дважды звонили.

Сначала елейными голосами уговаривали передать то, чем я владею, «за просто так» в институт. Ну, а потом грозно и зычно потребовали «передать немедленно». В ответ на мою, как я считал и по сей день считаю, совершенно справедливую попытку обсудить финансовую сторону вопроса раздалась в телефонной трубке брань. Мне пришлось прервать разговор. Ставя в нем точку, я молвил со злостью:

— Что, ребята? Привыкли жить на халяву? Пора отвыкать, любезные. Давно пора... Прощайте навсегда!

В ходе телефонного разговора я так и не понял, я по-прежнему не понимаю и отказываюсь понимать, с чего это вдруг я должен даром плясать гопака перед любой посторонней для меня публикой?! С чего это вдруг должен даром отдавать кому бы то ни было устройство, схема которого была

передана между прочим, лично мне из мглы Неведомых Миров?! О том, почему именно «лично мне», расскажу чуть позже.

Итак, события в Молдавии. Однажды поздним вечером Р. М. сидел за письменным столом и занимался домашними делами. Внезапно, по его словам, стена дома по ту

сторону стола исчезла. Вместо нее появилась какая-то голубоватая дымка. И из нее выступили двое — низкорослые, как дети.

— Одеты они были в нечто, похожее на детские комбинезоны с капюшонами,— сообщает Р. М.— Руки свисают вдоль тела как плети. На протяжении всего их разговора со мной руки ни разу не пошевелились. Запомнились странные глаза — сильно удлиненные и очень большие. «Марсиане» разговаривали на русском языке. Сразу же после окончания нашей встречи я записал беседу слово в слово. В процессе контакта страха не испытывал. Зато ощущал что-то вроде помутнения в мозгах, толковал с инопланетянами вяло, за-торможенно, с усилием.

Вот запись разговора:

«Не бойся. Не пугайся. Не волнуйся».— «Я не боюсь»,— сказал в ответ Р. М. И услышал: «Мы пришли».— «Я вижу».— «Ты, вы нужны нам».— «Для чего?» — «Контакт. Близость».— «Вас только двое?» — «Нет. Нас много».— «Где вы?» — «Вокруг вас. Рядом».— «Что вы ищете?» — «Контакт. Дружба».— «Для чего я нужен вам? Что я должен делать?» — «Ничего и много. Сделай приемную антенну».— «Зачем?» — «Будет контакт».— «Как сделать ее?» — «Схему пишем, рисуем, поясняем прямо в тебя. Она уже у тебя в голове».— «Если сделаю, как антенна будет работать?» — «Поставь перед собой. Надень наушники не на уши, а на виски. И думай. Твои мысли войдут в нас».— «Что зависит в данной ситуации от меня?» — «Ничего».— «Я могу рассказать об антенне кому-либо еще?» — «Да».— «Всем?» — «Нет».— «А кому?» — «Одному определенному человеку. Если сам не построишь антенну, то получишь письмо от него. Он узнает о тебе от твоего друга».— «Я не буду делать антенну. Я боюсь».— «Зря. Значит, сделает другой. Прощай. Мы уходим».

Низкорослые пришельцы шагнули обратно в туманное облако и растворились в нем. Облако исчезло... Перед Р. М. снова появилась по ту сторону письменного стола стена.

А в голове у него ярко, как нарисованная фосфором, пылала схема внеземного «средства связи», названного загадочными визитерами «антенной». В своем письме Р. М. также сообщал: «Я так и не решился

построить, собрать из подручных материалов эту «внеземную радиостанцию». Говорю честно: мне страшно. А вдруг она, едва начав работать, облучит мои мозги каким-то вредным для них, внеземным излучением? И я свихнусь, а может быть, и вообще помру... Наверное, вы — тот самый «один определенный человек», о котором упоминали «марсиане». Во всяком случае, вы вышли на меня именно через моего лучшего друга. Высылаю вам схему «антенны»...»

После получения письма из Молдавии прошло некоторое время. Мы с коллегами изыскивали возможность собрать согласно схеме внешне нелепое крупное сооружение, которое было изображено на ней. Дело упиралось в добывание неких различных по своей электропроводимости и по иным свойствам металлов, которые требовались, к сожалению, отнюдь не в миллиграммах, а в весьма весомом количестве.

Наконец, все трудности были преодолены, и мы, затаив дыхание, провели эксперимент с этим диковатым на вид сооружением.

Сработает?.. Нет?..

Эксперимент начался с конфуза.

Не желая подвергать риску других людей — моих сотрудников, я поставил опыт № 1 на себе самом. Трижды сплюнув через левое плечо и трижды размашисто перекрестившись, сунул голову в полукольцо стереоскопических наушников, как в

петлю, как в удавку, выкинутую в наш мир черт его знает откуда... Провода от наушников тянулись к «внеземной радиостанции».

— Не поминайте лихом, ребята,— проговорил сдавленным голосом я, вымученно улыбаясь, и подсоединил концы проводов к клеммам на корпусе «радиостанции».

Мои сотрудники замерли вокруг меня в гробовом молчании. Глаза нараспашку; напряженное внимание на лицах... Что произойдет сейчас? Прийма слетит с катушек, и придется заказывать гроб для его хладного тела? Или же примется он с минуты на минуту буйствовать, круша и ломая мебель, и надо будет спешно вызывать бригаду санитаров со смирительной рубашкой в руках? Или же все обойдется?..

Все обошлось.

Однако совсем не так, как я ожидал и как мне того хотелось.

Дуга с наушниками торчала на моей голове подобно нимбу и... И ничего экстраординарного не происходило! Я напряженно вслушивался. Я ожидал, что вот-вот из наушников начнут поступать в мой мозг какие-то «космические сигналы». Неважно — какие. Любые. Лишь бы удалось опознать

их именно как знаковую систему Неведомого. Например, как код из каких-то скрипов, гудений и писков, жестко модулированных в повторяющиеся серии сигналов явно искусственного происхождения.

Вместо «космических сигналов» стояла в наушниках космическая тишина.

Миновало двадцать минут... Тишина.

— Безобразие! — гневным голосом возвестил я, сдирая с головы наушники.— Завтра же!

Мои сотрудники молча пялились на меня непонимающими глазами.

— Да, завтра же,— повторил я, все более распаляясь.— Завтра утром отправлюсь в Молдавию и очень крепко поговорю по душам с Р. М. Он надул нас, ребята. Разыграл! Эта штука не работает.

— Может быть, мы теперь попробуем испытать эту... э-э... как выразились вы, штуку? — предложил кто-то из сотрудников.— Сядем, как обычно, в «контактный круг», а вы погрузите нас в транс...

— Ладно,— безнадежно махнул я рукой.— Садитесь. Но я уверен, никакого толка не будет. Нам подсунули липу. Втерли простакам очки.

В тот момент я даже представить себе не мог, что случится буквально через несколько минут. В тот момент, уж само собой, не подозревал о роли, которую изначально, как много позже выяснилось, отвели мне внеземные авторы принципиальной схемы «этой штуки». Лишь спустя несколько месяцев поступила на «контактный круг» информация, почему «штука» не заработала с ходу именно на моей голове в ходе опыта № 1.

— Не рекомендуем лично вам злоупотреблять наушниками,— было сказано в сообщении, предназначенном персонально для меня.— Вы — не контактер, не экстрасенс, не ясновидящий. Вы — аналитик, а в отдаленном будущем и учитель. Не суйте нос, куда не надо. Занимайтесь строго своим делом. Управляйте ситуацией, фиксируйте поступающую информацию, анализируйте ее и думайте, думайте, думайте. Ваша задача — понимать, а не получать, осмыслять, а не ретранслировать.

...Мои сотрудники образовали, взявшись за руки, «контактный круг». Я надел на голову одного из них наушники и принялся начитывать вслух текст, способствующий глубокому расслаблению.

И внеземная радиостанция!., вдруг!., заработала!!!

Она запыхтела так мощно и звучно, что в тот же день я

потерял трех членов моего дружного самодеятельного коллектива. А после второго эксперимента, проведенного через несколько дней,— еще двух. Нет, не пугайтесь. Никто из «потерянных» не погиб и не угодил в сумасшедший дом. Никто из них не заболел. Никто не испытал даже малейшего недомогания после окончания экспериментов.

Просто люди сдрейфили, когда вдруг ударил по их мозгам тайфун явно нечеловеческих, явно внеземных образов, представлений, даже чувствований. И они покинули наш самодеятельный коллектив.

Не буду называть имена тех, кто, празднуя труса, сбежал из коллектива. Бог им судья.

Назову тех, кто остался... Но прежде чем назвать имена оставшихся, хочу дать одну важную справку.

Согласно статистическим расчетам Института парапсихологии во Фрайбурге (Западная Германия) на одного мужчину-экстрасенса приходится примерно восемьдесят женщин с экстрасенсорными способностями. Наши прекрасные дамы предрасположены по психической природе своей к восприятию «тонких энергий», излучений многомерной реальности «высших сфер». Подавляющее большинство мужчин в принципе не способно улавливать такие излучения.

В числе сбежавших от меня были двое мужчин с уникальной, редчайшей именно, повторяю, для мужчин, психофизиологической особенностью. Они улавливали излучения. Один из них, к слову сказать, проводил фотосъемку в ходе как первого, так и второго экспериментов со «внеземной радиостанцией». То, что он тогда испытывал, и то, что увидел потом на снимках, сделанных собственноручно, повергло парня в шок... Короче говоря, перед постановкой третьего по счету эксперимента осталась у меня сугубо «дамская команда». Плюс еще один, помимо вашего покорного слуги, мужчина — человек с железными нервами, профессионально, к счастью, владеющий искусством фотосъемки.

Называю членов команды поименно: Инна Василиади, Наталья Гляделкина, Жанна Куценко, Татьяна Махотина. А также фотограф Виктор Баранов и автор этих строк. Вот такой крохотный коллектив энтузиастов. Все названные дамы — экстрасенсы первой, заявляю ответственно, категории. От природы обладающие даром Божьим, они развили дар, пройдя выучку у меня, а также изучив основы прикладной экстрасенсорики на различных специальных курсах...

28 апреля 1994 года в квартире Ж. Куценко и был проведен наш первый эксперимент с «радиостанцией». С порога отметая показания тех его участников, которые покинули в ужасе наш коллектив, приведу в очень кратком изложении отчеты тех, кто, напротив, не покинул его, не сбежал.

Все они испытали сходные «визуальные переживания». Перед глазами возникла голубая мгла. Вскоре в ней вспыхнул белый с голубизной луч, ударивший сверху. Началось сильное жжение в точке «третьего глаза» на лбу у каждого. А потом...

Жанна Куценко:

— Потом появился темный круг, который стал увеличиваться в размерах. В центре круга возник огромный глаз. Очень темный глаз. Он смотрел на меня в упор!

Татьяна Махотина:

— Глаз. Темный глаз. Едва приблизившись, он вновь отдаляется. О, да это же лицо!.. На нем — два глаза, узкие, раскосые, необычайно крупные по

размерам. Каждый — почти в пол-лица. Странный подбородок — резко зауженный книзу, как треугольник, старушечий. Узкие губы, вытянутые в ниточку. Я спрашиваю: «Кто вы?» Слышу в ответ: «Пришли с добром. Проверяем вас».

Наталья Гляделкина:

— Глаза... Эти раскосые глаза... Они проверяют нас! Сейчас они отъезжают куда-то в сторону. Вихрь... Начался вихрь из странных геометрических объемных фигур. В вихре прорезается окошко. Вижу светлый белый тоннель, который вдет слегка вверх. Меня втягивает в тоннель. Я несусь по нему с огромной скоростью. Впереди — дверь или нечто, похожее на дверь. Она сейчас откроется...

В этот момент я прекратил эксперимент, резко оборвав его. Я был вынужден сделать это, потому что люди, сидевшие в трансе, взявшись за руки, на «контактном круге», вдруг как-то дружно разом застонали и зашевелились. Я увидел — им стало плохо.

Кинулся я к «радиостанции», выключил ее, а потом произвел процедуру ураганно-быстрого вывода людей из состояния медитативной прострации.

Удочка с крючком

Каждого из участников этого эксперимента я опрашивал после его аврального окончания по отдельности. Я выводил очередного «допрашиваемого» в соседнюю комнату. При этом все прочие строго исполняли мой приказ: сидели в ожидании своей очереди, как воды в рот набрав. Взаимообмена информацией между ними не происходило.

Отчеты всех (!) совпали с точностью до восьмидесяти про-

центов. Это не просто озадачило меня, а натурально ошеломило. Возникли две версии.

Первая: случилось нечто вроде кратковременного коллективного психоза.- Экстрасенсы, погруженные мною на «контактном круге» в трансоподобное состояние, принялись обмениваться телепатической информацией. Они стали усваивать какие-то нелепые картинки, выплывавшие, допустим, откуда-то из подсознания наиболее мощного телепата из их среды. Кто он, сей телепат,— неизвестно.

И вторая: странная по внешнему виду конструкция, использованная в ходе эксперимента, на самом деле оказалась средством связи с Иными Мирами, слепленным нами из подручных земных материалов по внеземной принципиальной схеме.

Какой из версий отдать предпочтение?

В углу комнаты, где проводился эксперимент, стоял трельяж с высоким узким зеркалом. Чисто случайно (!) зеркало попало в один из кадров на фотопленке, отснятой в тот день. Пленка была проявлена, и фотографии распечатаны.

На одной из них оказались запечатленными две удивительные аномалии, возникшие внутри «контактного круга». А на другой, сделанной через несколько секунд — на той, где в кадр попало зеркало,— парила «летающая тарелка»! Она висела в воздухе как бы внутри зеркала, а снизу исходило от нее мощное свечение. Оно отдаленно напоминало овальный воздушный шар, целиком состоявший из света. И вот что особенно изумляло и завораживало: свечение, бившее из днища НЛО, простиралось за край зеркала! Оно «освещало» в комнате пространство рядом с ним, словно бы рыща светом внеземного фонаря по соседней для НЛО реальности.

Оно как бы шарило по «нашу» сторону оптического полотна зеркала, этой пленки, отделяющей нас от «той» стороны — от зазеркального мира.

Сенсационная фотография однозначно опровергала первую из версий о сути происходившего на эксперименте. Сенсационная фотография ясно показывала — внеземное средство связи работает.

Это зеркало, высившееся в углу комнаты... Господи, как же нам повезло, что оно стояло там и что по счастливой случайности угодило в кадр! Если бы этого не произошло, я бы не отдал команду В. Баранову почаще нацеливать в дальнейшем глазок фотокамеры на зеркала, которыми мы с того памятного дня стали пользоваться в ходе экспериментов совершенно сознательно.

Последующие контактные опыты показали, что выходцы из неведомых далей прибывали на «собеседования» с нами именно и только сквозь «зеркальные тоннели». Они «демонстрировали» фотоаппарату в руках В. Баранова свои заведомо внеземные устройства исключительно в зеркалах, а также сплошь и рядом... вылетали из зеркал в нашу реальность в форме крупных светящихся шаров. Особо подчеркиваю, что все эти визуальные манифестации внеземной мощи, способной сквозь оптическое полотно зеркала протаранивать дырки между мирами, улавливались только фотокамерой.

Никто из нас ни разу не видел собственными глазами эту зазеркальную феерию.

Фото 1. Внизу — энергетический сгусток неизвестной природы. Выше сгустка — таинственное пятно «пространственных искажений», «выемка», «полость» со сложно организованной внутренней структурой

Фото 2. Сделанное через несколько секунд после фото 1. В зеркале зависла «летающая тарелка», отчасти похожая на армейскую мину. Из ее днища бьет сноп света, который выходит за край зеркала, что отчетливо видно на снимке

Очень важно отметить и другое. Парады НЛО в зеркалах и иной раз — в форме таинственных шаров — перед ними случались лишь тогда, когда в контактных опытах использовался диковатый по виду агрегат, «внеземная радиостанция». Многочисленные контрольные сеансы медитации на «контактном круге» без использования «радиостанции» давали нулевой результат. По данным женщин-экстрасенсов, они просто расслаблялись, «балдели» и — все. Контакта с иным разумом не происходило. А на фотопленках, попутно отснимаемых, не обнаруживалось никаких «посторонних аномалий».

Стало быть, психические и для фотоаппарата, в отличие от наших глаз, оптические взаимодействия с иной реальностью осуществлялись исключительно с помощью внеземного средства связи, или «радиостанции», как я условно называю это средство. Оно было удочкой с крючком на конце бесконечно длинной, паранормальной лески.

Широким взмахом удилища крючок забрасывается из одной реальности в другую. А там уже суетилась в ожидании местная мелкая рыбешка. Любопытствуя, она с ходу заглатывала яркий блестящий крючок, намертво садилась губой на него.

Ставя дальнейшие эксперименты со средством связи, я осознавал с бесповоротной, беспощадной отчетливостью, кто был рыбаком, а кто — рыбешкой. Это моя губа сидела на внеземном крючке! Самое же занятное в ситуации: рыбка, которую предстояло отловить, сама изготовила для себя крючок — сама изогнула его по подсказке таким манером, чтобы он повернее, покрепче вошел в ее губу.

В этой игре в рыбака и рыбку (не думаю, что золотую) была своя внутренняя магия, свои глубинные колдовские чары. Рыбка знала, что она — рыбка, которую ловят. Рыбка также знала, что крючок — это не просто какая-то непонятная блестящая штуковина, а именно рыбацкий крючок на конце лески, привязанной к удилищу. И, зная все это, рыбка тем не менее не могла спокойно проплыть мимо крючка. Ее так и тянуло заглотить его, вкусить сладость приманки.

Она подплывала к крючку, как загипнотизированная, и со смаком всасывала его в себя...

А далее начинались чудеса — новые серии психических контактов, новые серии уникальных снимков. Коротко расскажу лишь о некоторых наших экспериментах с «радиостанцией», а также воспроизведу на страницах книги лишь отдельные фотографии, полученные в их ходе. Моя книга — не фотоальбом. К сожалению!

4 июня 1994 года. Снова — квартира Жанны Куценко. Я опять рассаживаю экстрасенсов в «контактный круг», а на голову Жанны надеваю наушники. От них тянутся провода, ведущие к одному из элементов «радиостанции». Погружаю участников эксперимента в трансоподобное состояние. А потом начинаю медленно бродить вокруг них, проверяя пульс у каждого и время от времени снимая наушники с головы одного и надевая их на голову другого.

Фото 1. НЛО, похожий на юлу, или гироскоп. Объект состоит из растянутых горизонтали вздутий, перемежающихся выемками

Фото 2. В зеркале — то ли новое тело, то ли трансформация прежнего. НЛО отдаленно напоминает самовар. Справа на его корпусе виден верти-|ально расположенный овальный «щит». В нижней части объекта — три горизонтальных вздутия, а в днище — дыра

Перед началом опыта мы договариваемся: сегодня я буду шепотом «на ушко» задавать вопросы тому, у кого в этот момент будут находиться на голове наушники, а тот тоже шепотом будет отвечать мне на ухо о своих «видениях» и ощущениях. Попутно я буду перешептываться и с другими участниками эксперимента, которые — без наушников. Буду сравнивать их показания с репортажем «контактера в наушниках».

Дабы впредь не возвращаться к этой теме, скажу, что совпадения в показаниях экстрасенсов в ходе всех последующих экспериментов достигали восьмидесяти процентов. Наиболее

четкая, ясная, очень внятная информация поступала от очередного «контактера в наушниках». Жесткие рамки книги не позволяют мне привести в полном объеме стенографические записи всех наших «сеансов связи», ведшиеся мною. Скажу лишь, что контактные сведения, которые чуть ниже на страницах моей книжки прозвучат из уст, к примеру, Инны Василиади, повторялись практически почти дословно в показаниях, дававшихся мне другими моими верными сотрудницами.

Инна Василиади (наушники — на ее висках:

— Чувствую сильное жжение в точке «третьего глаза»...

Фото 3. Прямо над усиками антенны, одним из элементов «радиостанции», творятся в пространстве какие-то небывалые энергетические феномены. А выше — в зеркале — тот же НЛО, что и на фото 2. Судя по отражению, объект должен был висеть в воздухе прямо в комнате перед рукой А. Приймы, стоящего рядом с зеркалом. Однако он отсутствует на снимке в том месте над усиками антенны, где по логике вещей обязан был находиться.
Следовательно, НЛО висит позади отражения руки исследователя — непосредственно внутри зеркала!

А сейчас давит грудь в районе солнечного сплетения... О Боже! Вижу с огромной высоты поверхность какой-то планеты. Вся она — серо-желтая по цвету. В голове — ощущение присутствия чужого разума. Его трудно описать словами. Просто чувствую, кто-то посторонний вошел сейчас в меня. Шелестящим шепотом я выдохнул в ухо Инны:

— Спросите у вошедшего насчет средства связи, которым мы пользуемся. Оно — с этой планеты?

После долгой томительной паузы Инна, с трудом разжимая губы, проговорила:

— Они отвечают: «Нет». Ой, как странно и страшно!

— Что происходит, милая? Может быть, прервем эксперимент?

— Не знаю. Решайте сами. Мое сознание плывет, плывет, я растворена в чем-то, чему не нахожу слов... Ту планету больше не вижу. Вокруг меня — пульсирующие облака света. Но вот они исчезают... Новая отчетливая картинка. Она — в рамке, как на экране телевизора. Обзор ограничен рамкой. Вижу озеро необыкновенно яркого синего цвета. Почти к самому его берегу подходит лес, изумрудно-зеленый. По берегу направляются в мою сторону два худощавых человека. Одеты во что-то сине-зеленое. Вижу их почему-то плохо, как в дымке. Не различаю их лица. Они приближаются. Они говорят: «Здравствуйте!»

— На русском языке?

— Да. На русском.

Услышав это, я повторил слова, недавно сказанные:

— Спросите у них, средство связи — с этой планеты?

— Они отвечают: «Да».

— Какого его назначение?

— Они говорят: «Ищем контакта». Они... Ну почему я вижу их, как в дымке? Не понимаю... Они говорят: «Продолжайте выходить на связь с нами в том же составе...»

16 сентября 1994 года. Очередной эксперимент проводится в квартире автора этих строк. Из отчета Татьяны Махотиной:

— Мое тело помещено в капсулу, доходящую до шеи. А голова — в шар. Чувствую, как разогревается точка «третьего глаза»... Боль в солнечном сплетении... Сердце раздувается... Слышу голос: «Исследуем мозг». Странное ощущение, что в мое тело воткнуты сверху какие-то провода... Голос: «Исследуем соседнее тело». Вижу, капсула и шар надеваются на Алексея Прийму.

— На кого?! — хриплым шепотом переспросил я, не веря своим ушам.

— На вас они сейчас надеваются, Алексей Константинович. Вот. Уже кадеты. Неужели не чувствуете?

— Нет.

— Странно. А я ясно вижу прозрачный круглый голубоватый шар, надетый на вашу голову, как шлем скафандра. Слышу голос: «У мужчины — отличное сердце, а вот у женщины — такое, что с ним надо работать...»

«Они знают будущее...»

4 октября 1994 года. Квартира на сей раз Татьяны Махотиной. В некотором роде исторический день в деятельности нашего скромного самодеятельного исследовательского коллектива. До этого незабываемого дня коллектив был скорее исследуемым, нежели исследующим. Нас бесконечно ощупывали да прощупывали, не сообщая ничего сколько-нибудь значимого в ответ на мои бесконечные призывы «рассказать что-нибудь интересное»... И вот вдруг во мгле Неведомых Миров сверкнул огонек, на который я не преминул мгновенно отреагировать, нимало не помышляя о том, в какие головокружительные дали поведет он за собой.

Татьяне Махотина — худенькая, невысокая, востроносая, с точеной фигуркой — была и, само собой, по сей день осталась единственной в моей команде дамой с холерическим темпераментом. Меня всегда забавляло, как кардинально менялись ее манеры и повадки, когда Татьяна входила в транс на «круге». Она превращалась в человека, главной отличительной чертой в поведении которого становилось олимпийское спокойствие. Медитация, транс делали ее совершенно другой, не похожей на ту, какой бывала она в повседневной жизни.

Так вот, невозмутимая, безмятежно-флегматичная в трансе Татьяна вдруг неожиданно заволновалась, когда я надел на ее голову наушники.

— Вижу какую-то чепуху,— прошептала она, тревожно хмурясь.— Не может быть, чтобы эту картинку транслировали в мой мозг внеземляне.

— Какую картинку, Танюша?

— Красная площадь в Москве. Люди в военной форме выносят из Мавзолея гроб с телом Ленина.

— М-да-а,— молвил я врастяжку.— Действительно, бред какой-то. Попробуйте задать вопрос — В чем смысл картинки?

— Ответа нет,— сообщила Махотина после недолгой заминки.

Тяжко вздохнув, я снял с ее висков наушники и оценивающим взглядом окинул моих сотрудниц. На чью бы голову надеть теперь скобу с наушниками? Выбор пал на Наталью Глядел кину,

Наталья — полная противоположность Татьяны. Высокая, статная, круглолицая, всегда, как, впрочем, и все остальные мои сотрудницы, с иголочки одетая и ухоженная, ока была знаменита в нашей тесной компании рассудочной деловитостью, а также ровным спокойствием духа. Такой женщине я бы, не колеблясь, доверил руководстве какой-нибудь солидной фирмой, будь у меня такая возможность.

На ее виски и опустилась в следующий момент дуга с наушниками. Надетая моей неловкой рукой, она тут же смяла тщательно уложенную прическу, замысловато вспененную копну пшенично-русых волос.

К некоторому моему удивлению, Наталья Гляделкина тоже вскоре забеспокоилась:

— Не понимаю... Идет сугубо земная информация. В ней нет ничего, так сказать, инопланетного, чужеродного. Вижу Белый дом в Москве. Он — в некотором отдалении. На переднем плане движущейся картинки — высокие дома, стоящие вдоль проспекта. Вижу арку в стене одного из домов. Из-под арки выходят строем люди. Те, что шагают впереди, несут символ двуглавого орла.

— Спросите, в чем смысл картинки?

— Мне отвечают, что они знают наше будущее.

— Не понял. Кто — они?

— Ну, эти... Наши «марсиане», партнеры по диалогу. Картинка, которую я сейчас вижу,— это информация из будущего, говорят они.

— Ах, вот как. Из будущего,— недоверчиво пробормотал я и, решив, что выходцы из неведомых далей дурачат Наталью, сказал с легкой издевкой в голосе: — Попросите «марсиан» показать вам картинку из... Ну, скажем, из 1999 года. Я даже уточню — из июля 1999-го.

Должен вам тут сказать, что в апреле 1993 года (внимание, здесь и далее важную роль играют даты) вышла в свет в Москве моя написанная в январе того же года книжка о гипотетичном Конце Света. В ней я рассказал о том, как в ходе сеансов гипноза, в который вместе с гипнотизером Валерием Авдеевым р погружал контактеров со внеземлянами, были получены две «вести из будущего». Первая: осенью 1993 года в российской столице произойдет что-то вроде почти молниеносной гражданской войны. На улицах появится боевая техника, а прицельная стрельба из автоматов будет

вестись прямо из окон многоэтажных зданий. И вторая: в 1995 году на территории нашей страны будет идти какая-то затяжная внутренняя война.

Оба предсказания сбылись!!!

Октябрь 1993-го: штурм Белого дома и попутные боевые действия в его окрестностях и не только в окрестностях.

1995 год: кошмар гражданской войны в Чечне.

Но самое главное, в той книжке я давал подробный прогноз на 1999 год. Я писал, что удалось расшифровать некий «небесный код», появившийся в сентябре 1989 года над городом Сальском Ростовской области. Свидетелей происшествия — тысячи... Я подробно, поэтапно развернул на страницах книжки всю процедуру расшифровки кода.

Результат раскодирования «небесных знаков» оказался ошеломительным. Из группы сложно организованных и, на первый взгляд, непонятных символов «выплыл» текст, написанный на «глаголице» — древнейшем русском алфавите, происхождение которого окутано тайной. Текст гласил: «Россия. Русским. Иисус Христос, сын Божий, он же Бог, спасет вас 19 июля 1999 года». Далее следовала подпись автора небесного послания: «Его мать». То есть мать Иисуса — Богородица.

Попутно я привел в книжке отчеты о некоторых моих экспериментах и прочие материалы о пророчествах и предсказаниях на наше общее с вами ближайшее будущее. Все они с тревожной синхронностью били прямой наводкой в одну точку. Они содержали в себе сведения, якобы полученные из будущего и толкующие о катаклизме, который — повторяю, якобы! — должен произойти на Земле в июле 1999 года.

Некое крупное небесное тело — астероид?! — должно вроде бы пролететь в указанную дату в очень опасной близости от нашей планеты. В результате на ней неизбежно должны начаться всяческие природные катаклизмы — землетрясения, наводнения, сопровождаемые немалыми людскими жертвами.

Сообщения носили фрагментарный характер. Сведенные воедино, они давали такую картину: небесное тело, «вторая Луна» пролетит — якобы! — по касательной над земным шаром в районе Тихого океана наискось вдоль калифорнийского побережья, потом — то ли над северной частью США, то ли над Канадой, затем над Атлантическим океаном. Где-то севернее Британских островов тело выйдет из сферы земного притяжения и умчится, не задерживаясь, в космическую тьму. Траектория

полета «второй Луны» и главная широченная полоса разрушений, наносимых астероидом, придутся

на ту часть земного шара, которая противоположна России, или, по крайней мере, ее центральному региону. Следовательно, стихийные бедствия — во всяком случае, крупные — обойдут стороной нашу страну, за исключением, по всей видимости, ее дальневосточных окраин.

А теперь — после этой совершенно необходимой для понимания дальнейшего справки — вернемся к нашему прерванному рассказу.

— Они говорят: «Подождите. Сейчас поищем и покажем вам июль 1999-го...»,— прошептала Наталья Гляделкина, и вдруг ее начало трясти.

Голова женщины мелко задергалась вниз-вверх, как у припадочной, а тело стало совершать кругообразные движения, встряхиваемое слабыми судорогами.

— Что с вами? — обеспокоился я.— Вам плохо?

— Нет. Просто через меня идет сейчас сверху вниз поток какой-то энергии. Мне это не нравится, но я чувствую, что так надо... Вижу картинку. Очень страшную! Развалины зданий. На улице перед развалинами медленно бродят люди. А другие люди лежат неподвижно на земле. Слышу голос: «Это что-то вроде эпидемии». Все. Картинка исчезла.

— Развалины, говорите... Ну-ну...— проворчал я.— Послушайте, а вы случаем не разыгрываете меня? Ведь вы же, милочка, читали мою книжку про Конец Света...

— Да. Читала. Ну и что с того? Сейчас я рассказываю о "ом, что вижу. Вернее, секундой ранее видела. Были показаны развалины и было сказано про нечто вреде эпидемии.

— То есть вы тут ни при чем. Вам просто показали картинку? — переспросил недоверчиво я.

— Да. Просто показали.

Гляделкина говорила медленно, с трудом, делая большие паузы между словами. Она пребывала в достаточно глубоком медитативном трансе.

— Что ж, допустим...— процедил я. А потом, рассматривая женщину, продолжавшую мелко трястись, предположил: — А может быть, ваши незримые собеседники совершенно сознательно дурачат сейчас меня через вас? Неумно развлекаются? Подгоняют «видения» под мою гипотезу о всемирном катаклизме, сформулированную в той книжке? По неведомым причинам они хотят потрафить автору книги. Мол, молодчина, все предсказал верно... На самом же деле предсказание автора о Конце Света — полная чепуха. И все эти картинки, все эти разговоры об эпидемии — не более чем развесистая «клюква». Злонамеренная ложь! Очередная попытка неких эфирных вампиров-хулиганов запугать всех нас до умопомрачения...

Произнося сей краткий спич, я вовсе не адресовывал его ни Наталье Гляделкиной, ни другим моим сотрудницам, сидевшим на «контактном круге». Я просто размышлял вслух.

— Снимите с меня наушники,— клацая зубами и сотрясаясь всем телом, прошептала Наталья умоляюще.— Снимите... Сознание плывет. Тошнота подступает к горлу. По-моему, я нахожусь на грани обморока.

Из рассказа Инны Василиади:

— Слышу — произносится дата: «10 июля 1999 года». Затем звучит фраза: «Ситуация подготовки». Вижу мост перед Белым домом в Москве и площадь перед ним. На мосту и на площади — немало людей. Они двигаются туда-сюда, энергично

перемещаются с места на место. Различаю среди них руководителей происходящего. Они отдают какие-то команды, делают указывающие жесты руками. И все это происходит без криков и излишней 'суеты. Все творится в атмосфере, я бы сказала, подчеркнутой деловитости.

Вот вы прочитали сейчас коротенький отчет Инны о ее «видении». Затратили на чтение несколько секунд. А между тем, у нас с Инной ушло на перешептывания, на «составление отчета» не менее четырех-пяти минут. Женщина медитировала. Ее сознание было в полузаторможенном состоянии. Работа по произношению слов оказывалась в этой ситуации именно работой, тяжким трудом. Речь то и дело прерывалась паузами. Слова подбирались с мучительным усилием. Я все время переспрашивал и уточнял.

Читая дальнейшие записи моих диалогов с дамами в условиях «контактных трансов», не забывайте, пожалуйста, об их специфике, только что обрисованной. Все последующие записи вслед за предыдущими будут очищены от бесконечных протяжных междометий, мучительных поисков нужных слов и моих тоже бесконечных уточняющих вопросов. Подчеркиваю, уточняющих, но ни в коем случае не наводящих.

Инна Василиади продолжает свой контактный монолог:

— Наплывает нечто черное... Сегодня... Они говорят, что сегодня — уже 19 июля того же года. Ощущение кромешной жути. Вокруг меня — только звезды. Где я? Неужели каким-то чудом вылетела в космос? Что-то крупное, похожее на ракету, плывет во тьме. Это... Это какой-то гигантский камень. Нет эталона для сравнения поблизости. Не знаю, какие размеры у него... Яркая вспышка перед глазами. Началось что-то вроде ускоренной киносъемки. Мелькают лица людей, искаженные страхом.

Татьяна Махотина:

— Сейчас — середина июля 1999 года. Точнее не скажу. Тихий ясный солнечный день в Москве. На улицах почему-то очень мало прохожих... И вдруг я оказываюсь на морском побережье. Четкое, неведомо откуда взявшееся знание: это берег океана. Не знаю, какого именно. Здесь творится форменный кошмар! Происходит землетрясение. Наблюдается всеобщая паника...

И опять — Наталья Гляделкина:

— Идут вихревые ураганные потоки голубовато-серого цвета. Рушатся огромные здания, небоскребы. Слышу голос: «Сан-Франциско». Туманные клубы застилают взор.

Возникает вопрос — неприятный, но деться от него некуда. Может быть, я довел моих верных сотрудниц до легкого сумасшествия? Вызвал, сам того не желая, кратковременное расстройство психики у них? Все они читали мою книж,ку про Конец Света. И вот сейчас, когда вдруг на «контактный круг» выплыла неведомо откуда тема будущего, у всех моих сотрудниц дружно, разом «поехала крыша», произошел «сдвиг по фазе» по мотивам, так сказать, той моей книжки?..

Можно ли как-то проверить если не достоверность сообщенного ими, то хотя бы его соотносимость с другими источниками информации? Причем эти источники должны быть такими, о каких мои сотрудницы слыхом не слыхивали.

Страшные пророчества

Такие источники есть.

«Справки о будущем», которые я сейчас приведу, не были включены мною в ту мою книжку. А значит, не были известны нашим прекрасным дамам-экстрасенсам.

11 августа 1991 года повстречался я в городе Новочеркасске Ростовской области с сорокалетней Ольгой Корсуковой. По ее утверждению, в середине июня 1990 года она, шагая вечером с работы домой, вдруг остановилась как громом пораженная. Ибо услышала громкий голос: «С сегодняшнего дня ты — предсказательница и ясновидящая».

Сослуживцы и родственники Ольги подтвердили, что за миновавший с того дня год она сделала несколько поразительно точных и уже сбывшихся предсказаний... А вот ее пророчество на будущее, видившееся в 1991 году достаточно отдаленным: «Летом 1999 года над Землей пролетит космический камень. Начнутся землетрясения».

24 декабря 1994 года я получил письмо из Ижевска (Удмуртия), от Вадима Стругая, возраст — 24 года.

В. Стругай сообщает:

— Я смотрел в окно. Солнечный свет бил прямо в глаза. Вдруг, словно из ниоткуда, появились по ту сторону оконного стекла три темных людских силуэта. Рост каждого — выше двух метров. Я не рассмотрел их лица — солнце, повторяю, слепило мои глаза. Один из них что-то очень громко пропищал, повернув при этом голову к своему «соседу». Затем они исчезли столь же внезапно, как и появились. Происшедшее вызвало у меня шок. Дико разболелась голова... А через пару дней эта троица опять возникла за окном. Тотчас же я услышал голос, сказавший на чистом русском языке: «Смотри. Вот будущее». И я как бы всунулся лицом прямо в экран чего-то, похожего на телевизор. Увиденное там ужаснуло меня. Я смотрел с большой высоты. Видел остовы разрушенных многоэтажных зданий, в том числе высотных. Все они стояли в воде. Всюду до самого горизонта была вода, одна сплошная вода... Помню, я спросил, дрожа от страха: «Когда это произойдет?» Все тот же голос ответил: «1999 год. Июль». Потом перед глазами полыхнул огонь. Когда я проморгался, то трех темных силуэтов за окном уже не было.

22 апреля 1994 года пришло письмо от Василия Лобанова, 40 лет, из Рязанской области. А в нем — сюжет про зеркало!

— Ежедневно я занимаюсь медитацией перед зеркалом в прихожей,— пишет В. Лобанов.— Расслабляюсь и читаю снова и снова молитву «Отче наш». Вот что всегда завораживает: ясно вижу в зеркале, как от моей головы протягивается вверх столб белого цвета. Руки наливаются тяжестью и даже вибрируют... В этом состоянии меня изредка посещают странные «видения». Одно из них носит навязчивый характер. Вижу, как рушатся здания в каком-то, судя по всему, большом иностранном городе. По улицам мечутся людские толпы. Попутно возникает подспудное ощущение, что все это случится во вполне обозримом будущем.

10 декабря 1994 года группа московских экстрасенсов во главе с Александром Сафохиным проводила очередной сеанс коллективной медитации. Машинописный отчет о сеансе лежит сейчас передо мною на письменном столе. В ходе сеанса к людям стала поступать отрывочная информация якобы из будущего. Причем это происходило в момент, когда участники медитации пытались синхронно войти на психическом уровне ...в плоскость зеркала, висевшего на стене!

Они услышали голос:

— Прошлое, настоящее и будущее есть у вас только тогда, когда вы находитесь на своей родной планете. Когда ваши близкие потомки выйдут за пределы вашей

звездной системы на своих космических транспортных средствах, они будут изумлены. Ибо обнаружат, что у них не будет ни прошлого, ни будущего. TaKojj выход за пределы звездной системы — дело ближайших ста лет... В начале этих ста лет случится роковое событие. Очень большая катастрофа. Но это не помешает вашим потомкам выйти в дальнейшем в мир, где прошлое, настоящее и будущее едины.

В моей книжке про гипотетический Конец Света я привел одно из пророчеств Мишеля Нострадамуса. Для большей полноты картины, которую я сейчас разворачиваю перед вами, приведу то пророчество снова:

Как великий король Анголмуа,
Год 1999, седьмой месяц,
Великий король ужаса спустится с неба,
В это время Марс будет править ради добра.

А вот еще два пророчества того же Нострадамуса в литературном переводе А. Сапелкина. Первое:

За страшным бедствием куда страшнее следом,
Вседвижитель столетья обновляет,
Быть млеку, крови, гладу, мору, бедам.
Звезда хвостатая на небесах пылает.

Здесь интересна вторая строка, намекающая на то, что «звезда хвостатая» появится на стыке неких двух столетий. Второе предвестие:
Зажжется вдруг там, где Септентрион,
И рядом Рак, звезды косматый свет.
Суза, Сиена, Боэций, Эретрион.
Умрет великий в Риме. Ночи нет.

Свет «звезды косматой» будет столь ярок, что «не будет ночи», ночного мрака, развеянного тем светом.

Септентрион — система из семи, означающая, возможно, семь звезд Малой Медведицы. Ну, а Рак — знак зодиака, соответствующий периоду с 22 июня по 21 июля. Вспомним, в сальском «небесном коде» была указана дата — 19 июля...

Суза и Сиен — города в Италии. Боэций — область Греции. А Эретрион — город в Древней Греции.

Комментируя пророчество, А. Сапелкин в его замечательной книге «Апокалипсис Нострадамуса» задает риторический вопрос: «Не значит ли все это, что в указанных местах произойдет что-то особенное?»

В журнале «Болгария», 1990, № 9, опубликовано интервью, взятое у профессора, доктора трех точных наук Румяны Асеновой-Баллард. В нем приводятся слова интервьюируемой, произведшие лично на меня сильнейшее впечатление:

— По некоторым моим подсчетам, в 1999 году Землю ожидает испытание космического характера, граничащее с планетарным катаклизмом. Я даже вычислила точную дату—18 июля.

Каким образом Р. Асенова-Баллард вычислила дату, в журнале не сообщается.

Поразительнейшая вещь: дата с точностью почти до одного дня совпадает с датой из сальского «небесного кода»!

Весной 1995 года в одной московской газете была напечатана статья инженера Ю. Гушло «Удар невидимой звезды». Как и Р. Асенова-Баллард, автор статьи умалчивает о самом для всякого первооткрывателя важном — о механизме хода своих мыслей, о тайнах своего исследовательского пути. Он доводит до читателей газеты лишь конечный результат своих провидческих исследований.

Ю. Гушло пишет, в частности:

— Есть косвенные доказательства присутствия за крайним членом солнечного семейства, планетой Плутон, объекта большой массы. Там существует гравитационный источник, взаимодействующий со всеми объектами Солнечной системы... Как следует из древних летописей и хроник, глобальные землетрясения на нашей планете повторялись через определенные промежутки времени. Исторические факты свидетельствуют и напоминают о том, что «своенравный и неукротимый нрав» невидимой компоненты Солнца особенно проявляется при их сближении, вызывая трясение всего земного шара. В настоящее время вторая компонента движется по своей орбите со скоростью около 2,5 км/с и приближается к периастру (точке максимального сближения с Солнцем и, значит, с Землей.— А. 77.), которого достигнет в июле—августе 1999 года. Спутница Солнца нанесет по земному шару мощнейший гравитационный «удар», который вызовет глобальные колебания всей его коры. Землетрясения будут параллельно сопровождаться моретрясением с образованием губительных цунами.

Но позвольте! Об этом же самом толкуется и в контактных сообщениях, приводившихся выше-Наконец, в заключение сугубо компилятивного блока информации приведу еще одно предсказание Нострадамуса. В контексте ведущихся рассуждений я квалифицирую его как самое сенсационное, из ряда вон выходящее пророчество. Из него вытекает, что Нострадамус, мысленно путешествуя по будущему, побывал в 1989 году ...в городе Сальске Ростовской области! Наравне с прочими очевидцами атмосферного феномена над Сальском, он видел «сальский небесный код».

А потом напрямую увязал «код» с неким грядущим мировым катаклизмом.

Пояснительная ремарка: «код» был развернут в небе на пяти гигантских белых квадратах. По квадратам прошли три последовательные серии знаков, то есть квадраты использовались трижды, или пятнадцать раз.

Одна серия состояла из знаков вопроса. В упомянутой книжке про Конец Света я разъяснил, зачем появились в «коде» вопросительные знаки, и уточнил, что они не несли в нем никакой важной содержательной нагрузки. Цитировавшееся выше «Послание Богородицы», выявленное в «сальской надписи», было зашифровано в двух других сериях знаков. Общее число квадратов, на которых появились те знаки — восемь.

Итак, пять квадратов. Информация была показана на них трижды, то есть было использовано в общем пятнадцать квадратов. Восемь квадратов из «кода» несли в себе в зашифрованной форме текст огромной содержательной силы. Восемь, пятнадцать и пять.

В своих лекциях об аномальных явлениях, читавшихся мною в самых разных аудиториях, я неоднократно называл эти цифры. Я подчеркивал, что, может быть, и в них тоже сокрыта какая-то тайна, не уловленная пока исследователями.

В ноябре 1994 года судьба занесла меня в город Нальчик. Там попалась на глаза в одном доме очередная книжка про Нострадамуса. Она содержала в себе, в частности, подстрочные, а не литературные переводы его предвестий. Я протянул руку к книге,

и тут случилось почти мистическое (или не почти?..) происшествие. Любопытствуя, я раскрыл книгу на первой попавшейся странице и уткнулся глазами в первый попавшийся текст. И охнул, и ахнул.

Вот этот текст:

Восемь, пятнадцать и пять:
Это не сочетается друг с другом.
Дело дойдет до того,
Что Гений зла допустит исследователя.
С небес падают огненные молнии,
Внушая ужас верующим.
Запад содрогается:
Сальское вино оказалось слишком крепким.

Так и написано: «сальское вино»!

Да уж, «сальское вино», «сальский небесный код» образца 1989 года крепко ударит в людские головы, когда в указанный в том «коде» день начнут падать с небес «огненные молнии». И выяснится, что дата, названная в «коде», оказалась верной. Похмелье от «сальского вина» будет жутким.

«Запад», сказано в пророчестве, «содрогнется». А вот зато «Восток», или Россия, скорее всего — нет. Стихийные бедствия обойдут ее в основном стороной, если верить другим предвестиям других пророков.

Прямое указание на «сальский код» содержится не только в последней строке предвидения, но и в первой. Там идет четкое перечисление основных позиционных компонентов «кода».

«Сальскую небесную надпись» расшифровал Михаил Гапонов из Ростова-на Дону, выдающийся современный исследователь аномальных явлений. Не о нем ли толкуется в пророчестве: «Дело дойдет до того, что Гений зла допустит исследователя...»

«Гений зла», как я понимаю, «допустил» Михаила Гапонова до разгадки тайны «кода». М. Гапонов расколол «код», выявил, в частности, в нем дату некоего важнейшего события в нашем ближайшем будущем. Он «узнал будущее». А лучше было бы не узнавать, вообще не знать обо всем этом. Ибо такое знание несло «зло» в мир. Оно предуведомляло об общепланетном бедствии, о кошмаре сверхкатаклизма, о миллионах, может быть, человеческих жертв...

Десантники времени

Параллельно с экспериментами, которые я ставил вместе с моей командой прекрасных дам-экстрасенсов, проводились мною и другие работы. Об их содержании я не докладывал тем дамам. Я искал пути и способы подтверждения информации якобы из будущего, поступающих к Василиади, Гляделкиной, Куценко и Махотиной из неизвестного внеземного источника. К этим параллельным работам был привлечен из нашей «бригады» лишь фотограф Виктор Баранов.

С февраля по май 1994 года была у меня счастливая возможность пользоваться услугами еще одного человека — профессионального гипнотизера Геннадия Гончарова. Затем наши с Геннадием пути разошлись.

Господин Гончаров достаточно быстро сориентировался в ситуации. Сообразил, что из наших с ним контактов никак нельзя извлечь материальную выгоду. А вся жизнь господина Гончарова была целиком посвящена одному-единственному

хлопотному делу. Известный гипнотизер беспрерывно зарабатывал деньги с помощью бесконечных лекций, семинаров и курсов, которые он организовывал и проводил без пауз, без передыхов. Ваш покорный слуга никаким боком не вписывался в эти лекции и семинары на тему «Сейчас я научу вас всех гипнотизировать окружающих!» В конце мая господин Гончаров указал мне на дверь: мол, у него нет больше времени сотрудничать со мною, он очень, очень сильно занят...

Пока он не стал «очень занятым», мы с ним провели несколько сеансов гипноза в шикарном старинном особняке, где господин Гончаров снимал помещение под свой «учебный центр», Персональный кабинет Гончарова, его «апартаменты» размещались там в так называемом «гобеленовом зале».

Стены в высоком зале были разбиты на вертикальные прямоугольники. В одном прямоугольнике был растянут от пола до потолка гобелен, потемневший от времени. В следующем тускло мерцало гигантское старинное зеркало. Далее следовал опять гобелен, и опять — зеркало.

Все это повторялось и на противоположной стене.

Другими словами, огромные зеркала размещались в зале напротив друг друга. В бесконечность Зазеркалья уходили широченные тоннели.

Очень манили меня к себе эти зеркала. Очень завораживали...

И вот — серия экспериментов.

Я сажал очередного добровольца между зеркалами, «подключал» его с помощью наушников к «внеземной радиостанции». А потом просил Геннадия погрузить добровольца в гипноз. Иногда я варьировал ситуацию — усложнял эксперимент. Проводил с добровольцем сеанс психической релаксации и лишь затем передавал «управление» Гончарову. Или же наоборот — начинал он, а я вдруг останавливал его и сам приступал к «гипнотизированию», устраивал опять-таки сеанс релаксации. Меня крайне занимало, как это отразится на показаниях загипнотизированных, отразится ли вообще. Однажды я даже провел совсем уж необычный эксперимент.

Я уговорил Гончарова стать моим «подопытным кроликом». Устроил ему сеанс расслабления. И Геннадий, к его собственному удивлению, «поплыл», на самом деле весь глубинно расслабился, послушный моим заклинаниям и пассам.

Я загипнотизировал... гипнотизера!

А Виктор Баранов тем временем вел беспрерывную фотосъемку моих экспериментов. Некоторые снимки воспроизводятся на страницах книги. На них — шар или, может быть, шары, выплывавшие из зеркал и порхавшие перед нами толь ко тогда, когда использовалась в наших опытах «внеземная радиостанция». Если чужая эта «радиостанция» не применялась, никаких аномалий на сделанных фотографиях не обнаруживалось. Ка-те-го-ри-чес-ки.

Фото I. А. Прийма проводит сеанс медитативной релаксации в «гобеленовом зале». На голове у его партнерши — наушники, элемент «внеземной радиостанции». К голове женщины подлетает шар, не наблюдавшийся визуально.

Здесь и далее до конца книги — фото В. Баранова

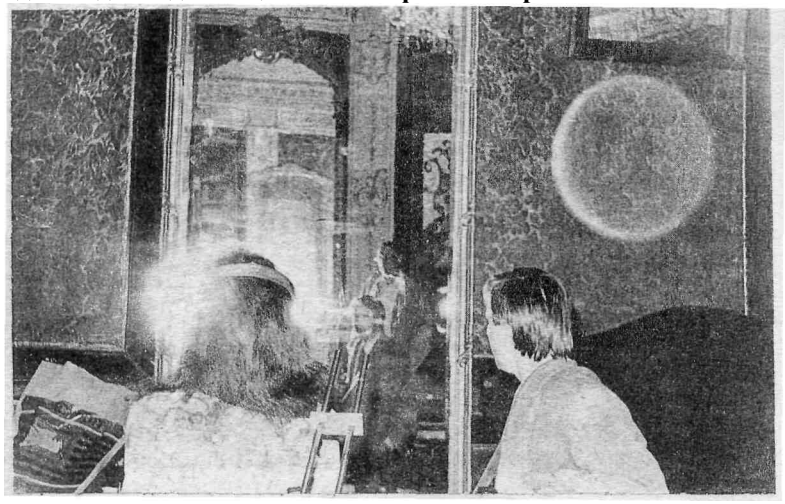


Фото 2. В эксперимент вовлекается другая женщина. И снова появляется таинственный шар (на снимке — справа)

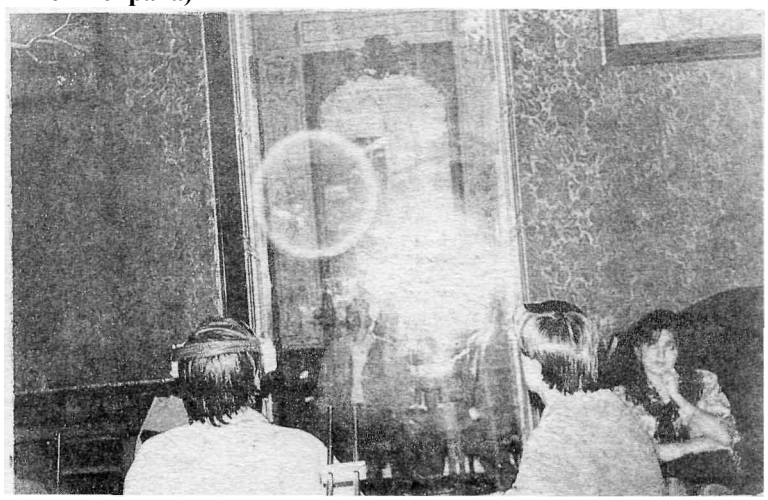


Фото 3. Автор книги ставит контактный эксперимент на себе самом — надевает наушники на голову и расслабляется. Справа на снимке — гипнотизер Г. Гончаров. Из «зеркального тоннеля» вылетает шар

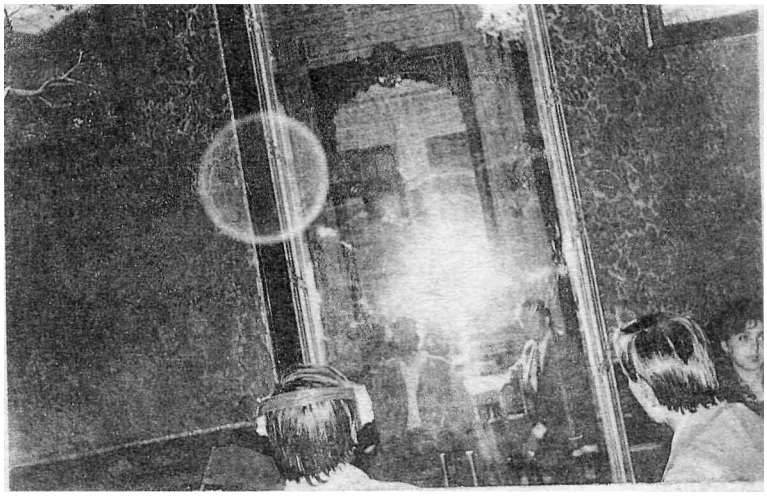


Фото 4. Шар направляется к голове А. Приймы

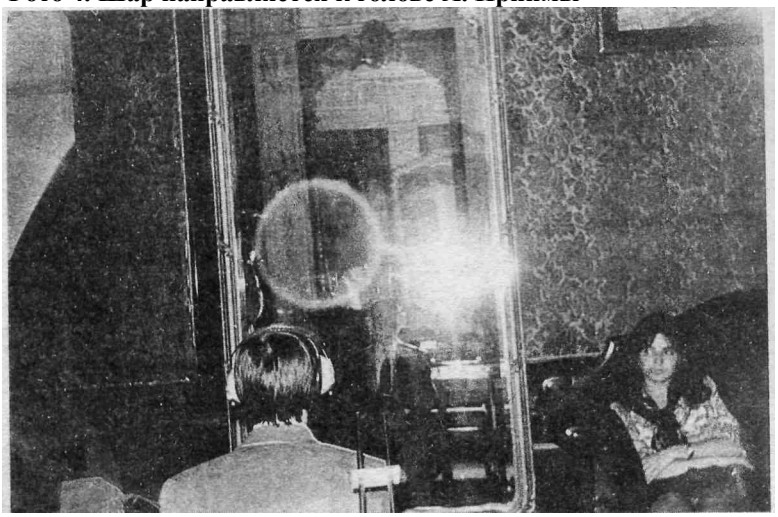


Фото 5. Под гипнозом — гипнотизер! Г. Гончаров, введенный А. Приймой в особое состояние сознания, «подключен» с помощью наушников к «радиостанции»... Из «зеркального тоннеля» вылетает шар

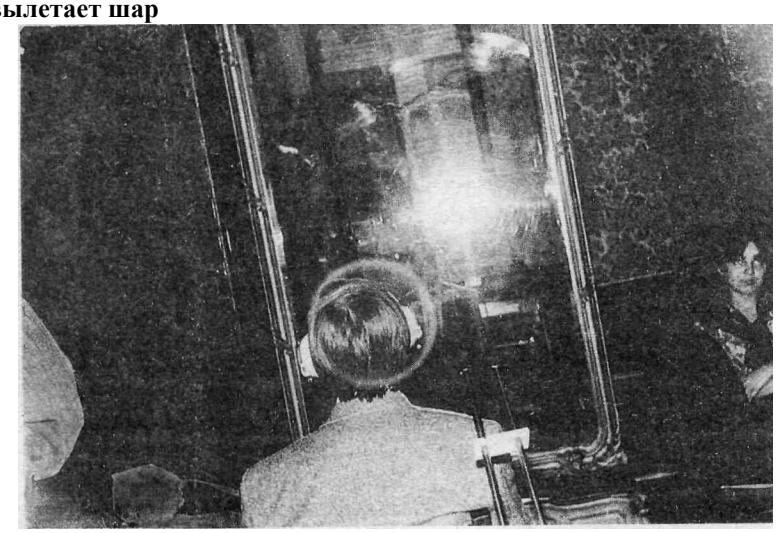


Фото б. Спустя некоторое время шар накрывает собою голову загипнотизированного гипнотизера

Фотоаппарат в руках Виктора Баранова четко фиксировал: шар всякий раз сначала появлялся в зеркале, выныривал из зеркального тоннеля. Лишь затем он выходил за пределы оптического полотна зеркала и принимался виться вокруг очередного загипнотизированного человека. На незагипнотизированных он не обращал внимания! Шар подлетал к загипнотизированному и ...садился ему на

голову наподобие круглого прозрачного шлема, надвигаемого на череп до самых плеч.

На одном из публикуемых в книге снимков ясно видно: шар объял собою голову гипнотизера Г. Гончарова, загипнотизированного исследователем А. Приймой, и... Что — и? Изучает содержимое той головы?...

Помните рассказ экстрасенса Т. Махотиной о голубоватом прозрачном шаре? По ее словам, она видела, как шар сначала опустился, как колпак, на ее собственные мозги, а потом, перелетев к другому человеку — А. Прийме, накрыл своей прозрачной круглой емкостью голову последнего. Попутно прозвучал голос: «Исследуем соседнее тело».

Так вот — по аналогии.

Шар или шары в «гобеленовом зале», надо думать, занимались тем же делом, что и в описанном только что случае. Они «исследовали тела», живущие в соседней реальности.

Одно из таких «тел» принадлежало москвичке Ирине Поляковой, возраст — 45 лет.

Приведу фрагменты моего диалога с нею, загипнотизированной Г. Гончаровым.

— Июль 1999 года, — вещает заторможенным голосом Ирина, плавая в гипнотическом трансе.— Москва... На улицах — очень мало прохожих. Город почти пуст.

— Есть ли что-либо необычное на улицах? — спрашиваю я осторожно.

— Нет. Ничего необычного не вижу. Все нормально. На улицах всюду стоят танки.

— Танки... И вы не находите в этом ничего странного?

— А что тут особенного? Они давно здесь, в городе. Я уже привыкла к ним.

— Привыкли... Понимаю вас,— негромко говорю я, в самом деле осмыслив сию секунду любопытный контекст речей этой дамы.

Ирина Полякова, оказывается, вовсе не получает на «приемник» своего мозга ту или иную информацию из будущего, существующую, так сказать, в виде самостоятельно «функционирующих» картинок — независимых от ее «я», от ее личности. Она сейчас живет там, в дне грядущем! Именно поэтому ока не усмотрела в танках на улицах нашей столицы ничего экстраординарного. Там, в своем будущем, она «уже привыкла к ним».

О-бал-деть!

Значит, сейчас я разговариваю не со своей современницей Ириной Поляковой, а с гостьей из будущего.

— Ирочка,— осведомляюсь я, с любопытством вглядываясь в черты лица этой путешественницы во времени,— сколько вам сейчас лет?

— Нескромный вопрос... Недавно исполнилось ровно пятьдесят,— сообщает мне сорокапятилетняя дама. Потом вздыхает: — Ох, как быстро летят годы...

— Итак, сейчас вам ровно пятьдесят лет... Вы интересуетесь общественной жизнью?

— Да.

— Читаете газеты?

— Да.

— Смотрите по телевизору информационные программы?

— Да.

— Повторите, пожалуйста, какой год стоит на дворе? Загипнотизированная женщина недовольно поджимает

губы.

— Будто сами не знаете! — бросает с упреком она.— Ну, конечно же, девяносто девятый.

— Отвечайте быстро, не раздумывая. Каково главное событие девяносто девятого года?

— Природный катаклизм. Комета.

— Комета?

— И очень большая... Всюду эпидемии. Всюду много больных людей... Очень сильные ураганы, бури.

Затаив дыхание, я спрашиваю:

— Где конкретно ураганы и бури. Уточните.

— Мексика. Калифорния. Там — много жертв. И много больных людей. Эпидемия.

— Когда прошла над Землей комета? — Я уже не просто спрашиваю, я почти кричу.— Точная дата! Ну, живо! Отвечайте не раздумывая!

— Девятнадцатое июля... Катастрофа. Комета. Мне холодно. Холодно. Я не могу. Я не хочу. Мне плохо. Очень холодно...

Эксперимент был немедленно прерван мною.

В показаниях других загипнотизированных в «центре Г. Гончарова» добровольцев в той или иной мере варьировались сведения, якобы полученные из недалекого будущего Ириной Поляковой, Я привел ее рассказ, как наиболее полный, содержательный и особенно интересный тем, что Ирина осознавала себя реально живущей в 1999 году.

Теперь вернемся к «контактным событиям», которые приблизительно в то же время продолжали потихоньку-полегоньку происходить в моей крохотной «бригаде» женщин-экстрасенсов.

29 октября 1994 года. Квартира Татьяны Махотиной. Наушники надеты на голову Инны Василиади.

Инна — невысокая, крепенькая, с очень красивым, чисто русским лицом — никакая не гречанка, несмотря на свою фамилию. Просто замужем за обрусевшим греком. Инна — профессиональный филолог. Одно удовольствие обсуждать с нею после окончания очередного ее «транса» детали «видений», уточняя их нюансы: женщина прекрасно владеет культурой речи.

Инна:

— Опять вижу берег озера на другой планете,,. Или... не знаю... может быть, в каком-то другом мире. И снова идут по тому берегу двое, направляясь ко мне. Их лица — как бы в дымке. Слышу голос: «Мы установили контакт с вами». Спрашиваю: «Зачем?» — «Нужна связь».— «Каким образом осуществляется связь?» — «Через нашу «антенну», которой вы пользуетесь. Цель работы с вами — подготовить вас к прямому контакту с нашими представителями»,— «Когда ожидается такой контакт?» — «Может быть, он случится сразу после катаклизма».— «После какого катаклизма?» — «Да вы сами уже знаете — после какого... В дальнейшем вы будете готовить людей, живущих рядом с вамм, к предстоящим массовым контактам с ними наших представителей, чтобы ваши люди не боялись их».

17 февраля 1995 года. Квартира А, Приймы. Татьяна Махотина:

— Покажите мне еще раз картину из июля 1999 года... Так. Спасибо. Какой ужас* Наверное, это что-то вроде внеземной метафоры. Вяжу дорогу, выложенную людскими трупами. Трупы покрыты белыми простынями.

Жанна Куценко:

— Очень тяжело, неприятно воспринимать все это. Поступающая информация полна сплошными негативными эмоциями, «чувственной чернухой», я бы так сказала. Крики умирающих, рушащиеся здания, огромные волны, сметающие все и вся на океанских берегах... Плохо. Страшно. Беда. Большая, очень большая общечеловеческая беда.

23 февраля того же года. Квартира Ж. Куценко.

Инна Василиади:

— Я спрашиваю: «Когда же мы сможем напрямую общаться с вами? Уточните по возможности дату».— «Когда будете готовы выдержать наши вибрации».— «Как нам развивать себя, чтобы выдержать их?» — «Молитесь. Молитесь. Молитесь».

8 июня того же года. Опять квартира Ж. Куценко.

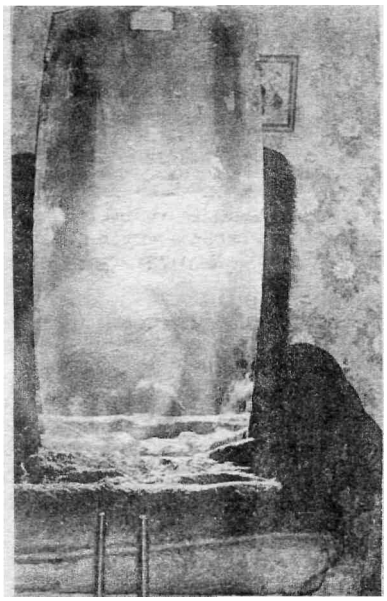


Фото 1. Эксперимент в квартире автора книги. В зеркале слабо просматривается отражение Т. Махо-тиной, сидящей напротив него с наушниками на голове. Из зеркала появляется шар

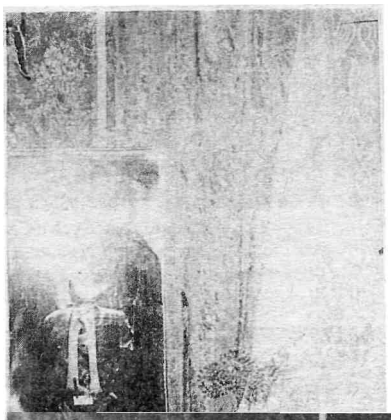


Фото 2. Эксперимент в квартире Ж. Куценко. В зеркале — отражение автора книги. Позади А. Прий-мы висит внутри зеркала «летающая тарелка»

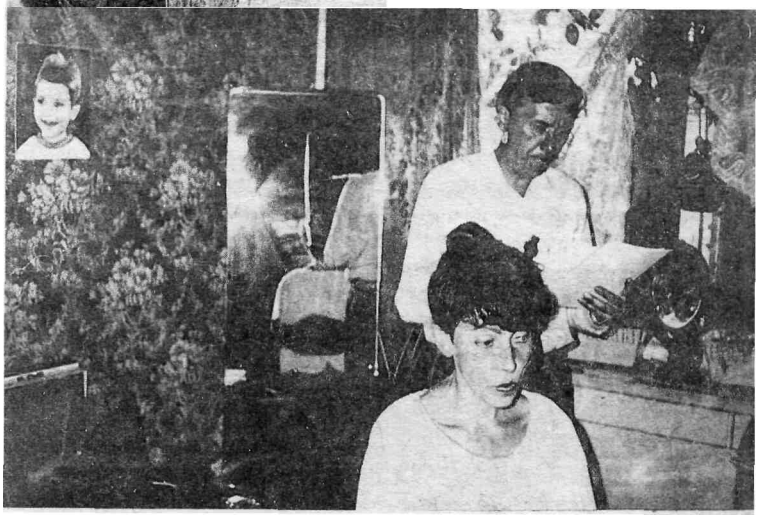


Фото 3. А. Прийма проводит сеанс релаксации. На переднем плане — Ж. Куценко. В зеркале — поразительная картина. Из некоего «сгустка энергии», перечеркнутого светящимся крестом, начинает формироваться «летающая тарелка»

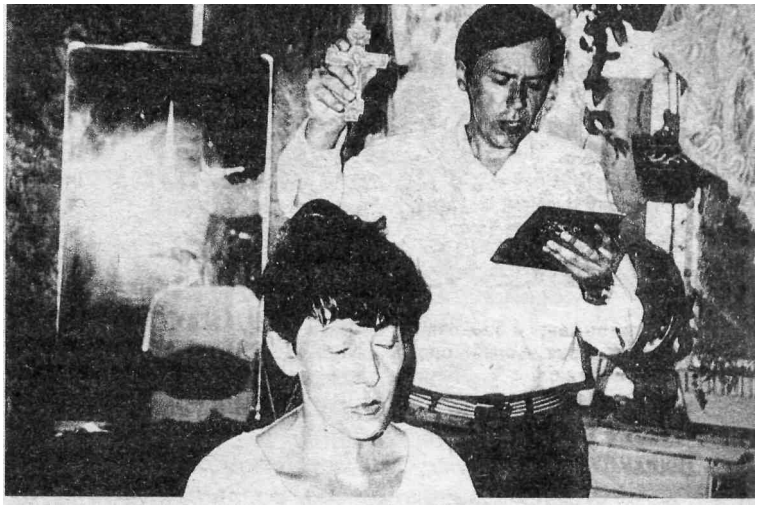


Фото 4. Дальнейшие трансформации объекта. «Сгусток энергии» почти исчез в зеркале. От светящегося креста осталась слабая вертикальная линия. Позади нее — «летающая тарелка», почти приобретшая ту законченную форму, в какой она видна на следующем снимке

Дамы-экстрасенсы давным-давно не сидят уже вокруг «антенны», образуя правильный круг. Опыты показали, что им просто надо находиться где-то поблизости от включенной мною «внеземной радиостанции», а поза и положение тела не играют при этом никакой существенной роли. Сейчас пойдет короткий монолог Жанны Куценко, но сначала — о ней.

У Жанны — внешность такой, знаете ли, классической театральной героини, чье амплуа — «р-р-роковая женщина». Именно так выглядят частенько на театральных подмостках и в импортных телевизионных сериалах р-р-роковые, повторяю, женщины.

Фото 5. Полностью сформировавшаяся «летающая тарелка» во всей своей внеземной красе. К сожалению, она слегка заслонена рукой автора книги

Огромные темные глазищи. Аскетичное лицо с правильными чертами. Копна иссиня-черных волос на голове. В глазищах мерцает некая вечная загадка, томление неведомой нам, сердечной тайны. Взор всегда как бы слегка затуманен мглистой поволокой вселенской печали... В общем, есть в ее облике то, что так тревожит и манит мужчин, — то, что зовется роком, фатумом, флером необъяснимого.

Говорит Жанна Куценко (наушники у нее на голове): — Отчетливо вижу странную картину. Приходит знание, что она «приплыла» ко мне примерно из года 2000-го. Пустыня. Всюду желтый песок. Ясный солнечный день. На переднем плане лежат женщина и ребенок, оба мертвы. А вокруг них рассыпаны во множестве глиняные черепки... Внезапно сверху падает белый луч. Он — очень яркий, «забивает» своей яркостью дневной свет. Луч упирается в эти трупы. Что-то подсказывает мне, что они — символ происходящего примерно в 2000 году. Я спрашиваю: «А что происходит не здесь, в пустыне, а у нас, в России?» Вижу огромный раскосый глаз. А теперь вижу уже два глаза. Они — на белом расплывчатом лице, над которым возвышается белый колпак. Ощущаю сильный энергетический поток, идущий на меня сверху. Лицо исчезает. Появляется четкая картинка. Старая православная церковь, вид изнутри. Расписной потолок, краска местами облупилась. И вдруг... О! А! Я вижу лик Богоматери, склоняющейся надо мной. Она говорит: «Все будет хорошо».

Я снял наушники с головы Жанны и надел их на голову Инны Василиади.

Инна:

— 19 июля 1999 года... Пустая Москва. Лишь кое-где виднеются на улицах редкие фигуры военных в форме защитного цвета. На перекрестках замерли танки. Неведомо откуда приходит в голову мысль: произведена почти полная эвакуация людей из города. Спрашиваю: «Куда эвакуированы люди?» Вижу новую картинку. Бараки пионерского лагеря на окраине леса. О, как много народа вокруг них и, наверное, внутри них. Люди то и дело входят в двери бараков либо выходят из дверей.

Наклонившись над Инной, сидевшей в кресле рядом со «внеземной радиостанцией», я приблизил губы к ее уху и жарким шепотом молвил:

— Попросите показать вам картинку того, что будет через месяц. Если такое вообще возможно.

— Они говорят: «Такое возможно». Да. Вот... Получилось... Сейчас — середина августа. Есть прохожие на улицах Москвы, и многие из них — в гражданской одежде. Но попадаются еще и военные. Люди ходят озабоченные, хмурые какие-то. Ой! Как сильно полыхнуло перед глазами!... Теперь вижу неизвестный мне город. А-а, идет подсказка. Он находится в Калифорнии. Осознаю, что по-прежнему там, в картинке, стоит август. Все дома, даже небоскребы в городе разрушены. Всюду — одни руины. В них копошатся людские фигурки. По-моему, ведутся восстановительные работы.

— Вернитесь в Москву, но держите по-прежнему связь с августом 1999 года... Вы вернулись?

— Да.

— Что вы видите? Оглянитесь в Москве по сторонам. Уточните детали.

— Детали... Разрушений в городе нет. Вот и все детали.

— А ну-ка,— бросил я, озорно улыбнувшись,— пошлите запрос насчет каждого из нас, участников сегодняшнего эксперимента. Будем ли мы живы-здоровы в августе 1999-го?

— Мне отвечают: «Не волнуйтесь. Все вы будете живы и здоровы». Вижу... Нет, постойте! Я не верю своим глазам!.. Слушайте, как интересно! Вижу Алексея Прийму.

— Кого?! — переспросил я.

— Да. Это Прийма. Узнаю его. Он стоит на улице и курит. Где же он стоит? Вроде бы знакомое место... А! Да это же Новый Арбат... Прийма рассеянно посматривает по сторонам. На лице — кривая ухмылка. Поступает откуда-то со стороны информация: Прийма доволен, как наблюдатель происходящих событий, задолго предсказанных им лично, но он крайне недоволен тем, что предсказание вообще сбылось.

Подведение итогов

Я — не экстрасенс и не ясновидящий. Мне несвойственно просматривать киноролики, так сказать, «видений», возникающих перед внутренним взором.

Но сейчас тем самым взором я ясно вижу перед собой лицо читателя этой книжки. На лице застыла скептическая улыбка, в глазах — ирония, даже сарказм. Читатель крутит пальцем у своего виска.

Вы — что, братец, маленько тронулись умом? Верите, спрашивает читатель, во все эти бредни?

Увы, мне нечего ответить. Я не знаю, что сказать. У меня нет чегкой позиции относительно всего описанного выше.

Неведомые собеседники одной из моих сотрудниц обронили, если помните, фразу: «Молитесь. Молитесь. Молитесь». Вот то единственное, что мне остается делать. Я молюсь. Я уговариваю, умаливаю Бога, чтобы миновала нас чаша сия—кошмар 1999 года, достаточно детально прорисованный в многочисленных сообщениях, которые поступили якобы — якобы! — из будущего.

Я буду в восторге, буду беспримерно счастлив, если выяснится, что мною была поднята ложная тревога. Если все эти многоголосые «смертельные вопли» будущего, звучащие тревожно слаженным хором, окажутся не более чем пустопорожним вороньим карканьем.

Однако, скажу вам честно, я боюсь. Я очень, очень, очень сильно боюсь: а вдруг тревога — не ложная, а всамделишно боевая?...

Особенно сгущает мои опасения тот факт, что тревога развивается, с каждым днем, судя по расследованным материалам, как бы нарастает в строгом соответствии с хорошо зна комыми нам сценариями. Я имею в виду феномен «смертельных воплей» будущего, проявлявший себя на протяжении веков. Как показывают исторические факты, из будущего поступают чаще всего только оглушительные крики, предвещающие смертельную опасность. И обычно они бывают правдивыми. Карамзин... Жена генерала Тучкова... Желиховская...

Это спонтанные пророчества.

А вот справки, полученные от внеземлян, знающих — так, что ли, получается? — наше с вами общее будущее. С. Кунаеву сообщается, что судьба, рок загонит его в некую безвыходную ситуацию. И ему не останется делать ничего другого, как только спешно эмигрировать с Земли на внеземном космическом корабле. А Л. Н. Метельской демонстрируют в какой-то загадочной внеземной лаборатории модель

земного шара. На модели имитируются землетрясения и наводнения. Попутно сообщается: «Скоро, очень скоро это произойдет на самом деле».

Выясняется также, что отдельные люди могут считывать информацию о будущем с неопознанного пока источника, некоего «банка данных». Однако для того, чтобы подключиться к его терминалу, нужно особым образом самовозбудиться. Следует войти в психический транс, в особую форму измененного состояния сознания.

Мать Рылеева... Мухтар Мухтарович из документальной повести Ю. Пиляра... Экстрасенс-целитель В. Сафонов... Или — примеры из моей исследовательской практики: добровольцы, загипнотизированные в «гобеленовом зале», мои сотрудницы-экстрасенсы, погружавшиеся мною в медитативную прострацию...

Кроме того выясняется, что мне даже удалось вроде бы выявить, каким путем осуществляется подключение к терминалу всемирного и всевременного «банка данных», находящегося где-то, как я ранее предположил, в четырехмерном пространстве. Без глупой ложной скромности скажу, что я очень доволен этим моим небольшим открытием. Я не позаимствовал его из чужих книг. Я пришел к тому, к чему пришел, путем самостоятельных размышлений и достаточно, согласитесь, парадоксальных экспериментов.

Контактные опыты, которые я ставил вместе с дамами-экстрасенсами, отчеты о некоторых возникающих в их ходе физиологических ощущениях убедили меня в одном. Прорыв в четырехмерную реальность возможен из трехмерного мира только по каналу связи «третий глаз — эпигастр — сердце». Причем центральным инструментом является здесь сердце. Ибо оно — кардиоида, трехмерная проекция четырехмерно го тела. Оно — природный резонатор, настроенный на излучения (на информации!), поступающие из пространства четырех измерений.

Нам неведомо, сколько в том пространстве координат времени. В любом случае их там больше одной. Время там «объемно»: прошлое, настоящее и будущее существуют в немыслимо сложных далях этой реальности параллельно друг другу. Никак иначе невозможно объяснить многочисленные исторические факты сбывшихся пророчеств, спонтанных предвидений и сознательных, вроде описанной у В. Пиляра, разведок будущего.

В ходе анализа сообщений и моих экспериментов удалось также обнаружить один важнейший аксессуар, резко облегчающий сознательную разведку будущего. Это — зеркало.

В двух поставленных напротив друг друга зеркалах возникает оптический и — я утверждаю это однозначно! — не только оптический тоннельный эффект. В книге В. Зиновьева приводятся рассказы женщин-очевидцев, лично наблюдавших появление в зеркальном тоннеле своих будущих мужей. Экстрасенс В. Сафонов увидел в таком же тоннеле свою будущую супругу. А к О. Соловьевой пожаловал из тоннеля незваный гость — «нечто, тень, зазеркальный житель».

Зеркальная бездонная шахта — это не оптический обман. Она на самом деле ведет в таинственный зазеркальный мир или же сразу в несколько миров. Это подтвердили фотоснимки, сделанные в «гобеленовом зале». Связь с тем миром можно осуществить и с помощью отдельно стоящего зеркала. Другие фотографии, сделанные в ходе моих экспериментов, убеждают в этом с несокрушимой однозначностью.

«Летающие тарелки», заснятые на них, пользуются тем же каналом связи (!!!), что и «тень», явившаяся к О. Соловьевой, и фантомы будущих мужей и жен. Выше

мельком было отмечено — по тому же каналу связи удаляются в загробный мир души усопших.

Очень заманчивой выглядит идея обсудить все эти вроде бы непохожие друг на друга феномены, стягивая их через феномен зеркального тоннеля воедино, в общий смысловой блок. Может быть, НЛО, фантомы суженых, «тени», души усопших базируются в некоем едином «пространстве» — в общем для них всех четырехмерном мире?! Надеюсь, у меня еще хватит сил и времени, отпу01енного Богом мне, чтобы когда-нибудь, может быть, развернуть эту головокружительную идею в какой-то из моих будущих книг...

В ходе проведенных экспериментов неведомые собеседники прекрасных дам-экстрасенсов отказались сообщать что-либо действительно значимое, глубоко содержательное о себе. Они остались для нас тайной, которая не желала, так сказать, самораскрываться. Зато они с охотой, какой-то, по-моему, немножко подозрительной, передавали нам сообщения якобы из нашего, то есть земного, ближайшего будущего.

Кошмарные информации подтверждались вроде бы другими сообщениями из других источников, что нагоняло на меня тоску и ужас.

О. Корсукова: в 1999 году «пролетит космический камень. Начнутся землетрясения». Контакт В. Стругая с тремя «темными фигурами»: картина потопа и текст—«1999 год. Июль». В. Лобанов: «Рушатся здания». Группа А. Сафохина: «Случится роковое событие».

По Нострадамусу, в «году 1999, седьмом месяце, великий король ужаса спустится с неба». Р. Асенова-Баллард: «В 1999 году Землю ожидает испытание космического характера... Я даже вычислила точную дату — 18 июля». «В саль-ском небесном коде»: 19 июля того же года.

Ю. Гушло: невидимая сегодня для нас с вами «компонента Солнца» приблизится к нашему светилу и, стало быть, к Земле в июле—августе 1999 года. Приблизившись, нанесет по колыбели человечества мощнейший гравитационный «удар».

Дата «Июль 1999-го» циркулирует и по отчетам, полученным в ходе моих экспериментов. Там тоже уточняется конкретный день — 19 июля.

Уточняются и детализируются от эксперимента к эксперименту и масштабы бедствия, места, в которые — якобы! — гравитационный «удар» будет направлен с особенною силою. Мексика. Калифорния. Вообще — Северная Америка. А в России тем временем, как сообщила Богородица одной из дам-экстрасенсов, «все будет хорошо». Случится, впрочем, и здесь своя «малая паника». В частности, будет эвакуировано население Москвы — людей рассредоточат по подмосковным пионерским лагерям, а также, наверное, по санаториям да и просто по деревням. Город займут войска. На перекрестках появятся танки.

Но в августе 1999-го гражданское население начнет потихоньку возвращаться в Москву. Никаких заметных, бросающихся в глаза разрушений в российской столице не будет...

Еще и еще раз повторяю, я не знаю, насколько достоверны эти предсказания. Хотелось бы думать, что они — бред и чепуха.

А если вдруг не чепуха?

Так или иначе, до июля 1999 года остались сущие пустяки — немногим более тысячи дней. Сегодня стоит на дворе 21 ноября 1995 года. Сегодня я заканчиваю писать эту книжку, над которой работал безостановочно три месяца подряд. Время летит быстро. Не успеем мы с вами оглянуться, как пройдут три с лишним года.

И тогда... Тогда...

Не хочу я этого вроде бы четко предсказанного «тогда»! Не желаю его! Заранее, если оно сбудется, ненавижу.

Любые контактные сообщения, пожалуйста, присылайте по адресу: 115551, Москва, до востребования, Прайме Алексею Константиновичу. Если хотите получить ответ, прикладывайте к своему письму надписанный конверт с почтовыми марками. Спасибо.